

R110.304
30

792 09
38820101033

Очерки изъ прошлаго тифлисскаго театра *)

А. И. 304
30

Предисловіе.

Въ исторіи русской сцены провинціальныя театры играли роль не меньшую, чѣмъ театры столичныя.

А между тѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, театральныя летописцы и историки, подробно изучая прошлое Императорскихъ театровъ, почти совершенно игнорируютъ провинціальныя.

Изъ провинціальныхъ—тифлисскаго занимаетъ весьма видное положеніе. Въ теченіе 66 лѣтъ своего существованія онъ былъ всегда предметомъ заботъ Начальниковъ края. Съ перваго же дня его основанія тифлисскаго театра стали пользоваться ежегодной правительственною субсидіей, которая съ 4000 руб. была постепенно доведена до 42,000 руб.

Но и помимо субсидій казна постоянно пополняла дефициты, которые въ жизни тифлисскаго театра представляли явленіе хроническое.

За 66 лѣтъ на подмосткахъ тифлисскаго театра выступало великое множество актеровъ и актрисъ, извѣстныхъ, малоизвѣстныхъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ, талантливыхъ и бездарныхъ.

На тифлисской сценѣ начинали карьеру актеры, ставшіе впоследствии украшеніемъ русскаго театра. Къ намъ на гастроли прѣзжали лучшіе артисты Императорскихъ театровъ.

Я не собираюсь писать исторію тифлисскаго театра. Это трудъ слишкомъ большой и тяжелый. И къ тому же для этого я еще

*) Въ кн. VIII за прошлый годъ былъ данъ краткій историческій очеркъ театра въ Тифлисе. Предлагаемые очерки значительно полнѣе представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи тифлисскаго театра за 66 лѣтъ его существованія.

13 2. 0. 1914

не располагаю достаточнымъ количествомъ историческаго матеріала.

Предлагаемые мною очерки, отнюдь не претендующіе на полноту, есть огромная попытка обрисовать, лишь нѣкоторые наиболѣе интересные и яркіе эпизоды изъ прошлаго театра, изъ прошлаго нѣкоторыхъ сценическихъ дѣятелей, имена которыхъ украсили въ былое время программы тифлискаго театра.

Я буду очень радъ, если эти очерки послужатъ хотя бы нѣкоторымъ подспорьемъ для будущаго историка провинціального театра.

Большинство изъ этихъ очерковъ печатались разновременно въ газ. «Тифлисскій Листокъ». Здѣсь они появляются въ значительно переработанномъ, и дополненномъ видѣ.

Материаломъ для моихъ очерковъ служили мнѣ слѣдующіе источники: Книга «Театръ въ Тифлисѣ» съ 1845 по 1854 г., представляющая собой историческую монографію, перепечатанную изъ II-го тома актовъ Кавказской археографической комисіи, многочисленные рецензіи, замѣтки и т. д., разбросанныя въ разныхъ газетахъ, издававшихся въ Тифлисѣ, воспоминанія нѣкоторыхъ артистовъ, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и личныя воспоминанія.

1.

Основаніе русскаго театра.

Начало драматическихъ спектаклей въ Тифлисѣ относится къ 20 мѣ годамъ прошлаго столѣтія.

Въ то время Главнокомандующимъ Грузіи былъ генер. Ермоловъ, въ домѣ котораго время отъ времени устраивались домашніе спектакли, при чемъ участниками этихъ спектаклей были приближенные офицеры и ихъ семьи.

При слѣдующихъ главнокомандующихъ, бар. Розенѣ, Голловинѣ и Нейтгартѣ, изъ лицъ евиты составлялись кружки благородныхъ любителей, которые по нѣсколько разъ въ году устраивали на домашнихъ сценахъ спектакли съ благотворительной цѣлью.

Съ комедіей Грибоѣдова, благодаря его пребыванію въ Тифлисѣ, здѣсь познакомились раньше, чѣмъ во многихъ другихъ большихъ городахъ Россіи.

31 января 1832 г., т. е. через 2 года послѣ первой постановки «Горя отъ ума» въ Москвѣ, комедія Грибоѣдова была сыграна въ Тифлисѣ любителями въ квартирѣ кн. Александра Чавчавадзе, тестя поэта, въ домѣ кн. Петра Багратіона *).

Спектакль этотъ затѣмъ былъ повторенъ въ залѣ Армянской духовной семинаріи.

Самъ исполнитель роли Чацкаго Д. Е. Зубаревъ писалъ по поводу этого спектакля въ «Тифлис. Губерн. Вѣд.» 1832 г. подъ псевдонимомъ «Горегубанскаго пустынноика».

«Еще задолго до представленія комедіи толковали въ тифлисскихъ гостинныхъ о невозможности сыграть эту пьесу, но не смотря на всѣ сіи толки, 21 января, въ присутствіи г. главнокомандующаго Грузіей, супруги его и всего тифлискаго beau monde'a, комедія «Горе отъ ума» была представлена и исполненіе превзошло ожиданіе зрителей. Всѣ сожалѣли о томъ, что начало и конецъ комедіи не были представлены. Она начиналась съ появленія Чацкаго и кончалась словами Репетилова «Вези куда нибудь». Не разбирая подробно каждаго лица, я скажу, что вообще пьеса шла какъ лучше нельзя. Фамусовъ и Репетиловъ достигли совершенства, прочія лица поняли свои роли и выполнили ихъ съ успѣхомъ. Большая часть ролей была сыграна закавказскими уроженцами. Наталью Дмитревну прекрасно сыграла прелестная грузинская княжна. Слова Чацкаго, сказанныя ей «Похорошѣли страхи», невольно вызвали у зрителей рукоплесканія».

Основаніе постояннаго театра въ Тифлисѣ положилъ Намѣстникъ кн. М. С. Воронцовъ, который тотчасъ по приѣздѣ въ Тифлисъ въ мартѣ 1845 г. занялся театральнымъ вопросомъ.

По его распоряженію былъ перестроенъ подѣ театръ манежъ. Театрикъ получился крошечный всего въ 340 мѣствъ.

Для управленія театромъ была учреждена дирекція, а труппа приглашена изъ Ставрополя **).

Первое представленіе состоялось 20 сентября 1845 г. Труппа

*) На мѣстѣ этого дома теперь находится караванъ-сарай и театръ грузинскаго дворянства.

***) Въ составъ первой русской труппы въ Тифлисѣ входили: Приженковская 1-я и 2-я, Марксъ, Петрова, Смирнова, Львова, Надеждина; Львовъ, Смирновъ, Марксъ, Дрейсигъ, Рязанцевъ, Приженковскій, Лиганскій и Исѣдинъ.

была маленькая водевильная. Играла два раза въ неделю и первое время привлекало очень мало публики.

Для поддержанія театрального дѣла кн. М. С. Воронцовъ приказалъ выдавать субсидію въ размѣрѣ 4000 руб.

Находя временный театръ въ манежѣ неудобнымъ и тѣснымъ, кн. М. С. Воронцовъ предложилъ тифлискимъ купцамъ на очень выгодныхъ условіяхъ построить специальное театральное зданіе. (Подробнѣе объ этомъ см. главу IV).

Когда театръ былъ построенъ, субсидія была увеличена до 12,000 руб.; но такъ какъ и этой субсидіи не хватало на покрытіе постоянныхъ дефицитовъ, то кн. М. С. Воронцовъ неоднократно выдавалъ сверхсметныя пособія молодому театральному дѣлу *).

Время управленія краемъ кн. Воронцова было самымъ блестящимъ въ исторіи тифлискаго театра.

Въ періодъ съ 1851 по 1854 г. въ тифлискомъ театрѣ играли одновременно: русская водевильная труппа, балетъ, итальянская опера и только что народившаяся грузинская труппа.

II.

Семья Марксъ.

Изъ артистовъ первой водевильной труппы, положившей основу русскому театру въ Тифлисѣ, значительную роль сыграли въ исторіи тифлискаго театра супруги Станиславъ Осиповичъ и Васса Петровна Марксъ.

В. П. Марксъ, урожденная Бѣльская, родилась въ Харьковѣ въ 1816 г. Она училась въ частной театральной школѣ Штейна, гдѣ, конечно, главнымъ образомъ обучали танцамъ.

Въ труппѣ того же Штейна въ то время служили М. С. Щепкинъ, который обратилъ вниманіе на даровитую ученицу, выступавшую въ отвѣтственной роли Кунидона, въ балетѣ «Жизель».

Вскорѣ молодая актриса выдвинулась и заняла первое положеніе въ труппѣ Штейна.

Выйдя замужъ за С. О. Марксъ, В. П. переезжала изъ города въ городъ, изъ труппы въ труппу, пока наконецъ не добралась до Ставрополя, откуда, вмѣстѣ съ труппой супруги Марксъ пріѣхали въ Тифлисъ.

* Всего за этотъ періодъ израсходовано на театръ 172,463 руб. 63 коп., изъ коихъ 48,000 составляли ежегодную субсидію, а 124,463 р. 63 коп. выдано изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи намѣстника.

Здѣсь чета Марксъ безвыѣздно прослужила до 1856 г. Газ. «Кавказъ» въ своихъ рецензіяхъ о нарождающемся театрѣ естество отзывалась о супругахъ Марксъ. По ея словамъ, «Марксъ появлялся въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ, и вездѣ выказывалъ разнообразный талантъ. Всякій театръ могъ бы гордиться этимъ артистомъ. Г-жа Марксъ имѣетъ талантъ и талантъ усовершенствованный многолѣтнимъ упражненіемъ и игрою на сценахъ разныхъ театровъ. Она жива, развязна и всегда тверда въ своихъ роляхъ; въ особенности она превосходна въ малороссійскихъ пьесахъ и въ роляхъ субретокъ».

Особенный восторгъ газеты вызвало исполненіе Марксомъ въ 1854 г. роли Чичикова въ «Мертвыхъ душахъ»; передѣланныхъ для сцены гр. В. А. Соллогубомъ.

«Знаменитый Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, писала газета, не могъ найти для себя представителя лучше г. Маркса. Удачнѣе передать эту личность—невозможно».

Въ 1853 г. дебютировала старшая дочь Марксъ, про которую газ. «Кавказъ» дала также хорошій отзывъ.

Когда послѣ отъѣзда кн. Воронцова, новый намѣстникъ ген. Муравьевъ упразднилъ и оперу, и балетъ, и грузинскую труппу, а театръ сдалъ подъ русскую драму, антрепренеромъ явился Марксъ вмѣстѣ съ Мухинымъ и Ивановымъ.

Труппа играла лишь одинъ сезонъ, 1855—56 г. Затѣмъ антрепренеры не сошлись въ условіяхъ съ дирекціей, театръ былъ сданъ нѣкому Шадину, а Марксы уѣхали.

Долгое время въ Тифлисѣ существовала одна итальянская опера, но какъ только въ 1867 г. появилась снова русская драма чета Марксъ по зову своего сослуживца Яблочкина, приглашеннаго режиссеромъ, возвратилась въ Тифлисъ, на этотъ разъ съ двумя дочерьми, изъ которыхъ О. С. Марксъ выступала съ большимъ успѣхомъ въ роляхъ простыхъ деревенскихъ дѣвушекъ и молодыхъ купчихъ. С. О. Марксъ умеръ на сценѣ во время репетиціи въ 1869 г. Его вдова и дочь продолжали служить на тифлисской сценѣ еще нѣсколько лѣтъ, пока О. С. Марксъ не вышла замужъ за молодого коммерсанта Ис. Ег. Питоева. В. П. оставила сцену и поселилась у дочери, выступая изрѣдка въ домашнихъ спектакляхъ, устраиваемыхъ въ домѣ Ис. Ег. Питоева, положившихъ основаніе тифлисскому артистическому обществу.

Скончалась В. П. Марксъ въ 1887 году.

А. А. Яблочкина съ семьей.

Почти такое же значеніе для тифлисскаго театра, какъ и семья Марксъ, имѣлъ А. А. Яблочкинъ. Онъ съ женой пріѣхалъ въ Тифлисъ въ 1846 г., во второй сезонъ тифлисскаго театра, командированный директоромъ Императорскихъ театровъ А. М. Геденовымъ вмѣстѣ съ другими молодыми актерами Императорскихъ театровъ: Авенаріусъ, Медвѣдовой, Дмитріевой, Ивановымъ, Мухинымъ, Фоминымъ и Бурдинымъ.

Командировка эта была вызвана просьбой кн. М. С. Воронцова, который хотѣлъ усилить и улучшить составъ русской драматической труппы.

Помимо Геденова, кн. М. С. Воронцовъ обратился за содѣйствіемъ къ М. С. Щепкину, который отвѣтилъ намѣстнику кавказскому слѣдующее:

«Почитаю себя счастливымъ, что, имѣвъ случай заслужить лестное для меня вниманіе в. с. въ Одессѣ, я удостоился довѣрія вашего и теперь, когда среди разнообразныхъ заботъ о благоденствіи ввѣреннаго вамъ края, вы удѣляете часть ихъ на устройство Русскаго театра въ Закавказскихъ провинціяхъ. Желалъ бы отъ всей души оправдать въ полной мѣрѣ ожиданія в. с., содѣйствуя всѣми средствами благимъ намѣреніямъ вашимъ, но, къ сожалѣнію, положеніе мое при Императорскомъ Московскомъ театрѣ въ сію минуту, дозволяетъ мнѣ только указать присланному вами чиновнику *) на тѣ молодыя дарованія, которыя, по крайнему моему разумѣнію, наиболѣе могутъ соотвѣтствовать потребностямъ ново учреждаемой тифлисской сцены. Совершенное-же исполненіе желанія в. с. будетъ зависѣть отъ распоряженія директора театровъ Александра Михайловича Геденова.

Впрочемъ, я сдѣлаю, конечно, все, что могу для облегченія Золотареву его стараній и поисковъ; въ этомъ порукою в. с.— и любовь моя къ искусству и искренняя признательность къ тому вниманію, которымъ вамъ угодно было меня удостоить» Яблочкинъ занялъ въ труппѣ должность режиссера.

*) Чиновникъ канцеляріи намѣстника Золотаревъ былъ посланъ въ Москву и Петербургъ для сопровожденія оттуда командированныхъ въ Тифлисъ актеровъ.

Любопытно отмѣтить, для характеристики заработка актеровъ того времени, что Яблочкинъ съ женой получали въ мѣсяцъ 116 р. 66 ²/₃ к., а все содержаніе труппы, включая дирижера, декоратора, машиниста, полицеймейстера и театральную прислугу, обходилось въ 765 р. 37 ¹/₄ к. въ мѣсяцъ.

Въ этомъ сезонѣ впервые поставлена «Горе отъ ума» въ бенефисъ В. П. Марксъ. А. А. Яблочкинъ игралъ Чацкаго.

Нельзя сказать, чтобы единственная въ то время русская газета—полуофициальный «Кавказъ»—отнеслась снисходительно къ исполнителямъ вообще и къ Яблочкину въ частности.

«Зававѣсь поднять!»—писалъ анонимный рецензентъ, Боже мой! Чацкій! Софья Павловна! Фамусовъ! Молчалинъ! Скалозубъ! Князь Тугоуховскій—что это за *уроды съ того свѣта*, но вовсе не лица съ того, который создалъ Грибоѣдовъ!!...

Яблочкинъ (въ роли Чацкаго) взялъ на себя добровольно горе... Онъ слишкомъ рассчитывалъ или на свой талантъ, или на равнодушіе и незнаніе публики, но ошибся и въ томъ и въ другомъ... Съ паденіемъ Чацкаго упала и вся пьеса... Публика доказала истинное уваженіе къ сочиненію и къ памяти Грибоѣдова не только многочисленнымъ сборомъ, но и равнодушіемъ и даже знаками неудовольствія, заслуженными труппой, которая «исказила завѣтное произведеніе» Кавк. 1846 г. № 412).

Въ 1851 году съ постройкой Тамамшевскаго театра и со вступленіемъ въ должность директора театра гр. В. А. Соллогуба, Яблочкинъ былъ отставленъ отъ должности режиссера и, не желая оставаться рядовымъ актеромъ въ труппѣ, онъ вмѣстѣ съ женой уѣхалъ изъ Тифлиса.

Въ Петербургѣ А. А. Яблочкинъ поступилъ режиссеромъ въ Императорскій Александринскій театръ.

Въ 1863 году, когда въ Тифлисѣ безраздѣльно царилъ итальянская опера, порядкомъ наскучившая публикѣ, А. А. Яблочкинъ обратился съ ходатайствомъ составить русскую драматическую труппу.

Ему предложено было взять театръ безъ субсидій, но отъ такой комбинаціи Яблочкинъ отказался, и итальянская опера продолжала царить.

Въ 1867 г., наконецъ, рѣшили параллельно съ итальянской держать и русскую драматическую труппу. Режиссеромъ приглашенъ былъ Яблочкинъ, который пріѣхалъ въ Тифлисъ вмѣстѣ съ женой и дочерью. Онъ прослужилъ здѣсь одинъ

лишь сезонъ и вернулся на Александринскую сцену, гдѣ занялся культивированіемъ оперетки. Конецъ 60 годовъ въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, какъ извѣстно, ознаменовался блестящими постановками «Прекрасной Елены», «Орфея въ аду», «Птичекъ пѣвчихъ» и другихъ произведеній Оффенбаха. Въ Весной 1873 г. Яблочкинъ снова явился въ Тифлисъ уже антрепренеромъ тифл. театра и, конечно, привезъ съ собою свои излюбленныя оперетки, которыя и въ Тифлисъ имѣли такой же крупный успѣхъ, какъ и въ Петербургѣ.

Продолжая антрепризу театра зимой, Яблочкинъ оставался въ то же время и режиссеромъ Александринскаго театра, управляя тифл. труппой изъ Петербурга. Но такое управление оказалось неудобнымъ. Яблочкинъ просилъ у дирекціи отпускъ, но не получивъ его, самовольно среди сезона выѣхалъ въ Тифлисъ, за что и былъ уволенъ съ Императорской сцены. Въ 1874 г. Яблочкинъ заключилъ съ дирекціей тифлискаго театра контрактъ на 6 лѣтъ съ субсидіей въ 44,000 р. и единовременнымъ пособіемъ въ 3,000 р. на пополненіе убытковъ минувшаго сезона, причемъ впередъ было выдано ему дирекціей 15,000 р. 11 октября 1874 г. театръ сгорѣлъ, контрактъ съ Яблочкинымъ расторгнутъ и ему предложено состоять на службѣ при тифлисскомъ театрѣ 6 лѣтъ съ окладомъ въ 6,000 р. Яблочкинъ всего четыре года пользовался этой синекурою и въ 1878 г. уѣхалъ изъ Тифлиса. Старшая дочь Яблочкина, вышедшая замужъ за Журина, появлялась нѣсколько разъ въ Тифлисъ, пользуясь успѣхомъ въ последнее время уже въ роляхъ комической старухи.

IV.

Гр. В. А. Соллогубъ, кн. Г. Г. Гагаринъ и постройка театра.

Два блестящихъ гвардейца, два личныхъ адъютанта намѣстника кн. М. С. Воронцова, гр. В. А. Соллогубъ и кн. Г. Г. Гагаринъ сыграли значительную роль въ созданіи тифлискаго театра. Гр. В. А. Соллогубъ, извѣстный въ 40 годахъ литераторъ, авторъ имѣннаго въ свое время большого успѣха «Тар-витаса», былъ въ 1851 году назначенъ директоромъ театра. Незадолго передъ этимъ кн. М. С. Воронцовъ предложилъ

тифлисскимъ купцамъ построить зданіе для театра, такъ какъ временное помѣщеніе манежа, приспособленное подъ спектакли, плохо удовлетворяло своему назначенію.

Условія предложены были самыя льготныя. Казна отдавала въ полную собственность строителю землю въ количествѣ 885 кв. саж. на Эриванской площади. Лицо, которое согласилось бы возвести зданіе для театра, должно было принять на себя расходы по постройкѣ зданія театра и лавокъ вокругъ него. Внутреннюю же отдѣлку театра, устройство сцены, декорацій и проч. казна принимала на себя. Среди тифлисскихъ богачей-купцовъ нашелся одинъ лишь почетный гражданинъ Гавріилъ Ивановичъ Тамамшевъ, который согласился на этихъ условіяхъ заняться постройкой театра. Съ нимъ-былъ заключенъ договоръ и 15 апрѣля 1877 г. былъ заложенъ фундаментъ новаго зданія театра-каравансарая. Когда черезъ три года зданіе было окончено вчернѣ, кн. М. С. Воронцовъ образовалъ особый комитетъ, на который возложено было внутреннее устройство театра.

Художественную сторону этой работы взялъ на себя кн. Г. Г. Гагаринъ, уже обратившій на себя вниманіе прекрасной реставраціей Сіонскаго собора. Имъ же написанъ эскизъ для передней занавѣси, точная копія которой и теперь украшаетъ тифлисскій театр: Россія и Грузія подъ сѣнью ангела.

Гр. Соллогубъ съ восторгомъ отзывался о твореніи кн. Гагарина, посвятивъ новому театру обширный фельетонъ въ газетѣ «Кавказъ».

«Мертвымъ перомъ,—писалъ Соллогубъ—нельзя выразить всей щеголеватости, всей прелести ювелирной отдѣлки новаго зала... Когда вы входите въ театръ, васъ поражаетъ нижній ярусъ ложъ, обозначенный широкою и нѣжною арабескою бѣлаго и голубого цвѣта на блѣдносиреневомъ фонѣ. Надъ нимъ первый рядъ ложъ украшенъ широкою золотою лентою, поперекъ которой симметрически росписаны серебряные продолговатые сосуды, наполненные различными цвѣтами; верхняя галерея, вмѣсто баллюстрады, окаймлена прозрачною бѣлою рѣшеткой самаго хитраго узора, едѣ игриво вьется золотая полоса, а по ровнымъ мѣстамъ разставлены сдѣланные въ томъ же вкусѣ канделябры».

Не одинъ Соллогубъ, но всѣ видѣвшіе тамашевскій театръ не могли нахвалиться изяществомъ и красотой созданія кн. Гагарина.

Вся внутренняя отдѣлка театра обошлась въ 25,000 р.

Конечно, небольшая и довольно слабая водевильная труппа, игравшая на тифлисской сценѣ, не могла удовлетворить тонкаго эстетическаго чувства гр. Соллогуба. Уже въ вышеупомянутой статьѣ онъ проводилъ идею необходимости для Тифлиса итальянской оперы. Идея эта нашла сочувствіе у кн. М. С. Воронцова, и осенью 1851 года въ стѣнахъ новаго театра впервые раздались звуки итальянской музыки *).

Во все время намѣстничества кн. М. С. Воронцова, гр. Соллогубъ состоялъ членомъ театральной дирекціи и это время безспорно считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи тифлисской сцены: одновременно существовали четыре труппы: оперная итальянская, русская драматическая, только-что народившаяся грузинская труппа и, наконецъ, балетъ.

Гр. Соллогубъ и въ Тифлисѣ продолжалъ свою литературную дѣятельность. Помимо ряда статей о театрѣ, напечатанныхъ въ газ. «Кавказъ», гр. Соллогубъ совмѣстно съ редакторомъ газ. «Кавказъ» Е. А. Вердеревскимъ, написалъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Ночь въ духанѣ» долгое время сохранилась въ репертуарѣ.

Если не ошибаюсь, послѣдній разъ пьеса эта шла въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ бенефисъ антрепренера банковекаго театра В. Л. Форкати.

Затѣмъ гр. Соллогубомъ иередѣланы для сцены «Мертвыя души», которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ.

Кромѣ того гр. Соллогубъ и Вердеревскій написали оду-симфонію «Россія передъ врагами», музыка для которой сочинена капельмейстеромъ Шенингомъ.

Эта патриотическая ода исполнена была въ концертѣ въ пользу русскихъ раненыхъ воиновъ 2 и 3 апрѣля 1854 года при особенно торжественной обстановкѣ.

Повторена она была 16 мая того же года въ бенефисъ Шенинга.

*) Открытіе новаго театра состоялось 8 ноября 1851 г., а первое представленіе итальянской оперы 9 ноября (см. слѣдующій очеркъ).

Итальянская опера.

Тифлисскій театръ еще не успѣлъ выйти изъ младенческаго состоянія, еще не вполне высохли стѣны новаго роскошнаго театральнаго зданія, которое графъ В. А. Соллогубъ называлъ кусочкомъ «русской Альгамбры», какъ уже въ немъ водарилась итальянская опера.

Мысль о ней, зародившаяся, какъ я указывалъ, въ головѣ директора театра Соллогуба, нашла сочувствіе у намѣстника кн. М. С. Воронцова. Былъ посланъ спеціальнѣйшій чиновникъ приглашать бродячую итальянскую труппу подъ управленіемъ Барбіери, которая кочевала по югу Россіи. Переѣздъ труппы на долгихъ изъ Ростова въ Тифлисъ сопряженъ былъ съ большими лишеніями. Многіе заболѣли въ дорогѣ. Ѣхали въ тарантасахъ и на перекладныхъ. Отъ Казбека до Пасанаура на новой военнотурецкой дорогѣ артисты познакомились съ ѣздой на волахъ. Перевозка труппы изъ 22 человекъ обошлась въ 1162 р. 11 к.

Первое представленіе итальянской оперы состоялось 9 ноября 1851 года.

Объявленіе объ этомъ спектаклѣ, напечатанное въ газ. «Кавказъ», гласило:

На Тифлисскомъ Театрѣ, въ пятницу 9 ноября итальянской труппой

ТИФЛИССКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДИРЕКЦИИ

представлено будетъ:

ЛУЧІА ДИ ЛАМЕРМООРЪ

опера-серія въ 3-хъ дѣйствіяхъ музыка Доницетти. Новая декорация г. Дербесъ.

Не смотря на то, что труппа была далеко не изъ извѣстныхъ, хоръ состоялъ всего изъ 8—10 человекъ, новинка понравилась тифлисцамъ. «Намъ, русскимъ, — писалъ рецензентъ «Кавказа» — опера напомнила Петербургъ и Одессу. Туземцы съ жадностью прислушивались къ звукамъ, совершенно имъ новымъ. («Кавк.» 1851 г., № 87).

«Театръ былъ полонъ, писалъ рецензентъ по поводу «Нормы». Любо было смотрѣть на темную массу партера, на блестящіе

ряды ложъ. Европейцы и туземцы, военные, статскіе—всѣ *rele mêle*; костюмы европейскихъ дамъ рядомъ съ туземнымъ прелестнымъ живописнымъ нарядомъ... Межъ зрителями особенно замѣчательны были: персидскій принцъ Бекменъ-Мирза и отважный наѣздникъ, экъ-наибъ Шамиля Халжи-Мурадъ... Мурадъ и опера итальянская въ Тифлисѣ—какое сближеніе! Спокойный взоръ принца, равнодушно скользя по женскимъ лицамъ, по временамъ былъ прикованъ къ сценѣ и какъ бы вслушивался въ незнакомые, но дивныя напѣвы. Сверкающіе глаза Хаджи-Мурада непрерывно перебѣгали съ одного лица женскаго на другое и при *forte-fortissimo* быстро обращались къ сценѣ, но безъ выраженія особеннаго впечатлѣнія.—казалось, его занимала какая-то особая тревожная мысль.

Верхняя галлерія, 30-ти копеечныя мѣста, набита биткомъ и множество туземныхъ *биго* (мальчишекъ), раскрывъ уста, жадно впѣривъ свои большіе черные выразительные глаза, внимательно вслушивались въ музыку и пѣніе, дивовались диву невиданному, даже иногда подхватывали аплодисменты шартера. И уже на улицахъ иногда эти *биго*, безопасно идя путемъ-дорогой или занятыя какою-либо работою, пробуютъ напѣвать мотивы, которые глубоко запали имъ въ память, легче пришли къ ихъ голосу...» (Кавк. 52. № 12).

Въ составъ первой итальянской оперной труппы входили: примадонны: Каролина Барбіери, Юлія Мяноцци, primo-теноре Пасхалій Фискетти, альтро-примо Пій Бонни, primo басса Пасхалій Викки, басса-женерико Иремій Мирати, буффо комико Іосифъ Вилла, секундо-теноре Пасхалій Бульезе, двѣ хористки и шесть хористовъ.

Въ первый сезонъ поставлено было 9 оперъ: «Лучія», «Учитель въ хлопотахъ», «Джемма ди Вирджи», «Фурьозо», «Сельскія пѣвицы», «Севильскій цирюльникъ», «Эрниани», «Норма», и «Лукреція Борджія».

Въ виду несомнѣннаго успѣха итальянской оперы, дирекціей рѣшено было на слѣдующій сезонъ содержать труппу самостоятельно, увеличивъ составъ артистовъ и оркестровыхъ музыкантовъ.

Для ангажированія музыкантовъ дирекція командировала за границу Барбіери вмѣстѣ съ его помощникомъ капельмейстеромъ Шенингомъ.

Этотъ Шенингъ былъ сначала капельмейстеромъ тифлис-

скаго егерскаго полка. Послѣ отъѣзда дирижера небольшого театральнаго оркестра Малагалли, Шенингъ занялъ его мѣсто. Когда закончилась постройка тамашевского театра, Соллогубъ сталъ проводить мысль объ итальянской оперѣ, понадобился оркестръ. Театральная дирекція рѣшила сформировать театральный оркестръ изъ полковъхъ музыкантовъ, пополнивъ его опытными скрипачами, виолончелястомъ и контрабасистомъ. Чтобы ангажировать этихъ музыкантовъ, Шенингъ былъ командированъ за границу.

Все совершенствуясь и завоевывая все болѣе и болѣе симпатіи публики, просуществовала итальянская опера до 1855 года. Съ пріѣздомъ новаго намѣстника генерала Муравьева, опера была упразднена.

Возродилась она черезъ два года, при кн. Барятинскомъ, который исходатайствовалъ увеличеніе субсидіи до 30 т. р. въ годъ (вмѣсто 12 т. р.) и пытался возобновить былой блескъ тифл. театра.

Но капризная и непостоянная тифлисская публика, по видимому, охладѣла къ итальянской оперѣ, которая теперь была одна.

По крайней мѣрѣ уже на второй сезонъ въ газ. «Кавказъ» появляются сѣтованія на равнодушіе публики къ театру.

Въ результатѣ такого охладженія антрепренеръ театра маэстро Торозелла за четыре сезона, несмотря на субсидію, понесъ 5 тыс. рублей дефицита, которыя, конечно, пополненны были казною.

Въ этотъ періодъ, а именно 30 ноября 1858 г., поставлена была впервые опера Верди «Травиата», которая имѣла огромный успѣхъ и въ теченіе 50-ти слишкомъ лѣтъ можетъ безспорно считаться самой любимой изъ всѣхъ оперъ.

Насколько велика была ея популярность, особенно въ семидесятыхъ годахъ, можно судить по тому, что когда русская драматическая труппа впервые поставила пьесу Дюма «Какъ поживешь, такъ и прослывешь», то въ афишахъ и газетныхъ анонсахъ неизмѣнно послѣ названія пьесы писали въ скобкахъ «Травиата».

Когда С. А. Пальмъ, бывший антрепренеромъ тифлисскаго театра, привезъ тифлиссцамъ первую русскую оперную труппу, то на первый спектакль поставлена была «Травиата».

Въ началѣ 60-хъ годовъ по пріѣздѣ назначеннаго Намѣст-

именем Великаго Князя Михаила Николаевича итальянская опера была значительно увеличена. Въ составъ ея входило 12 пѣвцовъ и пѣвицъ, хоръ изъ 22 человекъ, оркестръ изъ 35 музыкантовъ (небывалая роскошь!) и шесть персонажей балета.

Но публика уже была пресыщена итальянщиной. И въ обществѣ, и въ прессѣ все настойчивѣе раздавались голоса о необходимости русской драматической труппы. Долго на эти голоса не обращали вниманія и только въ 1867 году, наконецъ, появилась русская драма, которая съ этого времени начинаетъ существовать параллельно съ итальянской оперой, оттѣсняя ее все больше и больше на задній планъ.

Съ 1872 года, въ виду огромныхъ дефицитовъ, которые приносили театръ, оперу упразднили.

Возобновилась она было въ 1874 году подъ антрепризой Яблочкина. Но театръ сторѣлъ и дѣло прекратилось.

Послѣдній періодъ самостоятельнаго существованія итальянской оперы съ 1875 по 1878 г. былъ самымъ неинтереснымъ. Приспособленный для зимнихъ представленій лѣтній театръ въ инженерномъ саду сданъ былъ въ аренду хористамъ Тулорла и Сиени. Оперную труппу держали они жалкую, крохотную. Хоры были слабые, пѣвцы и пѣвицы безголосые. И ихъ зачастую не хватало. Ухитрились, напр., ставить «Фауста» безъ Зибеля и «Вильгельма Теля» безъ Матильды.

Въ 1878 году театръ перешелъ въ руки С. А. Пальма, а въ 1880 году появилась первая русская оперная труппа. Итальянщинѣ пришелъ конецъ, хотя воспитанная въ теченіе 30 лѣтъ на итальянскихъ мотивахъ, тифлисская публика еще долгое время отказывалась понимать красоты русской музыки, отдавая явное предпочтеніе произведеніямъ итальянскихъ композиторовъ.

VI.

Сестры Вазоли.

На зарѣ тифл. театра, во второй сезонъ итальянской оперы, въ 1852 году среди другихъ новыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ появились двѣ молодыя пѣвицы сестры Луиза и Аделанда Вазоли. Онѣ имѣли громаднѣйшій успѣхъ. Газета «Кавказъ», предвѣщая

16926920
21.03.1933

нмъ большую будущность, какъ на единственный недостатокъ пѣвицъ, указывала на ихъ молодость. (Луизѣ было 19 лѣтъ, а Аделаидѣ 17).

Изъ обѣихъ сестеръ большею любовью публики пользовалась Луиза. Тифлисъ въ этомъ сезонѣ раздѣлился на два лагеря: поклонниковъ Рамони и поклонниковъ Вазоли. Вотъ какъ описываетъ «Кавказъ» послѣдній спектакль сезона 1 марта 1853 г.:

«Рамонисты и вазолисты входили въ театръ, бережно прикрывая платками шляпы, наполненныя произведеніями оражеровъ и цвѣточныхъ фабрикъ... Поднялся занавѣсъ. Партіи враждебно переглянулись—и все замолкло. Появилась г-жа Рамони. Раздался гулъ, громъ рукоплесканій и криковъ, посыпались букеты. Вышла г-жа Вазоли. Новый залгъ аплодисментовъ, новые клики, новые цвѣты... Борьба упорная, цвѣтопролитная продолжалась цѣлый спектакль... Дѣло сдѣлалось общимъ, старъ и младъ ратовали. Нейтральныхъ не было... Публика раздѣлила вѣнокъ между двумя примадоннами. Она сознала достоинства г-жи Рамони, уже съ установившимся сильнымъ голосомъ, она привѣтствовала въ г-жѣ Вазоли юное, свѣжее дарованіе, которое впереди ждетъ блистательное развитіе». («Кавказъ», 1853 г., № 17).

Предсказанія «Кавказа» о будущности пѣвицъ не сбылись. И сценическая карьера закончилась очень скоро. Обѣ сестры Вазоли вышли замужъ. Аделаида за капельмейстера Шенинга, а Луиза за губернскаго секретаря Ивана Шадинова, который одно время былъ антрепренеромъ тифлискаго театра. Обѣ пѣвицы сошли со сцены и окончательно поселились въ Тифлисъ. А. Вазоли-Шенингъ умерла въ девяностыхъ годахъ, переживъ своего мужа. Когда ее хоронили, старый органистъ католической церкви, при появленіи гроба съ ея останками, заигралъ похоронный маршъ, сочиненный ею покойнымъ мужемъ.

Что же касается Л. Вазоли-Шадиновой, то проживъ въ Тифлисъ безвыѣздно лѣтъ 17, она уѣхала на родину въ Италію, гдѣ занималась уроками пѣнія, не выходя на сценѣ.

Недавно г-жа Вазоли-Шадинова вернулась въ Тифлисъ и живетъ на покой у своей дочери г-жи Лохвицкой.

Начало грузинского театра.

Какъ я уже говорилъ въ первомъ очеркѣ моемъ, въ Тифлисѣ время отъ времени устраивались домашніе спектакли благородныхъ любителей, въ которыхъ принимали участіе лица свиты Намѣстника и представители родовитой грузинской аристократіи.

Спектакли эти не прекратились и тогда, когда въ Тифлисѣ основанъ былъ постоянный театръ.

Художникъ кн. Гагаринъ устроилъ для любительскихъ спектаклей маленькую сцену въ залѣ дворянской гимназіи.

На этой сценѣ играли лица, приближенные къ дому князя Намѣстника: графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, *) кн. Долдуковъ-Корсаковъ, **) кн. Голицынъ, кн. Гагаринъ, графиня В. Т. Шуазель-Гуфье и др.

Играли пьесы на французскомъ и на русскомъ языкахъ.

Во время этихъ спектаклей явилась мысль: отчего бы не создать и не сыграть пьесу на грузинскомъ языкѣ и изъ туземной жизни.

Кн. Воронцову доложили, что горійскій помѣщикъ кн. Георгій Эристовъ написалъ комедію изъ жизни грузинскихъ помѣщиковъ подъ заглавіемъ «Раздѣлъ» (Дакра):

Намѣстникъ тотчасъ же пожелалъ видѣть автора и когда кн. Эристовъ явился къ нему, кн. Воронцовъ попросилъ его поставить пьесу на любительской сценѣ дворянской гимназіи *).

Воля Намѣстника была исполнена. 2 января пьеса «Раздѣлъ» была сыграна въ присутствіи князя намѣстника и его семейства.

Поощренный успѣхомъ, кн. Г. Эристовъ написалъ вторую пьесу «Тяжба» (Дава), которая была сыграна 3 мая 1850 г.

Основаніе грузинскому театру было положено. Оставалось сформировать постоянную грузинскую труппу.

«Задача эта была не изъ легкихъ, писалъ ближайшій сотрудникъ кн. Г. Эристова, И. И. Кереселидзе: патриархальность и

*) Нынѣ намѣстникъ Кавказскій.

**) Бывшій потомъ главноначальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ.

*) Нынѣ первая мужская гимназія.

прадѣдовскія понятія, царившія въ жизни тогдашняго грузинскаго общества, много способствовали извращенію взгляда на сценическую дѣятельность.

Быть актеромъ по понятію тогдашнихъ грузинъ—значило быть окончательно пропащимъ человѣкомъ. Это обстоятельство побудило кн. Эристовъ поѣхать въ деревню и тамъ набирать свою труппу. Разными ухищреніями, между которыми не послѣднюю роль играли заманчивыя обѣщанія отъ имени могущественнаго намѣстника, цѣль была достигнута» («Кавказъ» 1854 г. № 277

Кн. М. С. Воронцовъ придавалъ грузинскому театру большее значеніе и принималъ въ немъ самое горячее участіе.

Тотъ же Кереселидзе рассказываетъ, что когда въ Тифлисъ въ 1850 г. пріѣхалъ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, кн. Воронцовъ представилъ ему кн. Эристовъ, говоря:

— Рекомендую, Ваше Высочество, грузинскаго Мольера.
— Очень радъ слышать, что у грузинъ имѣется свой Мольеръ,—отвѣтилъ Наслѣдникъ и милостиво изволилъ подать кн. Эристову руку.

Кн. Эристовъ былъ назначенъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Намѣстникѣ съ возложеніемъ на него обязанностей руководить молодымъ грузинскимъ театромъ, на содержаніе котораго Намѣстникъ приказалъ выдавать изъ театральной субсидіи по 4000 руб. въ годъ.

Первый спектакль новой грузинской труппы состоялся 1 января 1851 г. Шелъ «Раздѣлъ».

Первое время новорожденная труппа питалась исключительно пьесами своего создателя. Послѣ «Раздѣла» поставленъ былъ «Скупой», затѣмъ «Коммисаръ заштатнаго города».

Вообще кн. Эристовъ отличался большою плодовитостію. Кромѣ перечисленныхъ выше пьесъ изъ которыхъ три до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара грузинской сцены, кн. Эристовъ написалъ еще слѣдующія оригинальныя и переводныя пьесы: «Бабушкины попугаи», «Заколдованный ханъ», «Папка цевидимка», «Карапетъ въ кувшинѣ», «Кваркваре Атабеки» и еще нѣсколько другихъ мелкихъ пьесъ.

Кн. Воронцовъ чрезвычайно интересовался успѣхами грузинской труппы. Ив. Кереселидзе вспоминаетъ одинъ случай появленія кн. Воронцова въ квартирѣ кн. Эристова въ то время, когда тамъ происходила репетиція «Скупого». Дѣло было лѣтомъ и кн. Эристовъ находился въ домашнемъ дезабильѣ, въ туф-

ляхъ и архалухъ. Вдругъ съ лѣстницы послышались звуки. Завернутый въ бурку и вооруженный длинной палкой — на блуд — конь всходилъ къ Воронцовъ. «Намѣстникъ идетъ, намѣстникъ!» — сообщили актеры къ Эрнстову и послѣдній очутился по истинѣ въ безвыходномъ положеніи. Двери комнаты, откуда можно было выйти, отстояли слишкомъ далеко, принять же намѣстника въ туфляхъ и архалухъ было тѣмъ болѣе невозможно. Тогда Эрнстовъ, не долго думая, заперся въ стѣнную нишу (цало) и только успѣлъ шепнуть намъ: «Если де спросить, скажите, что меня нѣтъ дома».

Кн. Воронцовъ вошелъ въ комнату, поздоровался со всѣми и узнавъ, что хозяина нѣтъ дома, выразилъ желаніе прослушать репетицію. И пока намѣстникъ, сидя на мутакъ, внимательно слѣдилъ за игрой грузинскихъ актеровъ, кн. Эрнстовъ едва не задохся въ душной стѣнной нишѣ.

Не долго продолжалось процвѣтаніе грузинской труппы. Въ 1855 г. ген. Муравьевъ смѣнилъ кн. Воронцова. У него былъ совершенно иной взглядъ на театръ. Не желая допускать ни малѣйшаго переразхода противъ назначенной субсидіи, онъ приказалъ распустить все труппы, прекратилъ выдачу пособія грузинскимъ актерамъ и сдалъ театръ антрепризѣ подъ русскіе драматическіе спектакли.

Оставшіеся безъ поддержки и безъ театра грузинскіе актеры пріютились было въ дарбазѣ*) гражданина Шермазанова, но дѣла у нихъ шли довольно плохо.

Неоднократно обращались грузинскіе актеры къ Намѣстнику съ просьбой возобновить субсидію и предоставить имъ хотя бы одинъ день въ недѣлю въ театрѣ, но просьбы ихъ оставались безъ удовлетворенія.

И лишенный поддержки грузинскій театръ надолго прекратилъ свое существованіе.

VIII.

На зарѣ армянскаго театра.

Первый спектакль на армянскомъ языкѣ состоялся въ 1858 г. Ученики армянской семинаріи разыграли мистерію «Мецнь-Нерсесъ», произведеніе какого-то венеціанскаго монаха-іезуита.

*) Дарбазъ — просторная, высокая грузинская сакля.

Конечно отъ этого спектакля до созданія постоянного армянскаго театра было далеко. Подъ вліяніемъ этого представленія одинъ изъ учителей семинаріи Я. Каренянцъ написалъ довольно-таки бессмысленную трагедію «Шушаникъ», которая разыграна была тѣми же семинаристами въ зданіи семинаріи. Успѣхъ спектакля побудилъ другого учителя Патканова также примкнуть къ ученикамъ. Въ началѣ Каренянцъ и Паткановъ работали вмѣстѣ, но затѣмъ, поссорившись, они разошлись. Часть театральной труппы осталась съ Каренянцемъ и продолжала ставить въ стѣнахъ семинаріи духовныя мистеріи. Другая часть примкнула къ Патканову. Онъ написалъ нѣсколько комедій нравовъ, которыя и были разыграны въ домѣ стараго зданія семинаріи. Спектакли эти носили характеръ публичный и привлекали довольно много зрителей.

Но не долго пришлось играть молодой труппѣ. Высшее армянское духовенство нашло представленія «противными канону армянской церкви» и запретило ихъ. Тогда Паткановъ перенесъ спектакли въ частный домъ нѣкоего Шермазанова. Вокругъ Патканова сгруппировалась уже постоянная труппа, состоящая исключительно изъ молодежи. Женщинъ не было совсѣмъ. И женскія роли исполнялись переодѣтыми мальчиками. Репертуаръ этого перваго армянскаго театра состоялъ исключительно изъ пьесъ Патканова и водевилей имъ же переведенныхъ.

Но вскорѣ за отсутствіемъ средствъ спектакли въ дарбазѣ Шермазанянца прекратились. Это было въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ это время группа семинаристовъ рѣшила покинуть тѣсныя стѣны семинаріи и перенести спектакли на настоящую большую сцену. Когда именно состоялось первое представленіе на армянскомъ языкѣ въ казенномъ тамашевскомъ театрѣ, теперь установить трудно. Извѣстно только, что первой пьесой, разыгранной на настоящей сценѣ, была трагедія монаха Гонфаянца «Аршакъ II». Въ этой пьесѣ появилась первая женщина исполнительница.

Впрочемъ вскорѣ выяснилось, что лицо, игравшее подъ именемъ актрисы Гаяне, былъ на самомъ дѣлѣ очень красивый, женоподобный юноша, которому довольно долго удавалось скрывать своей настоящей полъ. Мистификація выяснилась лишь тогда, когда одинъ изъ артистовъ сдѣлалъ мнимой актрисѣ предложеніе. Вскорѣ послѣ этого спектакля Каренянцъ и Паткановъ, примирившись, составили постоянную труппу, которая

стала давать представленія болѣе или менѣе регулярно. Начало армянскаго театра было положено; причемъ работали двѣ самостоятельныя труппы: одна изъ бывшихъ семинаристовъ, другая сформированная Паткановымъ и Каренянцемъ. Потомъ обѣ труппы соединились въ одну, но вскорѣ, подъ вліяніемъ внутреннихъ интригъ, снова распались. При этомъ расколѣ выдѣлились наиболѣе выдающіяся силы молодого театра Кетевана Арамянца, Ганоне, Америкянца, Сукіасянца, Мандинянца, Чимишкіянца и друг. и образовали товарищество. На подмогу имъ явились д-ръ Теръ-Григорянцъ и Г. Н. Сундукянцъ. Первый написалъ около дюжины оригинальныхъ пьесъ, въ которыхъ громилъ и бичевалъ современное общество. Съ 1868 г. по 1875 г. армянскій театръ сталъ на ноги. И армянская публика приучилась ходить въ театръ, смотрѣть и слушать пьесы на родномъ языкѣ.

IX.

Возрожденіе русской драмы.

Съ 1857 по 1867 г. въ Тифлисѣ безраздѣльно царилъ итальянская опера. Завѣты кн. Воронцова, видѣвшаго въ театрѣ средство къ обрусѣнію края, были забыты и въ стѣнахъ тамашевскаго театра раздавались арии Лучія, Нормы, Лукреціи и прочихъ произведеній старыхъ композиторовъ. А между тѣмъ публика видимо охладѣла къ итальянщинѣ. Театръ посѣщался далеко не охотно. Антрепренеръ Торзелла и смѣнившая его дирекція терпѣли дефициты. И въ обществѣ и въ газетѣ «Кавказъ», представлявшей собой въ тѣ времена всю русскую печать, все настойчивѣе раздавались голоса о необходимости русской труппы. А. А. Яблочкинъ, бывший уже режиссеромъ Александринскаго театра, обращался съ просьбой сдать ему театръ подъ русскую драму. Директоръ театра кн. Язонъ Тумановъ неоднократно входилъ съ докладами о необходимости сформировать русскую труппу. Ничто не помогало. Итальянцы продолжали царить. Наконецъ, въ 1866 году русская труппа появилась. Это было частное предпріятіе. Актеръ Нѣмовъ съ товарищами пріѣхалъ въ Тифлисъ и на свой страхъ и рискъ сталъ ставить драматическіе спектакли.

Спектакли шли въ залѣ тифлискаго собранія, которое по-
мѣщалось въ домѣ Аршакуни, на Грибоѣдовской улицѣ.

Изголодавшаяся за десять лѣтъ публика съ жадностью на-
кинула на русскіе спектакли и переполняла театральнй залъ.

Труппа оказалась небольшою, но дружною и сразу завоевала
симпатіи. По свидѣтельству современниковъ наибольшимъ успѣ-
хомъ пользовались Лебедева и самъ Нѣмовъ.

Репертуаръ этого времени уже сталъ очищаться отъ воде-
вилей, господствовавшихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Появляются
пьесы Островскаго, Чернышева. Самые лестные отзывы о труппѣ
даетъ газ. «Кавказъ», въ то же время упорно замалчивая казен-
ную итальянскую оперу. Точно ея не существуетъ.

Большой успѣхъ въ этомъ сезонѣ имѣла пьеса «Было да
прошло», написанная, по случаю освобожденія крестьянъ отъ
крѣпостной зависимости.

«Пьеса, писала газ. «Кавказъ», окончилась гимномъ «Боже,
Царя Храни», который исполнили музыканты, послѣ объявленія
манифеста объ освобожденіи крестьянъ... Всѣ зрители, какъ одинъ
человѣкъ, поднялись со своихъ мѣстъ и единодушное, искрен-
ное, громкое ура заглушило и голоса игравшихъ и оркестръ».

Явный успѣхъ рус. труппы повліялъ на дальнѣйшую судьбу
казеннаго театра. Рѣшено «для общественнаго развлеченія всѣхъ
классовъ населенія» содержать двѣ труппы: итальянскую и рус-
скую. Режиссеромъ приглашенъ А. А. Яблочкинъ, давно стремив-
шійся въ Тифлисъ. Появилась снова семья Марксъ.

«Кавказъ» привѣтствовалъ появленіе новой труппы въ слѣ-
дующихъ выраженіяхъ:

«По статистикѣ Гауснера въ 1866 году числилось въ Россіи
59 театральнхъ зданій и 15 постоянныхъ труппъ; въ настоящее
же время къ этому числу должно прибавить нашу юнѣйшую
труппу подъ № 16. Но несмотря на такую юность, она сразу за-
няла почетное мѣсто и расположеніе къ ней публики высказы-
вается самымъ положительнымъ образомъ. Тутъ не новизна,
а достоинство артистовъ играетъ главную роль, и въ этомъ мы
убѣдились на дѣлѣ». («Кавк.», 67 г., № 83).

Въ составъ новой русской драматической труппы входили:
Карпова, Снѣткова, Яблочкина 1-я, Яблочкина 2-я, Марксъ-1-я,

*) Гдѣ теперь высшіе женскіе курсы.

Марксъ 2-я; Аркадьевъ, Аграмовъ Марксъ, Музиль, Яблочкинъ, Соколовъ (Градовъ) и другіе.

Современная пресса въ лицѣ офиціознаго органа «Кавказа» относилась къ отдѣльнымъ исполнителямъ труппы довольно строго. Изъ всей труппы, по мнѣнію рецензента, «рѣзко выдѣляются двѣ личности, со временемъ могущія украсить любую сцену: это г-жа Карпова и г. Музиль. Въ нихъ однихъ мы признаемъ несомнѣнный и самородный талантъ» («Кавк.» 1868 г. № 3).

Когда труппа возобновила «Ревизора» *), газ. «Кавказъ» посвятила этому спектаклю обширный фельетонъ.

— «Постановка такой пьесы, писала газета, какъ «Ревизоръ» Гоголя составляетъ нѣчто выходящее изъ ряда обыденныхъ явленій и не въ такихъ городахъ, какъ Тифлисъ: для Петербурга и Москвы, для этихъ двухъ главныхъ центровъ нашихъ артистическихъ силъ, постановка на сцену этого классическаго произведенія до сихъ поръ была и, по всей вѣроятности, долго еще будетъ чѣмъ-то вредѣ театральнаго праздника...

«... Тифлисская русская труппа, еще такъ недавно начавшая у насъ свои дебюты, поставила «Ревизора» разъ, въ другой... и, быть можетъ, рассчитываетъ ставить въ третій... и въ четвертый... Въ виду этой возможности, нѣтъ силъ не сказать: «Довольно, остановитесь! Остановитесь ради публики зрѣлой и уважающей Гоголя, ибо вы его искажаете»...

По увѣренію газеты, «тифлисскаго Хлестакова» **), до того велъ себя мальчишкой, что теряется всякая правда пьесы и эта послѣдняя черезъ то является вполнѣ карриатурой на жизнь... Съ перваго же появленія на сцену тифлисскаго Хлестакова повелъ себя такимъ неистовымъ мальчишкой, во всѣхъ отношеніяхъ, что не только городничій, этотъ тертый калачъ, обманувшій трехъ губернаторовъ, но первая базарная баба, при видѣ его поведенія, должна была непременно замѣтить: «Да это, свѣты мои, вовсе не левизоръ: это невыпекшійся мазурикъ изъ кургузыхъ барицей»...

Первый сезонъ возрожденной русской драмы обошелся дирекціи казеннаго театра въ 19.600 руб. Это совсѣмъ не дорого, особенно если принять во вниманіе, что содержаніе оперы обходилось съ оркестромъ и вечеровыми расходами въ 70.000 руб.

*) Впервые комедія эта была поставлена въ 1856 г. за годъ до прекращенія русскихъ спектаклей въ Тифлисъ.

***) Эту роль игралъ Аркадьевъ.

въ сезонъ. Драматическіе актрисы и актеры получали въ то время жалованіе отъ 125 руб. въ мѣсяцъ (первые артисты) и выше.

Несомнѣнный успѣхъ русской драмы побудилъ дирекцію продолжать и въ будущемъ содержаніе параллельно двухъ труппъ: итальянской оперной и русской драматической.

Обѣ труппы продержались до 1872 г., когда въ виду громад-ныхъ, хроническихъ дефицитовъ итальянская опера была упразд-нена.

Х.

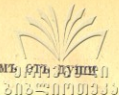
Н. И. Музиль.

Когда въ 1867 году возобновились въ Тифлисѣ русскіе спек-такли, дирекція Императорскихъ театровъ командировала въ Тифлисъ для практики молодого актера московскаго Малаго театра Н. И. Музиля. Выступилъ Музиль въ Тифлисѣ 4 октября 1867 г. въ роли Антона Шарова («Ворона въ навлиныхъ перьяхъ»). Успѣхъ Музиль имѣлъ огромный и сразу сталъ любим-цемъ публики. Командировка его въ Тифлисѣ должна была продолжаться до 1 января 1868 года, но по распоряженію Намѣстника Великаго Князя Михаила Николаевича онъ былъ удержанъ до конца сезона. Бенефисъ Музиля былъ сплошнымъ триумфомъ актера. Въ числѣ подарковъ былъ и драгоценный перстень, пожалованный Великимъ Княземъ-Намѣстникомъ.

Успѣхъ Музиля былъ настолько великъ, что весной 1870 года онъ, по желанію Великаго Князя Михаила Николаевича, былъ снова командированъ въ Тифлисъ на 10 спектаклей. При-ѣхалъ онъ на этотъ разъ съ молодой женой В. И. Музиль-Бо-роздиной.

По поводу короткихъ гастролей газ. «Кавказъ» писала:

«Супруги Музиль вносятъ на сцену ту натуру, достоинство которой цѣнятъ только истинные любители драматическаго искусства. Въ фигурѣ, манерахъ, въ подвижности фізіономіи г-жи Музиль есть много женственности, симпатичности, нена-тянутой граціи. Г. Музиль такъ смѣшонъ, такъ натураленъ въ своихъ жестахъ и тѣхъ уморительныхъ гримасахъ, которыя онъ иногда строитъ, что его молодая супруга, играя съ нимъ, не можетъ воздержаться отъ смѣха и этотъ смѣхъ, хотя и не по роли, но не является непріятнымъ диссонансомъ;—зритель

понимаетъ, что трудно удержаться отъ смѣха и самъ едва душою смѣется. («Кавк.» 70 г. № 87).

Весной 1871 г. супруги Музиль послѣдній разъ прїѣзжали на гастроли. Съ тѣхъ поръ Тифлисъ ихъ больше не видѣлъ.

XI.

Лѣтній театръ.

Чуть ли не съ самаго основанія тифлискаго театра началась ощущаться потребность въ лѣтнемъ помѣщеніи. Открытый въ 1851 году тамашевскій театръ на Эриванской площади годился только для зимнихъ представлений. Отсутствие вентилляціи не позволяло ставить спектакли въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы.

Сезонъ, начинавшійся 30 августа, тянулся обыкновенно до конца мая.

Затѣмъ спектакли прекращались и тифлисская публика оставалась безъ всякихъ развлеченій.

Въ концѣ 60 годовъ была попытка устроить лѣтній частный театръ въ казенномъ саду Муштаидѣ, но въ виду отдаленности сада отъ города, отсутствія хорошаго сообщенія, лѣтнія труппы въ Муштаидѣ владели довольно жалкое существованіе.

Вступившая въ управленіе тифлискимъ театромъ въ мартѣ 1869 года дирекція въ составѣ: барона Мейендорфа, полк. Философова и д. с. с. Вастана тотчасъ же возбудила ходатайство о разрѣшеніи построить лѣтній театръ.

Главнымъ мотивомъ ходатайства было представлено то обстоятельство, что большую часть русской драматической труппы приходится содержать круглый годъ.

А такъ какъ лѣтомъ въ тифлискомъ театрѣ играть невыгодно, то, слѣдовательно, и деньги на содержаніе труппы тратятся непроизводительно и актеры сидятъ безъ дѣла.

Составлена была смета на постройку—всего въ 12 тыс. руб.

Выбрано подходящее мѣсто. Густой, тѣнистый инженерный садъ почти на самомъ берегу Куры.

Разрѣшеніе на постройку было получено, спѣшно приступлено къ работамъ и къ лѣту 1870 года новый лѣтній театръ былъ готовъ.

Обошелся онъ, какъ и слѣдовало ожидать, втрое дороже противъ сметы, т. е. въ 36 т. рублей.

Газета «Кавказъ» даетъ слѣдующее описаніе этого какаго театра, которому послѣ пожара тамашевскаго театра суждено было сыграть значительную роль въ исторіи тифлисской сцены:

«Только въ концѣ марта было приступлено къ вырытію фундамента подѣ залу для зрителей, сцену съ уборными для артистовъ и главнымъ съ улицы подѣздомъ—все вмѣстѣ составляющее театральное зданіе. Главная и самая важная часть онаго устроена капитально. Каменные стѣны поддерживаютъ громадную (?) машинную и декораціонную часть, значительно возвышающуюся надъ остальнымъ зданіемъ; размѣры всей сцены... одинаковы съ размѣрами сцены зимняго театра...

Зала внутри достаточно обширна для лѣтнихъ представленій и состоитъ изъ нижняго яруса, заключающаго въ себѣ двѣ литерныя ложи, весьма удобно расположенныя, и партера, верхняго яруса, состоящаго изъ 23 ложъ, изъ коихъ двѣ литерныя и, наконецъ, райка, устроеннаго надъ средней царской ложей, ходъ къ которому отдѣленъ и не имѣетъ сообщенія съ садомъ. Подѣ самымъ потолкомъ сдѣлано 16 громадныхъ оконъ, не мало долженствующихъ содѣйствовать вентиляціи и поддерживать во время представленія притокъ свѣжей температуры.

Изящество потолка, расписаннаго декораторомъ Кнолемъ мифологическими фигурами и разными музыкальными атрибутами и украшеніями, простота, строгость стиля и удобство ложъ поражаютъ глазъ и обѣщаютъ при вечернемъ освѣщеніи произвести желанный эффектъ.

Оба яруса окаймлены каждый широкимъ корридоромъ, въ которомъ прорѣзано 12 дверей. Въ верхнемъ ярусѣ двери эти выходятъ на открытый балконъ, а въ нижнемъ изъ нихъ ходъ прямо въ садъ.

Изъ этого весьма разумнаго расположенія дверей можно заключить, что нечего опасаться духоты въ залѣ. Главный подѣздъ состоитъ изъ лѣстницы, по бокамъ коей устроены помѣщенія для кассира и прислуги и служить фасадомъ для всего зданія». («Кавказъ», 70 г., № 75).

Таковъ былъ новый лѣтній театръ, открытый 5 іюля 1870 г.

Освѣщаться театръ долженъ былъ газомъ, но къ открытію газометръ не былъ еще готовъ и только лѣтомъ 1871 года тифлисы имѣли возможность любоваться эффектами новаго газоваго освѣщенія.

Четыре сезона театр въ инженерномъ саду былъ лѣтнимъ. Здѣсь играла драматическая труппа, обыкновенно та же, что и въ зимнемъ театрѣ. Въ 1870 и 1871 годахъ громаднымъ успѣхомъ пользовались молодые артисты Императорскихъ театровъ: Музиль и жена его Музиль-Бороздина.

Въ 1871 году въ лѣтнемъ театрѣ начали появляться, съ легкой руки Петербурга, оперетки.

Впрочемъ, первая оперетка «Птички пѣвчія» (Перикола) поставлена была въ зимнемъ театрѣ на ряду съ итальянскими операми.

Вотъ какъ вспоминаетъ объ этой постановкѣ извѣстная пѣвица А. И. Абаринова, въ тифлисской итальянской оперѣ начинавшая свою карьеру:

...«Постановка стоила большого труда. Самъ директоръ, бар. Мейендорфъ и я писали французскими буквами русскія слова для хора, который весь состоялъ изъ итальянцевъ. Градовъ-Соколовъ и Журигъ изъ драматической труппы, игравшіе первыя роли въ Периколѣ, не знали нотъ совсѣмъ и мнѣ пришлось разучивать ихъ партіи и учить ихъ съ голоса запоминать по слуху. Извѣстный теперь опереточный премьеръ А. К. Давыдовъ*) исполнялъ роль одного изъ нотаріусовъ.

Наши труды не пропали даромъ; «Птички пѣвчія» имѣли успѣхъ колоссальный и дали болѣе 20 полныхъ сборовъ, что для провинціи большая рѣдкость». («Ист. Вѣст.» 1901 г., № 1. Воспоминанія А. И. Абариновой).

Въ лѣтнемъ театрѣ шли оперетки: «Званый вечеръ съ итальянцами», «Прекрасная Елена», «Орфей въ аду».

Антрепренеръ Надлеръ, которому театръ былъ сданъ въ 1872 году, устраивалъ въ саду гулянья, фейерверки.

Въ 1873 и 1874 гг. оба театра, зимній и лѣтній, перешли въ руки артиста Императорскихъ театровъ А. А. Яблочкина. 11 октября 1874 года сгорѣлъ тамашевскій театръ и дирекціи ничего не оставалось дѣлать, какъ приспособить временно лѣтній театръ для зимнихъ представленій, пока не будетъ возобновленъ сгорѣвшій или не будетъ построенъ новый театръ.

Въ то время никто не сомнѣвался, что зимній театръ будетъ возобновленъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

На самомъ же дѣлѣ прошло двадцать два года, пока Тифлисъ

*) Недавно скончавшійся.

украшился новымъ зданіемъ театра. Цѣлое поколѣніе театраловъ воспитывалось въ приспособленномъ лѣтнемъ театрѣ.

Приспособленіе лѣтняго театра (постановка печей, возведеніе кирпичныхъ стѣнъ и т. д.) обошлось въ 54 тыс. рублей, да возстановленіе сгорѣвшихъ декорацій, мебели и костюмовъ— 26 тыс. рублей.

И нельзя сказать, чтобы приспособленія были сдѣланы удачно. Печи сгорѣвали плохо, отовсюду дуло и въ холодные зимніе вечера публикѣ приходилось сидѣть въ пальто.

Только въ восьмидесятыхъ годахъ Ив. Ег. Питоевъ, взявшій антрепризу тифлискаго театра, капитально отремонтировалъ его и въ такомъ окончателъно приспособленномъ для зимняго сезона видѣ театръ сохранился до 1896 года, когда послѣ открытія новаго театральнаго зданія на Головинскомъ проспектѣ, старый театръ былъ сломанъ.

XII.

Антреприза Надлера и Яблочкина.

Бар. Мейендорфъ, полковникъ «Философовъ и д. с. с. Вастень не долго состояли директорами тифлискаго театра.

Перерасходъ, вызванный постройкой лѣтняго театра, слабые сборы и очевидно неумѣлое веденіе дѣла породили громадннй дефицитъ свыше 50,000 руб.

Трое директоровъ были «освобождены» отъ своихъ обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ по распоряженію Намѣстника упразднена была итальянская опера, а изъ субсидіи въ 30,000 руб. приказано было тратить на театръ только 12,000 руб., остальные же 18,000 руб. въ теченіе трехъ лѣтъ 1872, 73 и 74 гг. должны были идти на погашеніе дефицита.

Вмѣсто трехъ директоровъ назначенъ былъ одинъ генералъ Ленчаковскій, обнаружившій въ качествѣ старшины «Тифлискаго кружка» способность хорошаго хозяина.

Новый директоръ рѣшилъ сдать театръ антрепренеру. Конкурентами явились: второстепенный актеръ, служившій въ труппѣ тифлискаго театра Надлеръ и А. А. Яблочкинъ, бывшій въ то время уже режиссеромъ Александринскаго театра.

Вѣроятно, чтобы не обидѣть ни того ни другого, театръ сдали: Надлеру съ мая 1872 г. по Великій постъ 1873 г. съ суб-

сидей въ 12,000 руб., а Яблочкину съ весны 1873 г. по осень 1874 г. съ субсидіей въ 27,750 руб.

Антрепренеръ-коммерсантъ Надлеръ ни передъ тѣмъ не оставался, чтобы привлечь публику. Лѣтомъ онъ устраивалъ гулянья, фейерверки, чествованіе двухсотлѣтія Петра Великаго и т. д.; зимою выѣзжалъ главнымъ образомъ на опереткѣ.

Возникшая въ 70-хъ годахъ первая частная русская газета «Тифлисскій Вѣстникъ» очень рѣзко и сурово отзывалась о предпріятіи Надлера. Вотъ что писала она по окончаніи сезона:

«Съ начала поста прекратился зимній сезонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и срокъ антрепренерства Надлера, одного изъ самыхъ злополучныхъ въ исторіи тифлискаго театра. Судя по блестящимъ эпохамъ его прошлаго, нельзя было ожидать, чтобы тифлисская сцена опустилась до того уровня, до котораго сумѣлъ ее опустить Надлеръ. Мы далеки отъ мысли видѣть въ одномъ Надлерѣ причину такого положенія вещей; это было бы крайне несправедливо: всякое данное положеніе, въ извѣстной степени, есть результатъ предшествовавшаго...

...«Мы имѣли рѣшительно все, продолжала газета, и классическія пьесы и злодѣйскія трагедіи, оперу и оперетку и добродѣтельную мелодраму, апофеозъ Петра и фейерверкъ тифлисской лабораторіи, словомъ все...

«Числомъ побольше — цѣною подешевле» — стало девизомъ г. Надлера. И дѣйствительно, чего мы не насмотрѣлись за прошлый сезонъ.

«Напрасно только Надлеръ формировалъ клаку. При добродушіи нашей публики, трата на этотъ парижскій обычай — совершенно излишній расходъ»... («Т. В.» 73 г. № 22).

Съ весны 1873 г. театръ перешелъ къ А. А. Яблочкину. Артистъ А. А. Нильскій въ «Истор. Вѣстн.» (1893 г. № 12) вспоминаетъ о лѣтнемъ сезонѣ, который, по его словамъ, былъ самымъ удачнымъ въ матеріальномъ отношеніи.

«Тифлисъ, писалъ Нильскій, произвелъ на насъ грустное впечатлѣніе. Городъ крайне скучный, сѣрый и дикій. Въ немъ все какъ-то чуждо, неуклюже и рѣзко до непріятности. Невыносимая жара дѣйствуетъ на организмъ расслабляюще и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражающе...

«Въ тифлисской труппѣ тогда служили: Яблочкина 1-я (жена Александра Александровича), ихъ дочь Яблочкина 2-я, Баранова, Журинъ, Градовъ-Соколовъ, Воронковъ, Колосова, Осе-

тровъ и друг. Все они очень нравились публикѣ и пользовались большимъ успѣхомъ, въ особенности покойный Градовъ Соловъ, искусный исполнитель комическихъ куплетовъ».

Характеризируя тифлисскую публику, Нильскій писалъ: «преобладающій элементъ зрителей, насколько я сумѣлъ замѣтить, состоялъ изъ «восточныхъ челоуѣковъ», которые имѣютъ своеобразный взглядъ на актеровъ. Они не признаютъ никакого болѣе ампуа, какъ ingénue и любовникъ. По ихъ мнѣнію, на «стариковъ и уродовъ» они могутъ насмотрѣться сколько угодно и въ жизни, тогда какъ красивыхъ и молодыхъ имъ удастся встрѣтить весьма рѣдко. Поэтому молодые исполнители въ Тифлисѣ всегда пользовались наибольшимъ успѣхомъ. Кромѣ того армяне требуютъ, чтобы актрисы непременно были блондинками, а актеры брюнетами. Это ихъ вкусъ».

Зимой дѣла у Яблочкина пошли хуже. Оставаясь режиссеромъ Александринскаго театра, онъ веденіе дѣла поручилъ женѣ, а самъ руководилъ имъ... изъ Петербурга.

Труппа ли была слабѣе лѣтней, публика ли охладѣла къ театру, но только сборы пали значительно.

И строгій «Тифлисскій Вѣстникъ» съ огорченіемъ писалъ о неудовлетворительной постановкѣ дѣла и изъ всей труппы признавалъ лишь Е. А. Свѣтланову, которая, по словамъ газеты, «стоитъ неизмѣримо выше всехъ составляющихъ въ настоящей сезонъ здѣшнюю драматическую труппу».

Въ этюдахъ «Нашъ театръ», «Тифлисскій Вѣстникъ» (1873 г. № 98), старался выяснитъ, что довело театръ до его теперешняго печальнаго состоянія. И нашелъ, что «свинны тѣ лица, которыя распоряжаются театральнымъ предпріятіемъ, хотя ихъ призваніе и дѣятельность не имѣютъ ничего общаго съ драматическимъ искусствомъ»...

О трагикѣ Петровѣ газета писала: «Петровъ привезъ намъ два несчастія: себя и лже-трагедію. До его пріѣзда театръ пробавлялся мелодрамами новѣйшихъ издѣлій: «Дьяченко и К-о.». Одного этого уже было достаточно, не говоря объ опереткахъ, но... Яблочкинъ... прислалъ Петрова, ископаемаго артиста-которому нуженъ ископаемый репертуаръ».

Не смотря, однако, на рѣзкіе отзывы прессы, не смотря на слабые сборы, по окончаніи сезона въ мартѣ 1874 г. съ Яблочкинскимъ былъ заключенъ новый договоръ уже на 6 лѣтъ съ 1 сентября 1874 г. по 1 сентября 1880 г.

Дефицитъ къ этому времени былъ уже погашенъ, субсидія увеличена до 44,000 руб. Изъ этой суммы при заключеннѣи контракта Яблочкину выдали авансомъ 15,000 руб. и на погашеніе дефицита прошлаго сезона 3,000 руб.

11 октября 1874 г. театръ сгорѣлъ.

XIII.

СОКОЛОВЪ.

Три артиста Соколовъ (впослѣдствіи Градовъ-Соколовъ), покойный А. П. Ленскій и О. А. Правдинъ почти одновременно начинали свою сценическую карьеру въ Тифлисѣ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Изъ нихъ Соколовъ долгое время былъ любимцемъ тифлисской публики. Онъ началъ службу при дирекціи въ 1870 г. подъ режиссерствомъ А. А. Яблочкина. Газета «Кавказъ» дала о немъ благопріятный отзывъ. («Со временемъ можетъ сдѣлаться прекраснымъ водевильнымъ артистомъ»). Тутъ подоспѣлъ Оффенбахъ. Дирекція сдѣлала попытку поставить оперетку «Птички глѣвчія». Попытка оказалась очень удачною. Оффенбахъ тифлисцамъ понравился больше Верди, больше Шекспира и Островскаго. Оперетка въ сезонъ прошла 20 разъ. Периколу пѣла артистка итальянской оперы Абаринова, Пикилло—Журишь, а губернатора игралъ Соколовъ. Съ этой роли онъ, что называется, пошелъ въ ходъ и сразу попалъ въ любимцы. Въ дѣйствительности, какъ увѣряютъ старые театралы, Соколовъ былъ замѣчательный бубфль. И въ роли губернатора заставлялъ публику хотовать до упаду. Каждый разъ онъ вносилъ въ исполненіе этой роли что-нибудь новое: Однажды онъ загримировался извѣстнымъ въ Тифлисѣ лицомъ, которое въ этомъ спектаклѣ сидѣло въ первомъ ряду.

Восторгу публики не было предѣловъ, когда раскрывая передъ Периколой свое инкогнито, губернаторъ-Соколовъ обратился къ публикѣ съ заявленіемъ: «Господа, убѣдите же ее, что я здѣшній губернаторъ».

Лицо, отличавшееся большой скромностью, покинуло театръ, а публика неистово стала аплодировать Соколову.

Какъ любимцу, Соколову пришлось многое, и его отсебя-

тины, и его злые и мѣткіе куплеты на злобу дня. Только однажды на него обидѣлся директоръ мужской гимназіи В. Желиховскій за то, что Соколовъ въ куплетахъ Ваньки Стикса въ «Орфей въ аду» оскорбительно отозвался о брѣшюрѣ Желиховскаго «Алаверды и якши-ѣлъ».

Свою обиду Желиховскій излилъ въ длинномъ письмѣ въ редакцію газ. «Кавказъ», но у Соколова нашелся заступникъ въ лицѣ нѣкоего Мухомора 2-го, который мѣтко и ядовито отвѣтилъ Желиховскому. Тѣмъ инцидентъ и кончился.

Соколовъ продолжалъ служить въ слѣдующемъ сезонѣ у Надлера, оставаясь неизмѣннымъ любимцемъ публики.

Затѣмъ, когда послѣ пожара зимняго театра въ бывшемъ лѣтнемъ стали хозяйничать хористы Туролла и Сиени, Соколовъ весной пріѣзжалъ съ женой пѣвицей Соколовой-Куглеръ, устраивалъ литературно-музыкальные вечера, привлекшіе большое количество публики. Весной 1877 года Соколовъ игралъ въ общинѣ драматическихъ актеровъ, но покинулъ труппу до конца сезона вслѣдствіе денежныхъ недоразумѣній съ главой общины С. А. Пальмомъ. Недоразумѣнія эти породили даже жаркую полемику на столбцахъ «Тифлискаго Вѣстника», въ которой приняли участіе артисты общины, самъ Соколовъ и рецензентъ «Т. В.»—Эксъ (Ив. Питоевъ).

Послѣдній разъ Соколовъ подъ фамиліей Градова-Соколова появился весной 1887 года въ труппѣ В. Л. Форкати, но, прежняго успѣха онъ уже не имѣлъ.

XIV.

А. П. Ленскій.

А. П. Ленскій въ самомъ началѣ своей сценической карьеры служилъ въ Тифлисѣ у антрепренера Надлера, въ сезонѣ 1872—1873 гг., въ періодъ упадка тифлискаго театра, когда дирекція сдала театр частной антрепризѣ. Надлеръ—посредственный актеръ, но весьма предприимчивый антрепренеръ, пускался на всевозможныя ухищренія, чтобы привлечь публику*). Труппа у него была слабая и только Ленскій да Соколовъ (впоследствии извѣстный актеръ Градовъ-Соколовъ), молодые начинающіе

*) См. очеркъ XII.

актеры, подавали большія надежды. Ленскій въ это время уже игралъ роли классическаго репертуара, въ которыхъ славился въ періодъ расцвѣта его таланта. Въ тифлискихъ газетахъ того времени: «Кавказъ» и «Тифл. Вѣстникъ» писали мало о труппѣ Надлера, а если писали, то бранились. Но отзывы о Ленскомъ въ обѣихъ газетахъ одинаково были хвалебные. Когда, по окончаніи контракта съ Надлеромъ, театръ былъ сданъ Яблочкину, «Тифл. Вѣстн.» въ передовой статьѣ, разсуждая о предстоящемъ сезонѣ, усиленно рекомендовалъ Яблочкину оставить Ленскаго. «Если,—писала газета,—онъ и не приобрѣлъ въ Тифлисѣ популярности, равной обладаемому таланту, то благодаря совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его дарованіемъ». («Тифл. Вѣстн.» 1873 г., № 22). Но Яблочкинъ не внялъ совѣтамъ газеты и Ленскаго не пригласилъ.

Черезъ 12 лѣтъ А. П. Ленскій въ расцвѣтѣ своей славы и таланта явился передъ тифлисской публикой. Въ это время театръ держалъ Ив. Ег. Питоевъ, которому страшно не везло. Ожестившись на оперѣ, онъ въ сезонъ 1884—85 держалъ драму—очень недурную. Въ составъ ея входили такія силы, какъ Свободина-Барышева, Кошева, Ленская, Никольскій, Ленскій-Петровъ, Рютчи, Черновъ. Несмотря на всѣ ухищренія, сборы были слабые. Онъ и фееріи ставилъ и живыя картины—ничего не помогло. Тогда весной 1885 г. Ив. Ег. Питоевъ пригласилъ на гастроли трехъ артистовъ московскаго Малаго театра: О. А. Правдина, А. И. Южина и А. П. Ленскаго. Первые два артиста уже были въ Тифлисѣ въ качествѣ гастролеровъ. Ленскій послѣ 12-лѣтняго перерыва появился въ Тифлисѣ впервые. Спектакли съ его участіемъ были сплошнымъ триумфомъ. Онъ сыгралъ Гамлета, Тартюфа, Петруччіо («Укрощеніе строптивой»), Бенедикта («Много шума изъ ничего»), Донъ-Жуана и наконецъ, въ свой бенефисъ Чацкаго. Современныя газеты посвящали артисту самые восторженные отзывы. А театральная публика, долгое время спустя, вспоминала дивные глаза и поразительную дикцію Александра Петровича.

О. А. Правдинъ.

Почти одновременно съ А. П. Ленскимъ и Соколовымъ начиналъ въ Тифлисѣ свою сценическую карьеру другой артистъ Императорскаго московскаго Малаго театра О. А. Правдинъ, здравствующій и по нынѣ. Газета «Кавказъ» отзывалась о Правдинѣ, какъ объ очень молодомъ человѣкѣ съ несомнѣнно крупнымъ дарованіемъ. Многіе изъ бывшихъ въ Тифлисѣ артистовъ испытали на себѣ справедливость извѣстной тифлисской поговорки: «Кура—вода пьешь,—нашъ будешь». Но никому, кажется, такъ не полюбился Тифлисъ, какъ О. А. Правдину. Онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ, не состоя въ труппѣ, устраивалъ литературные вечера, на которыхъ читалъ «Записки сумасшедшаго», пѣлъ комическіе куплеты, приводя въ восторгъ тифлисскую публику, которая всегда отличалась склонностью къ веселому жанру. Лѣтомъ 1883 года О. А. Правдинъ пріѣхалъ въ Тифлисъ во главѣ труппы артистовъ московскаго Малаго театра. Это былъ первый пріѣздъ полного ансамбля Императорскихъ театровъ. Удовольствіе, до тѣхъ поръ тифлисцами не испытанное. Если я прибавлю, что въ составъ товарищества входили Г. Н. Федотова, В. А. Макшеевъ, К. Н. Рыбаковъ, О. А. Правдинъ, А. М. Южинъ, то ничуть не будетъ удивительно, что не смотря на страшную жару и глухое время, театръ переполнялся. Пріѣзжали изъ Коджоръ, изъ Боржома посмотрѣть на столичныхъ артистовъ. О триумфахъ, выпавшихъ на долю Г. Н. Федотовой см. очеркъ XXV. Теперь скажу лишь, что О. А. Правдинъ, старій тифлисскій любимецъ, дѣлили лавры съ знаменитой драматической артисткой, бывшей въ то время въ расцвѣтѣ своей славы и таланта.

Затѣмъ О. А. Правдинъ появился въ Тифлисѣ весной 1885 года (см. очеркъ XIV, А. П. Ленскій). Онъ пользовался шумнымъ успѣхомъ, особенно въ мольеровскихъ пьесахъ.

Послѣ долгаго перерыва О. А. Правдинъ весной 1900 года снова пріѣхалъ въ Тифлисъ въ новый казенный театръ съ товариществомъ артистовъ Малаго театра, въ составъ котораго вошли, кромѣ самого Правдина, Лешковская, Селиванова, Подаринъ, Яковлевъ, Айдаровъ, Худолѣвъ, Ильинскій. Составъ,

какъ видите, куда слабѣе чѣмъ тотъ, что прїѣзжалъ назадъ. Но обаяніе Малаго театра было велико. Старыя театралы съ громаднымъ удовольствіемъ встрѣтили своего стараго любимца. Молодые больше увлекались Лешковской и дивнымъ ансамблемъ. Во всякомъ случаѣ успѣхъ былъ настолько большой, что Правдинъ прїѣхалъ и на слѣдующую весну: привезъ А. А. Яблочкину и интересный репертуаръ.

Третій разъ О. А. Правдинъ прїѣхалъ весной 1903 года въ театръ «Арт. О-ва» съ Лешковской, Южинымъ и Рыбаковымъ. Въ этотъ прїѣздъ успѣхъ былъ уже слабѣе. Интересъ къ артистамъ Императорскихъ театровъ выдохся.

XVI.

Пожаръ Тамамшевскаго театра.

День 11 октября 1874 года долго оставался въ памяти тифлисцевъ. Еще и теперь немногіе оставшіеся въ живыхъ свидѣтели этого рокового вечера съ грустью вспоминаютъ, какъ неумолимый огонь пожралъ зданіе, 23 года составлявшее гордость Тифлиса.

Въ роковой вечеръ должна была идти «Норма». Постепенно собирались артисты и хоръ. Теноръ Цукки, пѣвшій Полліона, уже загримировался. Примадонна Пашини раздѣлась, чтобы приступить къ гриму. Вдругъ показался огонь.

Какъ выяснилось впоследствии, пожаръ начался въ лавкѣ, примыкавшей къ театральной библіотекѣ и огонь распространился такъ быстро, что о спасеніи нечего было и думать.

Несомнѣнно здѣсь имѣлъ мѣсто поджогъ, такъ какъ, по словамъ «Тифл. Вѣстн.», «въ каравансараѣ не производилась торговля при свѣчахъ и съ наступленіемъ сумерекъ всѣ лавки запирались. Первоначально огонь показался въ лавкѣ Казарова *). Какъ говорятъ, управляющій каравансараемъ, услыхавъ шумъ, бросился къ мѣсту пожара и имѣлъ неосторожность до прибытія пожарной команды взломать ставни магазина. Изъ образовавшейся брешн пламя перешло на шкафчики корридора и тогда уже пожаръ принялъ угрожающій характеръ». («Тифл. Вѣстн.», 74 г., № 100).

*) Казарова (онъ же Лазаревъ) судили за поджогъ и сослали въ Сибирь.

Пожарная команда, помѣщавшаяся въ городскомъ домѣ напротивъ, прибыла къ мѣсту пожара черезъ десять минутъ. Въ распоряженіи брандмейстера было всего двѣ бочки и двѣ трубы, изъ которыхъ одна испортилась въ самомъ началѣ пожара. Лѣстницъ также не было. Не оказалось воды и въ бассейнѣ на Эриванской площади. Героями на этомъ пожарѣ оказались тулукчи *), которые безсмынно въ теченіе 16 часовъ возили воду изъ Куры.

Среди сбѣжавшагося на пожаръ народа безпомощно толкались артисты и хористы, между которыми курьезное впечатлѣніе представляли Полліонъ въ римскомъ костюмѣ и полураздѣтая Норма.

Музыканту Фидели удалось кое-какъ спасти ноты и музыкальные инструменты. Портной Дума и портниха Феррари спасли большую часть гардероба, но декораціи, мебель, бутафорія и театральная бібліотека сгорѣли до тла. Изъ всей бібліотеки удалось впоследствии собрать около 300 пьесъ, находившихся на рукахъ у актеровъ.

Пожаръ театра разрушилъ всѣ предположенія и мечтанія дирекціи. Заключение незадолго передъ этимъ съ А. А. Яблочкинѣмъ контрактъ на шесть лѣтъ былъ расторгнуть. Спектакли рѣшено ставить въ лѣтнемъ театрѣ, на передѣлку котораго истратили 54 т. руб.

Пока шла передѣлка дирекція устраивала концерты и спектакли въ залѣ музыкальнаго общества на Солдатскомъ базарѣ въ домѣ армянской духовной семинаріи.

Пожаромъ тамамшевскаго каравансарая закончился первый періодъ въ исторіи тифлискаго театра.

XVII.

С. А. Пальмъ.

Когда сгорѣлъ Тамамшевскій театръ и пришлось, впредь до постройки новаго, устраивать спектакли въ наскоро перестроенномъ лѣтнемъ, дирекція была поставлена въ необходимость сдать театръ такому антрепренеру, который согласился бы вести дѣло безъ субсидій, такъ какъ вся субсидія уходила

**) Тулукча—тифлисскаго водовозъ, возившій въ тѣ времена воду въ особыхъ кожаныхъ мѣхахъ перекинутыхъ черезъ сѣдло лошади.

на погашеніе дефицита, образовавшагося послѣ пожара. Такими антрепренерами явились хористы Туролла и Сиени, которые съ 1875 по 1878 г. держали въ тифлисскомъ театрѣ жалкую итальянскую оперу.

Тифлисская публика, конечно, очень обрадовалась, когда весной 1877 г. въ театрѣ снова появилась русская драматическая труппа, небольшая община (нѣчто вродѣ современного товарищества) подъ управленіемъ молодого актера С. А. Пальма.

Это было въ разгаръ турецкой кампаніи, когда Тифлисъ, представлявшій собой тылъ кавказской арміи, былъ полонъ военными интендантами, подрядчиками. Ядро пріѣхавшей труппы составляла семья Пальма. Помимо самого С. А. Пальма, даровитаго комика, въ труппѣ играли: его мать К. Г. Пальма, одна изъ лучшихъ комическихъ старухъ того времени, братъ Г. А. Арбенинъ, сестра К. А. Слободина, жена Кольцова-Пальма; наконецъ отецъ семьи, извѣстный драматургъ А. И. Пальма, выступалъ иногда на сценѣ, главнымъ образомъ, въ роли «Старога барина» въ его собственной пьесѣ. Труппа имѣла успѣхъ громадный. Театръ домылся отъ публики и члены общины заработали хорошо.

Подбодренный такимъ успѣхомъ, С. А. Пальма въ виду окончанія контракта дирекціи съ Туролла и Сиени, снялъ уже самъ театръ на три года съ весны 1878 г. безъ всякой субсидіи. Существовавшія въ то время двѣ частныя газеты «Обзоръ» и «Тифлисскій Вѣстникъ» горячо привѣтствовали молодую антрепризу:

«Послѣ долгихъ ожиданій, писалъ рецензентъ «Обзора»— (бор—*), тифлисское общество, вдоволь наслушавшись и насмотрѣвшись, какъ Богомъ убитая итальянская труппа откалывала всевозможныя оперы, не стѣсняясь ни трудностями ихъ, ни своимъ безсиліемъ для исполненія,—увидѣла, наконецъ первое, представленіе, данное новой драматической труппой подъ управленіемъ уже извѣстнаго Тифлису г. Пальма... для всякаго, кто немного разумѣетъ воспитательное значеніе театра для общества... невозможно удержаться, чтобы вмѣстѣ съ ними отъ души не привѣтствовать антрепризу Пальма и не пожелать ему всякихъ успѣховъ, тѣмъ болѣе, что онъ на собственный страхъ безъ всякой субсидіи, единственно надѣясь на свои силы и на кажущуюся

*) Талантливый поэтъ и публицистъ Симборскій, Застрѣльлся въ 1881 г.

ему несомнѣнно поддержку тифлискаго общества, начинается хорошее дѣло».

«Тифлисскій Вѣстникъ» писалъ:

«Въ такомъ маленькомъ театрѣ, какъ тифлисскій, вести дѣло на широкихъ началахъ невозможно, потому что въ такомъ случаѣ антрепренеру въ концѣ концовъ придется сдѣлаться банкротомъ и удрать изъ Тифлиса».

Труппа Пальма, въ составъ которой входили дѣйствительно крупныя таланты, съ самаго начала завоевала симпатіи тифлисской публики, которая наполняла театръ, какую бы пьесу не ставили. Разновременно съ 1878 по 1880 г. въ труппѣ Пальма служили: Брянская-Коврова, Немирова-Ральфъ, Глѣбова, Волгина, Алексѣева, Волынская (жена Арбенина, впоследствии известная опереточная пѣвица), Козловская (гастроли), Никитинъ, Правдинъ, Срѣльскій, Холодовъ, Черновъ, Шумилинъ, Осетровъ, Андреевъ-Бурлакъ, Арбенинъ.

Дѣла были блестящія. Пальмъ не только могъ оплачивать хорошо содержаніе труппы, но и самъ жилъ на широкую ногу.

Извѣстный драматургъ В. А. Тихоновъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1898 г. далъ очень интересныя воспоминанія объ этомъ періодѣ тифлискаго театра. Самъ Тихоновъ, молодымъ офицеромъ пріѣхавъ въ Кавказскую армію, послѣ войны вышелъ въ отставку и поступилъ актеромъ въ труппу Пальма, гдѣ и прослужилъ одиннадцать мѣсяцевъ, играя подъ фамиліей Старцова.

По его словамъ, Пальмъ очень скоро сталъ злоупотреблять симпатіями публики и относиться крайне небрежно къ постановкѣ спектаклей.

За отсутствіемъ режиссера ансамбля не было никакого и выѣзжали на отдѣльныхъ талантливыхъ исполнителяхъ. «Смѣло можно сказать, что ни одна пьеса не была поставлена не только хорошо, но даже мало мальски сносно, но за то отдѣльные исполнители бывали въ своихъ роляхъ сплошь да рядомъ прекрасны».

«Играли каждый день, не исключая и субботы. Играли и великимъ постомъ, кромѣ первой и страстной недѣли. Повторенія удаивались только оперетки да нѣсколько излюбленныхъ пьесъ,—большею частью мелодрамы. Поэтому каждый разъ шло что-нибудь новое».

Отношеніе къ дѣлу было самое халатное. «Ролей никто не училъ, за исключеніемъ Шумилина, Чернова и двухъ, трехъ дамъ. Репетицій никогда не было болѣе двухъ. Велись репетиціи Богъ знаетъ какъ. Соберутся артисты и артистки съ тетрадками въ рукахъ, въ шляхахъ, а зимой въ пальто и калошахъ, у всѣхъ въ зубахъ папиросы и всѣ что-то бурчатъ себѣ подъ носъ, переходя съ мѣста на мѣсто. И у всѣхъ одна главная забота, какъ можно сократить свои роли. Нѣкоторыя роли совсѣмъ вычеркивались. Вычеркивались и цѣлые акты изъ пьесы. Рѣдко кто имѣлъ представленіе о всей пьесѣ цѣликомъ: каждый интересовался только своей ролью, да и то не особенно».

И все-таки публика шла въ театр охотно, и труппа Пальма, благодаря, главнымъ образомъ, отдѣльнымъ талантливымъ артистамъ, имѣла громадный успѣхъ.

Изъ артистовъ особенною любовью, по словамъ В. А. Тихонова, пользовался В. В. Шумилинъ, появленіе котораго на сценѣ всегда сопровождалось громомъ рукоплесканій и безконечными вызовами.

Исполненіе его роли Чацкаго считалось прямо-таки образцовымъ.

Изъ пьесъ особеннымъ успѣхомъ пользовались у публики французскія мелодрамы. «Сестра Тереза» («За монастырской стѣной») выдержала въ одинъ сезонъ больше десяти представленій съ Немировой-Ральфъ и потомъ ставилась неоднократно въ слѣдующимъ сезонѣ съ Глѣбовой.

По поводу этой пьесы по городу ходили куплеты:

Сестру Терезу разъ десятокъ
Поставивши въ одинъ сезонъ,
Себѣ купилъ я пару вятокъ
И превосходный фазтонъ.

Насколько безцеремонно относились Пальмъ и артисты его къ тифлисской публикѣ можно судить по спектаклю «Велизарій», о которомъ также вспоминаетъ Тихоновъ. Эту трагедію актеры ухитрились разыграть въ такихъ веселыхъ тонахъ, что многіе изъ публики искренно думали, что это разудалая оперетка. Военный оркестръ, изображавшій побѣдоносное греческое войско подъ предводительствомъ шаловливаго актера, нѣсколько разъ прерывалъ знаменитый монологъ Велизарія, маршируя черезъ сцену и нангрявая заливчатскій маршъ на мотивъ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни». — Публика хохотала до упаду. И все это схо-

дѣло Пальму благополучно съ рукъ. Время было такое. Послѣ войны въ обществѣ настроеніе было повышенное да и было много.

Конечно, пресса не могла не реагировать на такое небрежное отношеніе къ дѣлу антрепренера. И въ «Обзорѣ» и въ «Тифлисскомъ Вѣстникѣ» стали появляться рѣзкіе и суровые отзывы.

Писавшій въ «Обзорѣ» талантливый журналистъ Симборскій (—бор.—) чуть ли не черезъ три мѣсяца прекратилъ совсѣмъ писать рецензіи, объяснивъ свой уходъ въ фельетонѣ «Прощаюсъ, ангель мой, съ тобою». По словамъ Симборскаго, тифлисская публика является «коллективнымъ нулемъ». «Публика не нуждается въ рецензіи, ибо публики нѣтъ». А такъ какъ публики нѣтъ, то рецензіи не нужна и для актера. Таковъ конечный выводъ Симборскаго. Рецензіи въ «Обзорѣ» возобновились только въ іюлѣ уже за другой ходисью и появлялись довольно рѣдко. Между прочимъ, въ рецензіи о «Гражданкѣ» А. И. Пальма, рецензентъ жаловался, что «актеръ, игравшій, роль шантажиста-корреспондента, былъ загримированъ бывшимъ рецензентомъ «Обзора». Подобная шпилька, пишетъ рецензентъ, со стороны антрепренера и автора, всего болѣе унижаетъ ихъ самихъ. Она просто недостойна не только писателя, уважающаго себя, но и антрепренера, любящаго свое дѣло».

Любопытную характеристику тифлисскаго публики того времени даетъ В. А. Тихоновъ.

«Тифлисъ,—пишетъ Тихоновъ,—любитъ свой театръ, интересуется его дѣлами и устраиваетъ своимъ любимцамъ артистамъ самыя шумныя оваціи, но довольно не разборчивъ въ своихъ требованіяхъ къ искусству: драма, оперетка, опера, комедія пользуются здѣсь совершенно одинаковымъ успѣхомъ.

Театръ здѣсь мѣсто развлеченій, rendez vous избраннаго общества, мѣсто любовныхъ похожденій...

Едва-ли,—пишетъ далѣе Тихоновъ,—какой-нибудь городъ въ мірѣ устраивалъ болѣе шумныя оваціи своимъ любимцамъ-артистамъ и эти оваціи почти никогда не ограничиваются театральными стѣнами, а выносятся обыкновенно на улицу. Тысячная толпа съ факелами въ рукахъ провожаетъ своего кумира отъ подъѣзда театра до подъѣзда его квартиры или ресторана, въ которомъ ему предполагается сдѣлать ужинъ. Раздаются восторженные голоса, слышится пѣніе, сыплются цвѣты, всѣ

сіяють радостью и восторгомъ. А кругомъ царить теплая южная ночь, яркія крупныя звѣзды весело смотрятъ съ темнаго зѣлѣнаго неба, изъ садовъ несется благоуханіе цвѣтущихъ акацій — картина эффектная, фееричная...

Но, какъ цѣнители и судьи, тифлисцы далеко не стоятъ на высотѣ призванія. Для нихъ важно, чтобы сцена была эффектна, красива и даже криклива. Строгаго, серьезнаго искусства Тифлисъ почти не понимаетъ да и не проситъ. Этимъ-то можно объяснить, что въ нашемъ театрѣ, не говоря уже объ опереткахъ, громадный успѣхъ выпадалъ на долю такихъ мелодрамъ, какъ «За монастырской стѣной» (Сестра Тереза), «Убийство Коверлей», «Ограбленная почта». Лучшіе же русскіе драматурги, какъ, напр., Островскій, Писемскій и др. здѣсь почти не пользовались успѣхомъ». (Ист. Вѣсти.» 1908 г., кн. V, VI).

А вотъ какъ описываетъ Тихоновъ самый театръ. «Тифлисскій театръ въ то время помѣщался и зиму и лѣто въ деревянномъ зданіи съ примыкавшимъ къ нему хорошенькимъ уютнымъ садомъ. При театрѣ не было фойэ—его и зимой и лѣтомъ замѣняли садъ—любимый уголокъ тифлисской публики. Очень нерѣдко бывало, когда всѣ мѣста въ театрѣ и въ ложахъ распроданы, публика прямо брала билеты на входъ въ садъ и, не смотря на то, что плата за этотъ входъ непомѣрно высока—1 рубль сер. охотниковъ посѣщать это мѣсто и поужинать въ театральномъ буфетѣ было всегда достаточно... Въ саду были фонтанчики и онъ былъ самый прохладный уголокъ въ Тифлисѣ».

Лѣтомъ часть труппы ѣздила на гастроли въ Боржомъ, имѣніе Великаго Князя Михаила Николаевича, бывшаго въ то время Намѣстникомъ Кавказскимъ.

«Любили мы, пишетъ Тихоновъ, эти поѣздки и быть назначеннымъ играть въ Боржомѣ—считалось за особое счастье

Останавливались мы въ Боржомѣ въ такъ называемомъ Кавалерскомъ домѣ, гдѣ намъ ранѣе были приготовлены комнаты. Кормили насъ сытно, вино было отличное.

Играли мы въ маленькомъ деревянномъ театрѣ. Впрочемъ, деревянными были только одна сцена да уборныя, а зрители помѣщались такъ прямо подъ бѣлымъ парусиновымъ наметомъ».—

Въ 1880 г. С. А. Пальмъ пригласилъ русскую оперную труппу, сокративъ драматическую до минимума. Болѣе подробно о первой русской оперѣ я поговорю въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Теперь, чтобы покончить съ Пальмомъ, долженъ сказать, что широкій размахъ, который онъ проявлялъ въ веденіи театральнаго дѣла, погубилъ его. Когда по окончаніи войны, количество «бѣшенныхъ денегъ» въ Тифлисѣ уменьшилось, сократились и сборы въ театрѣ, тѣмъ болѣе, что съ художественной стороны спектакли, какъ я уже сказалъ выше, стали обставляться крайне небрежно. Пальмъ продолжалъ швырять деньгами, причѣмъ служащіе у него въ театрѣ до послѣдняго ламповщика надували и обворовывали антрепренера съ барскими наклонностями. Продолжая широкій образъ жизни, Пальмъ сталъ занимать направо и налево, думая займами поправить дѣла.

Казна ему выдавала взаимобразно 53,000 руб. Надежда на оперу не оправдалась. Сборы были, правда, хорошіе. Но бюджетъ оказался такимъ значительнымъ, что покрыть его одними сборами маленькаго театрика оказалось невыполнимымъ. Къ весні 1881 г. Пальмъ сѣлъ на мель съ долгомъ въ 100,000 руб. Попытки дальнѣйшихъ финансовыхъ операцій не удались. Денегъ никто больше не давалъ. Пришлось ограничиться слабой драматической труппой. Зимой же Пальмъ поѣхалъ пытаться счастье въ Одессу съ тифлисской оперой. Неумолимые кредиторы настигли его и здѣсь. Онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, а оперное дѣло перешло на товарищество. Что же касается Тифлиса, то оставленная Пальмомъ здѣсь труппа оказалась такой слабой, что совсѣмъ отучила публику ходить въ театръ. Вдобавокъ и зимнія приспособленія лѣтняго театра пришли въ ветхость. Печи развалились. Изъ всѣхъ щелей дуло. Публикѣ приходилось сидѣть въ театрѣ въ пальто и калошахъ. Среди зимы 1881 г. спектакли прекратились.

XVIII.

В. Н. Андреевъ-Бурлакъ.

Слава актера непрочна и скоропреходяща. Успѣхъ его—успѣхъ минуты. Память объ актерѣ-любимцѣ сохраняется самое большее до слѣдующаго сезона.

Въ этомъ отношеніи Андреевъ-Бурлакъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Несмотря на то, что онъ игралъ въ Тифлисѣ всего одинъ сезонъ, память объ этомъ талантливомъ актерѣ-разсказчикѣ надолго сохранилась среди тифлисцевъ, а нѣкоторые изъ

его рассказовъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, можно услыхать изъ устъ какого-нибудь изъ старшихъ театраловъ.

Андреевъ-Бурлакъ служилъ въ труппѣ Пальма лѣтомъ и зиму 1879 г. Популярность и славу свою онъ прибрѣлъ главнымъ образомъ, какъ рассказчикъ. Актеръ онъ былъ крайне нервный, зависящій отъ вдохновенія и отъ той свѣжести големы, съ которой онъ выступалъ на сцену. Иногда онъ игралъ изъ рукъ вонъ плохо. «Иногда же вдругъ поразить публику такой тонкой работой, такимъ глубокимъ, внутреннимъ комизмомъ или теплотой, что долго, долго ходятъ всѣ подъ впечатлѣнiемъ его игры, какъ очарованные». (Вася Тихоновъ «Ист. Вѣст. 1898».)

В. А. Тихоновъ въ своихъ воспоминанiяхъ увѣряетъ, что во время спектаклей за кулисами находился лакей Андреева-Бурлака—Игнатъ съ большой кружкой кахетинскаго вина.

— «Игнатъ, таланту,—прохрипѣлъ В. Н. передъ выходомъ, отопнеть добрую треть, откашляется и пойдетъ на сцену.

«И такъ чуть-ли не въ каждомъ явленiи.

«Василій Николаевичъ,—это не талантъ твой носить Игнатъ за тобой въ кружкѣ, а гибель твоего таланта, смерть твою,—сказала однажды ему одна почтенная пожилая актриса».

— «Игнатъ, гибель таланта!—прохрипѣлъ Бурлакъ и выпилъ всю кружку залпомъ».

Съ публикой Андреевъ-Бурлакъ мало стѣснялся и часто допускалъ въ роляхъ разныя вставки, отсебятину. Въ «Гамлетѣ» онъ игралъ однажды могильщика. Съ нимъ вмѣстѣ выступалъ маленькiй актеръ Смирновъ, извѣстный въ театральномъ мiрѣ подъ кличкой Митька. Въ діалогѣ Смирновъ, оговорившись, а можетъ быть просто по своему невѣжеству, сказалъ вмѣсто «стройся» «строится».

— Экій ты, братецъ,—сказалъ Андреевъ-Бурлакъ.—Кто же это говорить строится. Надо сказать стрбится. Шекспира играешь, а по-русски говорить не умѣешь.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Тифлисѣ большой популярностью пользовался ресторанъ Шенинга въ Александровскомъ саду. Шенингъ бывшiй капельмейстеръ тифлискаго театра *), выйдя въ отставку, открылъ въ Тифлисѣ первый заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ и обзавелся небольшимъ рестораничкомъ въ нижней части Александровскаго сада. И ресторанъ

*) См. очеркъ VI.

и самъ хозяинъ пользовались въ Тифлисѣ широкой популярностью, главнымъ образомъ благодаря особой шуточнато-бурлесковой манерѣ обращенія Шенинга съ поѣтителями. Однажды въ ресторанъ зашелъ Андреевъ-Бурлакъ. Шенингъ пустилъ по его адресу какую-то колкость. Бурлакъ прехладнокровно передразнилъ его. Шенингу это не понравилось. Онъ нашелъ, что Бурлакъ не умѣетъ копировать его. Поспорили и даже объ закладъ тобились. Бурлакъ долженъ былъ въ одномъ изъ спектаклей изобразить на сценѣ Шенинга.

«Черезъ нѣсколько дней,—рассказываетъ В. А. Тихоновъ*), на сценѣ нашего театра поставлена была оперетка «Легкая кавалерія». Вдругъ въ одномъ изъ явленій, когда члены муниципалитета распѣвають свои куплеты, изъ-за кулисъ на сцену, нятая спиной и видимо горячо перебраниваясь съ помощникомъ режиссера вышелъ Шенингъ. Повернувшись къ публикѣ и замѣтивъ, что занавѣсъ поднятъ и на сценѣ идетъ представленіе, онъ сначала хотѣлъ было юркнуть за кулисы, но потомъ махнулъ рукой, подошелъ къ самой рампѣ и сталъ слѣдить за оркестромъ и за актерами, то и дѣло вставляя свои замѣчанія. Въ публикѣ произошло необычайное смятеніе... Часть публики неудержимо хохотала, другая же часть начинала протестовать. Раздавались крики: «что за безобразіе! Да уберите же Шенинга со сцены! Долой пьянаго Шенинга!» Эти крики вывели изъ терпѣнія настоящаго Шенинга, сидѣвшаго споевойно въ первомъ ряду. Онъ всталъ и громогласно заявилъ, что это не онъ пьяный, а Андреевъ-Бурлакъ и пошелъ вонъ изъ театра. Одновременно съ этимъ исчезъ Шенингъ со сцены.

Пари Андреевымъ-Бурлакомъ было выиграно. Это призналъ и самъ Шенингъ. Но только онъ увѣрялъ, что никогда не былъ такимъ пьянымъ, какимъ изобразилъ его Бурлакъ.

Въ воспоминаніяхъ В. Тихонова имѣется еще одинъ эпизодъ изъ жизни Андреева-Бурлака въ Тифлисѣ.

Дѣло происходило въ лѣтнемъ «Кружкѣ».

Большая компанія театраловъ и поклонниковъ Андреева-Бурлака пригласила артиста ужинать, въ чаю, что послѣ ужина онъ по обыкновенію будетъ рассказывать свои сцены. Но Андреевъ-Бурлакъ на этотъ разъ оказался не такъ любезенъ и заявилъ, что онъ станеть рассказывать при томъ лишь условіи,

*) См. „Ист. Вѣст.“ 1898 г. V—VII.

что ему каждый из ужинающих заплатит за каждый день сказъ по три рубля. Компания, скрѣпя сердце, согласилась. Андреевъ-Бурлакъ собралъ довольно крупную сумму. Затѣмъ онъ попросилъ у дежурнаго старшины книгу, куда записывались пожертвованія въ пользу голодающихъ армянъ переселенцевъ изъ Азіатской Турціи. Пересчитавъ собранныя деньги, В. Н. внесъ ихъ въ книгу отъ имени «любителей рассказовъ и сценъ изъ русскаго народнаго быта», а затѣмъ, доставъ свой тощій бумажникъ, вынулъ оттуда едва-ли не послѣдніе пятьдесятъ рублей и просоединилъ ихъ къ общей суммѣ «для круглаго счета», не итѣтивъ даже своей фамиліи.

XIX.

Немирова-Ральфъ и Глѣбова.

Въ сезонѣ 1878—79 г. у С. А. Пальма служила Немирова-Ральфъ, артистка съ упроченной уже репутаціей. Дебютировала она въ роли Маргариты Готье въ драмѣ Дюма «Какъ поживешь такъ и прослывешь», которая въ эти годы пользовалась особенной популярностью у публики и которую до самаго послѣдняго времени многія драматическія артистки считаютъ дебютной пьесой. Успѣхъ былъ огромный и тифлисская публика сразу зачислила Немирову-Ральфъ въ ряды своихъ любимцевъ. П. А. Опочининъ, популярный фельетонистъ и рецензентъ, временно писавшій рецензіи въ «Тифл. Вѣстн.», посвящаетъ разбору игры Немировой-Ральфъ большую рецензію, въ которой восхищается ея тонкой художественной отдѣлкой роли.

Затѣмъ артистка имѣла большой успѣхъ въ мелодрамѣ «Сестра Тереза», которая, благодаря дѣйствительно художественной игрѣ Немировой заглавной роли, прошла въ сезонѣ 15 разъ при битковыхъ сборахъ. Конечно, тифлисская публика и пресса выражали громкое желаніе, чтобы артистка осталась и на будущій сезонъ. Пальмъ, идя на встрѣчу этому желанію, повелъ съ Немировой-Ральфъ переговоры, причемъ въ виду нѣсколько обостренныхъ отношеній, возникшихъ между нимъ и артисткой, онъ просилъ при переговорахъ присутствовать рецензента «Тифл. Вѣстника» Ив. Ег. Питоева. Но тутъ встрѣтились препятствія, которыя повели къ тому, что новый контрактъ съ Немировой-

Ральфъ заключенъ не былъ. Дѣло въ томъ, что Немирова добивалась включенія въ договоръ пункта, по которому, во время драмахъ, которыя вновь будутъ поставлены въ теченіе контрактнаго времени антрепренеромъ или бенефициантами, первыя драматическія роли будетъ играть она, Немирова-Ральфъ, и лишь при слѣдующихъ представленіяхъ роли эти могутъ быть передаваемы другой актрисѣ («Тифл. Вѣстн» 79 г. № 25). Свое требованіе Немирова-Ральфъ объяснила Питоеву тѣмъ, что «въ труппѣ Пальма такъ много членовъ его семейства и личныхъ его друзей, что они могутъ заявить на свои бенефисы всѣ тѣ драмы, въ которыхъ имѣются лучшія ея, Немировой-Ральфъ, роли и передать эти роли другой артисткѣ («Т. В.» 79 № 25). Немирова-Ральфъ уѣхала. Вернулась Немирова-Ральфъ лѣтомъ 1881 г., когда театръ переживалъ періодъ упадка. И прежняго успѣха уже не было.

Лѣтомъ 1878 г. Пальмъ пригласилъ на 10 спектаклей знаменитую въ то время провинціальную актрису О. Ф. Козловскую, но особеннымъ успѣхомъ она не пользовалась.

А на зимній сезонъ 1878—79 г. Немирову-Ральфъ смѣнила, но не замѣнила Глѣбова.

Она почти что начинала свою сценическую карьеру въ Тифлисѣ. Въ 1870—71 г. Глѣбова служила въ старомъ Тамамшевскомъ театрѣ вмѣстѣ съ Соколовымъ, Правдинымъ, Журинимъ, Агравымъ. Тогда о ней рецензентъ «Кавказа» писалъ: «Физическая красота, умѣнье одѣваться.—Не обладая особыми дарованіями сумѣла занять видное мѣсто. («Кавк.» 1870 г. № 110).

За шесть лѣтъ Глѣбова мало измѣнилась. Рецензентъ «Обзора» писалъ о ней въ 1878 году, что она актриса для ходульных мелодрамъ исключительно.

Конечно, Глѣбова не могла заставить публику забыть Немирову-Ральфъ. Выступая почти въ тѣхъ же роляхъ, что и ея предшественница, Глѣбова неволью вызвала сравненія, которыя были уже не въ ея пользу.

А между тѣмъ, помимо всякихъ сравненій, Глѣбова была въ тѣ времена выдающейся драматической актрисой. Грузинскій поэтъ Ак. Церетели въ большой статьѣ, проводя параллель между обѣими актрисами, находилъ, что Глѣбова умная и добросовѣтная актриса, одаренная богатой наружностью, роскошно одѣвается. По мнѣнію Церетели, «при сильномъ желаніи и стараніи Глѣбовою можетъ сдѣлаться всякая умная актриса,

но Немпровой-Ральфъ нужно родиться. Въ первой пѣтѣ, искры Божьей... пѣтъ творческой силы, одно только искусство, дѣланность и только» *).

Знаменательно, что даже въ бенефисъ Глѣбовой театръ былъ далеко не полонъ, хотя актриса и получила много цѣнныхъ подарковъ.

XX.

Грибоѣдовскій юбилей.

Пятидесятилѣтiе со дня смерти А. С. Грибоѣдова, прахъ котораго, какъ извѣстно, покоится въ церкви св. Давида, справлялось въ Тифлисѣ очень торжественно. Къ этому дню (30 января 1879 г.) готовились задолго. Въ устройствѣ юбилея принимали участiе лучшiя силы тифлисской интеллигенци.

Въ это время въ Тифлисѣ образовался очень недурный любительскiй кружокъ, который время отъ времени устраивалъ спектакли въ мѣстномъ клубѣ, носящемъ названiе «Тифлисскiй кружокъ». Не смотря на наличие въ Тифлисѣ профессиональной драматической труппы С. А. Пальмъ, центръ тяжести юбилея былъ сосредоточенъ въ «Кружкѣ».

28 января тамъ состоялся литературный вечеръ по слѣдующей программѣ.

1. Биографiя А. С. Грибоѣдова, читалъ кн. Д. Г. Эристовъ, извѣстный публицистъ.

2. Посольство Хосровъ-Мирзы прочелъ предсѣд. археографъ комисси А. П. Берже.

3. «Горе отъ ума» и его критика, читалъ А. И. Пальмъ, драматургъ.

30 января издающiяся въ Тифлисѣ газеты посвятили статью памяти поэта.

«Тифлисскiй Вѣстникъ» почти весь номеръ занялъ Грибоѣдовымъ.

Въ заголовкѣ было напечатано слѣдующее стихотворенiе, принадлежащее перу популярнаго въ Тифлисѣ адвоката **),

*) См. «Тифл. Вѣст.» 79 г. № 187.

**) Въ то время еще занимавшаго должность товарища прокурора

остроумнаго фельетониста и талантливаго любителя П. А. Опер-
чинина:

Онъ жилъ средь міра тупости холодной,
Вокругъ царила тьма...
Съ той тьмой боролся мыслью онъ свободной,
Извѣдавъ горе отъ ума.
Переломить умомъ стараясь силу,
Онъ много горя испыталъ...
Свое онъ горе взялъ съ собой въ могилу,
Свой умъ потомству завѣщалъ.

Почти весь день 30 января былъ посвященъ чествованію поэта—
Въ церкви св. Давида экзархомъ Грузіи была отелужена
торжественная панихида.

Вечеромъ состоялись спектакли: въ казенномъ театрѣ иг-
рала труппа Пальма, а въ «Кружкѣ»—любители.

«Спектакль Кружка, пишетъ В. А. Тихоновъ, удостоилъ своимъ
поощреніемъ Великій Князь Намѣстникъ Михаилъ Николаевичъ.

Помню, что для его высочества и для нѣкоторыхъ лицъ его
свиты было поставлено десять мягкихъ креселъ передъ первымъ
рядомъ. Послѣ спектакля, закончившагося апофеозомъ памяти
Грибоѣдова, Великій Князь изволилъ милостиво бесѣдовать
съ нѣкоторыми исполнителями и благодарилъ распорядителей
кружка».

Цѣны были очень дорогія—отъ 10 руб. до 2 руб.

Весь чистый сбѣръ, какъ съ этого спектакля, такъ и съ ли-
тературнаго вечера 28 января легъ въ основу особаго грибо-
ѣдовскаго фонда.

Въ ознаменованіе этого юбилея кн. Д. Г. Эристовымъ была
издана комедія «Горе отъ ума» съ массою вариантовъ, занметво-
ванныхъ изъ различныхъ списковъ комедіи, бывшихъ въ рас-
поряженіи издателя.

Изданіе это въ настоящее время составляетъ библиографи-
ческую рѣдкость.

XXI

Первая русская опера.

Воспитанная на итальянскихъ аріяхъ, дуэтахъ и ансамбляхъ
тифлисская публика съ русской музыкой стала знакомиться
поздно да и то урывками. Такъ, напр., 30 августа 1869 г. на

открытие зимняго сезона въ присутствіи Великаго Князя, Намѣстника исполнена была увертюра изъ оперы «Жизнь за Царя». Закончился спектакль эпизогомъ той же оперы «Славься».

Знакомили тифлисцевъ съ русской музыкой и заѣзжіе концертанты, которые съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Ростова до Владикавказа частенько стали заглядывать въ Тифлисъ. Въ 1874 г. и потомъ позднѣе, пріѣзжала сюда концертировать артистка Императорскихъ театровъ А. А. Бичурина 1-я (контральто), тифлисская уроженка. Она въ своихъ концертахъ исполняла цѣлую сцену Вани, у монастыря («Жизнь за Царя»).

Въ 1880 г., С. А. Пальмъ рѣшилъ побаловать тифлисскую публику. Весной, распустивъ большую часть драматической труппы, Пальмъ сформировалъ небольшую оперную труппу. Въ составъ ея входили: Павловская и Велинская (сопрано), Рафаэль-Махвицъ и Лубковская (меццо-сопрано и контральто). Ратиль и Лодій (тенора), Павловскій и Гладикъ (баритоны), Ляровъ (басъ). Дирижеромъ былъ оставленъ Труффи, который съ 1872 г. служилъ въ оркестрѣ тифлисскаго театра сначала скрипачемъ-солистомъ, а затѣмъ, при Пальмѣ, дирижеромъ небольшого антрактнаго и оперетнаго оркестра.

Сезонъ русской оперы открылся 5 апрѣля 1880 г., оперой «Травиата», одной изъ любимыхъ тифлисцами оперъ итальянскаго репертуара.

«Понятно нетерпѣніе, писалъ рецензентъ газ. «Кавказъ», съ которымъ тифлисская публика спѣшила посмотрѣть на эту новинку для нея и послушать русскихъ пѣвцовъ въ итальянской «Травиатѣ» въ такъ хорошо знакомыхъ всѣмъ роляхъ *Віолетты*, *Альфреда* и его отца *Жоржа Жермена*...

«Исполнительницей роли *Віолетты* явилась г-жа Павловская, артистка, очевидно, опытная, что сказывается, вообще, въ ея пріемахъ и хорошей манерѣ пѣнья. Голосъ ея чистъ, довольно пріятнаго тембра, выразителенъ, а игра весьма натуральна и умна. Въ послѣднемъ актѣ... она произвела сильное впечатлѣніе и такимъ образомъ установила къ себѣ симпатію слушателей, не только какъ пѣвица, но и какъ хорошая драматическая актриса». Дальше шли отзывы о г-нѣ Ратиль, исполнявшемъ партію *Альфреда* и о г. Гладинѣ *Жоржѣ Жерменѣ*, отзывы не особенно одобрительные.

Цѣлую весну и лѣто шли оперные спектакли три раза въ недѣлю, чередуясь съ драматическими, причемъ репертуаръ

состоять изъ тѣхъ же оперъ, которыя десятки лѣтъ распѣвались итальянскими артистами на подмосткахъ тифлисскаго театра. Только 11 августа поставлена была первая опера русскаго композитора—«Русалка».

Вотъ что писалось по этому поводу въ газ. «Кавказъ»:

«Исполненіе оперы «Русалка» доставило публикѣ полное эстетическое наслажденіе, что выражалось въ оба представленія шумными оваціями всѣмъ артистамъ. Лучшимъ исполнителемъ былъ, безспорно, Ляровъ (мельникъ). Приятный тембръ голоса, душа и, главное, безукоризненная игра, вызывали громкія рукоплесканія... Сцена въ 3-мъ актѣ исполнена настолько художественно, что по отзывамъ многихъ—Ляровъ не уступалъ бывшему ветерану Императорской русской оперы—Петрову. Вообще, партія мельника лучшая изъ всѣхъ до сихъ поръ исполненныхъ Ляровымъ партій. Далѣе газета съ большой похвалой отзывалась о Вилинской (Наташа), Рафаэль-Махницъ (княгиня), Лодіи (князь). «Кольцова-Пальмъ (Ольга), писалъ рецензентъ «Кавказа», явившаяся въ первый разъ въ оперѣ, доставила всѣмъ большое удовольствіе очень мило пропѣтой пѣсенкой «Какъ у насъ на улицѣ».

Хоры спѣлись хорошо, что было не совсѣмъ легко, если принять во вниманіе то, что большинство хористовъ итальянцевъ мало знакомые съ русскимъ языкомъ и русской музыкой—(Кавк. 1880 № 217) «Русалка» въ этомъ сезонѣ стала любимѣйшей оперой тифлисецевъ. Еще и теперь старые театралы, вспоминая объ исполненіи этой оперы, говорятъ, что никогда въ послѣдствіи «Русалка» не шла съ такимъ дивнымъ ансамблемъ.

Особенно памятенъ Ляровъ, котораго многіе ставятъ даже выше Шалапина.

Въ теченіе сезона 1880—81 г. «Русалка» прошла больше 20 разъ.

Опера въ зимнемъ сезонѣ осталась почти безъ измѣненія. Уѣхавшую Вилинскую замѣнила Декарсъ (колоратурно есопрано), вступилъ въ труппу новый басъ, тифлисскій уроженецъ Коридзе. Почти вся тяжесть репертуара лежала на г-жѣ Павловской, которая съ каждымъ спектаклемъ все больше и больше завоевывала симпатіи публики.

Среди прекрасной половины тифлисской публики пользовался большимъ успѣхомъ неотразимый красавецъ и великолѣпный пѣвецъ Лодій. Издававшійся въ Тифлисъ сатирическій

журналъ, пользуясь анаграмой фамиліи артиста, называлъ его «идоломъ тифлисскихъ дамъ». (Лоди—идоль).

Имѣла успѣхъ также Рафаэль-Махвицъ, особенно въ партіи Вани въ «Жизни за Царя». Какъ курьезъ отмѣчаю, что обладающая глубокимъ контральто Рафаэль Махвицъ однажды пѣла въ «Фаустѣ» партію... Маргариты и, судя по рецензіи въ «Кавказѣ», пѣла не дурно. Къ сожалѣнію въ рецензіи не сказано, на сколько тоновъ была транспонирована партія. Эта же самая Рафаэль-Махвица на другой годъ уже въ Одессѣ въ свой бенефисъ пѣла «Демона», опередивъ, такимъ образомъ, Вяльцеву, которая, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выступала въ этой партіи.

Чтобы дать представленіе о томъ, какъ тифлиссцы въ тѣ времена справляли бенефисы своихъ любимцевъ, привожу описаніе бенефиса Павловской.

«Войдя въ ослѣпительно освѣщенный залъ, прежде всего мы нашли его празднично убраннымъ кругомъ ложъ массою тирляндъ, среди которыхъ видны были медаліоны съ названіемъ оперъ, въ которыхъ участвовала артистка на нашей сценѣ. Надъ сценою, посрединѣ, висѣла убранная вѣнками и гирляндами лира, съ которой спускалась бѣлая шелковая лента съ надписями на одномъ концѣ: «Гугеноты», бенефисъ Э. К. Павловской», а на другомъ: «Тифлисъ 16 февраля 1881 г.». Съ появленіемъ артистки на сценѣ, театръ пришелъ въ неописанный восторгъ; было подано ей множество изящныхъ букетовъ и дорогихъ подарковъ, а у ногъ ея въ одну минуту образовались груды вѣнковъ, посыпавшихся на сцену изъ крайнихъ ложъ. Шумнымъ рукоплесканіямъ не было конца. Тифлисская публика долго не забудетъ пріятныхъ минутъ, проведенныхъ на спектаклѣ. Оваціи, устроенныя публикой, выражали собой искреннее неподдѣльное уваженіе къ талантливой артисткѣ; слова же «спасибо Павловская», «благодаримъ», которыя нерѣдко доходили до насъ изъ первыхъ рядовъ кресель, заключали въ себѣ признательность за несомнѣнныя заслуги, оказанныя нашей сценѣ г-жею Павловскою.

«По выходѣ изъ театра г-жа Павловская была встрѣчена многочисленной публикой громкимъ «ура», затѣмъ была посажена въ карету, которую почти несли поклонники артистки. Шествіе кортежа было торжественное: рядомъ съ каретой несли факелы, пускали фейерверки, позади кареты шли хоръ музыки

и много публики. На всемъ пути до самой квартиры было установлено пиротехническое освѣщеніе. Оваціи продолжались еще долго у квартиры бенефициантки». («Кавк.» 1881 г. № 40).

А черезъ недѣлю та же самая публика устроила Павловской скандалъ за то, что она отказалась въ «Жизни за Царя» замѣнить заболѣвшую Дельрсь.

«Жизнь за Царя», вторая русская опера, поставленная на тифлисской сценѣ, шла въ первый разъ 26 ноября 1880 г. Прихожу полностью рецензію объ этомъ спектаклѣ газ. «Кавказъ».

Опера „Жизнь за Царя“ на тифлисской сценѣ.

«Давно ожидаемая публикой постановка оперы «Жизнь за Царя», муз. Глинки, наконецъ вчера, 26 ноября, осуществилась. Прежде нежели сказать, что либо объ исполненіи этого капитальнаго произведенія одного изъ лучшихъ русскихъ композиторовъ, мы должны поблагодарить г. Пальма за рѣшимость поставить на нашей маленькой сценѣ съ ея небольшими средствами, эту оперу, требующую большого оркестра, многочисленнаго хора, блестящаго балета, сложныхъ декораций. Нечего и говорить, что видѣвшіе исполненіе этой оперы въ Петербургѣ вынесутъ изъ нашего театра впечатлѣніе далеко не такое блестящее, какое имъ удавалось получить отъ исполненія той оперы въ столицѣ; но если они примутъ во вниманіе всѣ тѣ неблагоприятныя условія, какія сопровождаютъ нашего антрепренера, то должны будутъ согласиться, что опера «Жизнь за Царя» прошла вчера прекрасно.

Г. Ляровъ исполнилъ роль Сусанина хорошо. Нѣкоторые, видѣвшіе оперу на петербургской сценѣ во времена знаменитаго Петрова, находятъ, что г. Ляровъ нѣсколько слабъ въ передачѣ роли Сусанина, особенно драматической ея стороны; впрочемъ, глѣвецъ встрѣченъ былъ публикой очень сочувственно.

Г-жа Павловская превосходно сыграла роль Антонины, вызвавъ своею игрою, по обыкновенію, дружныя похвалы.

Роль Вани исполнила г-жа Рафаэль-Махвицъ, произведя сильное впечатлѣніе на публику.—Сабинина игралъ г. Лодій, по обыкновенію, хорошо. Эту роль онъ поетъ въ первый разъ. Хоръ, нѣсколько увеличенный, былъ тоже хорошъ, вопреки

ожиданій. Казалось, что имѣющійся въ немъ значительный процентъ итальянскаго элемента помѣшаетъ дружному исполненію чисто русскихъ мотивовъ, но къ большому нашему удовольствію эти ожиданія не оправдались. Оркестръ съ своей стороны далъ все, что можно было отъ него требовать, за что нельзя не поблагодарить энергическаго его дирижера г. Труффи.—Новыя, довольно приличныя декорации и балетъ тоже не мало способствовали общему успѣху оперы. Короче сказать, усилія нашего антрепренера г. Пальма и дирижера г. Труффи дали вполне прекрасный результатъ. Благодаря имъ, тифлисскіе любители музыки могутъ теперь познакомиться съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ и гениальнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній.

Опера «Жизнь за Царя», переведенная почти на всѣ европейскіе языки, дается съ большимъ успѣхомъ на оперныхъ сценахъ, почти всѣхъ столицъ Европы.

Судя по тому, что почти всѣ билеты на эту оперу уже разобраны на три спектакля впередъ, нужно думать, что она и въ Тифлисъ будетъ имѣть успѣхъ». («Кавк.». 1880 г., № 230).

И однако, не смотря на явный и художественный успѣхъ русской оперы въ Тифлисъ, С. А. Пальмъ, какъ я уже указалъ, на оперѣ потерпѣлъ крушеніе.

XXXII.

Женщина—Гамлетъ.

Послѣ краха Пальма и до передачи театра въ руки Ив. Ег. Питоева прошло около года. Въ полуразвалившемся театрѣ играли маленькія драматическія труппы, въ составѣ которыхъ хотя и встрѣчались талантливыя артистки и артисты, но публика до того охладѣла къ театру, что ее уже никакіе таланты не прельщали. Незамѣтно прошла передъ тифлисцами Е. Н. Горева, восходящая звѣзда. Совершенно никакого вниманія не обращала публика и на своихъ старыхъ любимцевъ.

Весной 1882 г. играла въ театрѣ драматическо-опереточная труппа Кумлана. Въ составъ ея входилъ, между прочимъ, извѣстный провинціальный артистъ и режиссеръ Бабииковъ. Но чего

только не дѣлалъ антрепренеръ для привлеченія публики, какъ и разнообразилъ репертуаръ, ставя, наряду съ трагедіями, вродѣ «Отелло», «Короля Лира», сногшибательныя оперетки, публики не шла въ театръ.

И вотъ, чтобы взять сборъ въ свой бенефисъ, первая драматическая актриса Любская поставила «Гамлета», опередивъ, такимъ образомъ, на много лѣтъ Сару Бернаръ. Вотъ что пишетъ объ этомъ спектаклѣ «Кавказъ»: «Г-жа Любская исполнила роль Гамлета. Мы, какъ и многіе изъ присутствовавшихъ, заинтересованы были этимъ, можно сказать, феноменомъ: женщина въ роли Гамлета... Какъ то странно это, кажется профанаціей... И мы боялись за г-жу Любскую. Страхъ нашъ, если и не совсѣмъ оказался напрасенъ, то и не вполне оправдался: г-жа Любская прочла, и не дурно прочла роль Гамлета; такое твердое знаніе роли намъ не часто приходилось встрѣчать. Къ сожалѣнію однообразіе дикціи дѣлало чтеніе монотоннымъ. Г-жа Любская старалась представить намъ экзальтированного, страстнаго субъекта; никакой желчи, никакого осмѣиванія окружающихъ не выразилось въ ея игрѣ, а между тѣмъ въ этомъ вся сущность гамлетовакаго типа. Серьезная драма приняла характеръ мелодрамы». («Кавк.» 1882 г. № 145).

Сборъ г-жа Любская взяла хорошій. А ей, повидимому, только это и нужно было.

XXIII.

Южинъ-Сумбатовъ.

Тифлисъ гордится своимъ артистомъ и драматургомъ. А. И. Сумбатовъ рѣдился въ Тифлисъ, учился въ 1-й гимназіи. Здѣсь въ Тифлисъ начались его первые робкіе шаги на сценѣ. Первое публичное выступленіе будущаго премьера Малаго театра относится къ 1878 г. Лѣтомъ О. А. Правдинъ устроилъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ среди другихъ исполнителей выступилъ и А. И. Сумбатовъ.

Очень любопытна рецензія объ этомъ дебютѣ, напечатанная въ № 146 «Тифл. Вѣст.»

«Кн. Сумбатовъ, въ прошломъ году окончившій курсъ въ нашей гимназіи, дебютировалъ какъ чтець! Несмотря на то,

что недѣли двѣ тому назадъ мы имѣли удовольствіе слышать родоначальника всѣхъ чтецовъ г. Никитина, юный дебютантъ не смутился этимъ обстоятельствомъ и смѣло выступилъ чтеніемъ одного изъ трудныхъ стихотвореній Майкова «Клермонтскій соборъ». Но что сказать объ его чтеніи? Чтобы не обидѣть юнаго дебютанта, скажемъ, что у него всѣ данные, чтобы современемъ сдѣлаться хорошимъ чтецомъ; у него прекрасный органъ, которымъ впрочемъ онъ совсѣмъ не умѣетъ владѣть! Вѣдь не достаточно же выучить наизусть длинное стихотвореніе, чтобы быть хорошимъ чтецомъ. Чтеніе, какъ и все на свѣтѣ, не дается безъ труда. Владѣть вѣрной интонаціей—такая же трудная вещь, какъ имѣть хорошо обработанный голосъ для пѣнья. И такъ мы посовѣтуемъ кн. Сумбатову заниматься и заниматься. «Клермонтскій соборъ», относительно, онъ прочелъ недурно. Что же касается до знаменитаго стихотворенія «Поля», то оно въ устахъ кн. Сумбатова потеряло всю прелесть. Еще одно замѣчаніе: излишняя развязность на сценѣ также не хороша, какъ и излишняя застѣнчивость! Къ сожалѣнію, кн. Сумбатовъ обладаетъ первымъ порокомъ. Онъ съ такой самоувѣренностью выходитъ на сцену и ходитъ по ней, что портитъ все впечатлѣніе!»

Студентомъ, пріѣзжая на каникулы, Сумбатовъ выступалъ въ любительскихъ спектакляхъ въ «Кружокъ», который, къ слову сказать, первоначально назывался артистическимъ кружкомъ и преслѣдовалъ главнымъ образомъ художественныя цѣли. Помѣщался «Кружокъ» въ домѣ Аршакуни, на Грибоѣдовской ул. вмѣстѣ съ Сумбатовымъ-Южинымъ принималъ участіе въ спектакляхъ и другой молодой человекъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, нынѣ извѣстный драматургъ и вдохновитель московскаго Художественнаго театра.

Объ этихъ любительскихъ спектакляхъ, въ которыхъ принимали участіе главнымъ образомъ офицеры и ихъ семьи, съ большою похвалою отзывается въ своихъ воспоминаніяхъ драматургъ В. А. Тихоновъ. По его словамъ, «всѣ пьесы на сценѣ «кружка» разыгрывались съ такой стройностью и ансамблемъ, какіе не часто встрѣтишь даже и на большихъ провинціальныхъ сценахъ» («Ист. Вѣст. 1898—VI).

Первая пьеса кн. Сумбатова «Громоотводъ» поставлена въ Тифлисѣ въ первый разъ 5 сентября 1880 г. съ участіемъ любителей и нѣкоторыхъ драматическихъ артистовъ.

Лѣтомъ 1883 г. въ Тифлисъ пріѣхала впервые труппа московскаго Малаго театра, во главѣ которой стояли Г. Н. Федотовъ, А. И. Южинъ, О. А. Правдинъ, В. А. Макшеевъ и К. Н. Рыбаковъ. Успѣхъ труппы имѣла колоссальный*). Несмотря на глухой сезонъ, сборы были битковые. На прощанье труппа записныхъ театраловъ устроила труппѣ прощальный ужинъ въ саду Ваза. «Вечеръ этотъ, писалъ «Кавказъ», устроенный чисто въ восточномъ вкусѣ, благодаря прекрасной погодѣ и общему веселому настроенію, удался какъ нельзя лучше».

За ужиномъ г. Южинъ прочелъ стихотвореніе, написанное старѣйшимъ членомъ труппы г. Вильде.

Мы—актеры лишь по сценѣ,
По призванью носимъ маску,
Въ жизни-жъ искренни и можемъ
Оцѣнить привѣтъ и ласку.
Намъ Тифлисъ сталъ такъ же близокъ,
Дорогъ какъ Москва родная,
Вѣрите, въ этомъ мысль и чувство,
А не фраза лишь пустая!..
Дай Богъ свидѣться намъ снова,
Но удастся-ль?.. Вотъ вопросъ.
«Гацосхлосъ, да шцосхлосъ.» **)

А. И. Южинъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ еще нѣсколько разъ. Между прочимъ, онъ былъ здѣсь въ 1887 г. вмѣстѣ съ Савиной въ труппѣ В. Л. Форкати. Последній разъ А. И. Южинъ пріѣзжалъ весной 1903 г. съ Ленковской, Рыбаковымъ, Правдинымъ и другими артистами московскаго Малаго театра.

И въ этотъ пріѣздъ тифлискіе театралы чествовали своего земляка-артиста въ одномъ изъ верейскихъ садовъ. Гремѣла зурна, лилось кахетинское. Московскіе гости были въ восторгѣ отъ кавказскаго гостепримства, а А. И. Южинъ-Сумбатовъ, отвѣчая на многочисленныя привѣтствія, вспомнилъ нѣсколько словъ давно забытаго родногo грузинскаго языка.

*) Болѣе подробно объ этихъ гастроляхъ Г. И. Федотовой см. очеркъ XXVII.

**) Грузинское привѣтствіе.

XXIV.

Возрожденіе грузинскаго театра.

Грузинскій театръ, созданный кн. Г. Эристовымъ, подъ покровительствомъ всеильнаго Намѣстника кн. М. С. Воронцова, послѣ назначенія Намѣстникомъ ген. Муравьева захирѣлъ и почти прекратилъ свое существованіе. Труппа была распущена. Рѣдкіе случайные спектакли не интересовали почти совсѣмъ грузинское общество. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ національное самосознаніе, до той поры дремавшее, начинаетъ просыпаться въ грузинскомъ обществѣ.

И вслѣдъ за развитіемъ юной грузинской литературы, давшей въ эту эпоху двухъ пѣвцовъ-лириковъ кн. И. Чавчавадзе и кн. А. Церетели, естественно начинаютъ помышлять о возрожденіи безвременно погибшей грузинской сцены.

Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ на клубныхъ сценахъ время отъ времени устраивались любительскіе спектакли на грузинскомъ языкѣ. Репертуаръ того времени состоялъ почти исключительно изъ десяти пьесъ кн. Г. Эристова З. Антонова и армянскаго драматурга Габріэля Сундукьянца, который самъ переводилъ свои пьесы на грузинскій языкъ.

Эти случайные спектакли случайныхъ любителей и послужили началомъ возрожденія грузинской сцены.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ группа прогрессивной грузинской молодежи, среди которыхъ были кн. Г. М. Тумановъ, кн. І. З. Андрониковъ, кн. Д. Г. Эристовъ, А. И. Сараджевъ и друг., задумала создать постоянную грузинскую труппу.

«Такъ какъ, пишетъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ Г. М. Тумановъ, нельзя было рассчитывать найти мецената, который содержалъ бы труппу на свой или казенный счетъ, какъ это было при кн. Воронцовѣ, и такъ какъ, съ другой стороны, трудно было найти и антрепренера, въ виду новизны и рискованности предпріятія, то мы рѣшили создать дѣло на товарищескихъ началахъ. Одна половина дохода со спектаклей, которые предполагалось дать въ теченіе зимы, должна была идти въ пользу исполнителей. Другая половина сборовъ предназначалась для пріобрѣтенія имущества, необходимаго для будущей постоянной сцены.

Это была переходная фаза отъ любительскихъ спектаклей

къ спектаклямъ постоянной труппы. (Г. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія, кн. 2)

Постояннаго помѣщенія у молодой труппы не было и она кочевала изъ Нѣмецкаго клуба въ Музыкальное общество, изъ театра Ардуни въ лѣтній казенный театръ.

Всего въ первый сезонъ (1878-79 г.) поставлено было 13 спектаклей, при чемъ помимо пьесъ основного такъ сказать репертуара было поставлено нѣсколько пьесъ новыхъ молодыхъ драматурговъ; изъ нихъ наиболѣе выдвинулся Авс. Цагарели, пьеса котораго «Другія нынче времена» была премирована.

Было переведено также нѣсколько классическихъ пьесъ преимущественно, Мольера.

Матеріальный успѣхъ спектаклей былъ настолько хорошъ, что кружку удалось сконить около 800 руб.

Затѣмъ весной удалось уговорить членовъ тифлискаго дворянскаго земельного банка удѣлить изъ фонда «на общепользныя нужды» 3000 руб. на театръ.

Съ такимъ фондомъ уже было нетрудно организовать болѣе или менѣе прочное дѣло.

Въ маѣ 1879 г. образовано было товарищество грузинскихъ артистовъ, которое, не довольствуясь спектаклями въ Тифлисѣ предприняло путешествіе по провинціи.

А на зимній сезонъ эта новая труппа укрѣсилась въ казенномъ театрѣ, гдѣ ей былъ предоставленъ день въ недѣлю. Въ составъ этой труппы входили: артистки: М. Сапарова, М. Кипіани, Н. Габунія, В. Каринтели, Е. Иоселіани; артисты: В. Абашидзе, К. Месхи, Н. Шаншіашвили, К. Кипіани, З. Малабеди, Н. Аваловъ, В. Мансвѣтовъ, А. Чубиновъ, І. Бакрадзе, Г. Кипшидзе (суфлеръ) А. Цагарели (сценаріусъ) и Г. Тумановъ (режиссеръ).

Почти одновременно съ открытіемъ сезона былъ составленъ и посланъ на утвержденіе Намѣстника уставъ грузинскаго драматическаго общества, который долженъ былъ легализировать работу кружка.

Первый сезонъ постоянной грузинской труппы былъ довольно удаченъ. Сборы въ среднемъ достигали 400 руб. И за весь зимній сезонъ поставлено было 27 спектаклей.

22 іюля 1880 г. уставъ грузинскаго драматическаго общества былъ утвержденъ.

Уставъ широкій, дававшій обществу большія права.

Къ сожалѣнiю ни съ самаго начала своей дѣятельности ни въ послѣдствiи новое общество не сумѣло использоватьъ предоставленныхъ ему уставомъ правъ.

Насколько мнѣ извѣстно, оно не издало ни одной пьесы, не дѣлала попытокъ издавать театральнiй журналъ. За все время существованiя грузинскаго драматическаго общества не была премирована ни одна пьеса. И ни разу общество не подумало устроить драматическiе курсы для подготовки артистовъ, въ чемъ грузинская сцена крайне нуждалась.

Мало того; въ первый же годъ превращенiя частнаго кружка въ официалное общество, проявилась несостоятельность его въ организацин театральнаго дѣла.

Вслѣдствiе неудачныхъ переговоровъ съ антрепренеромъ казеннаго театра А. И. Пальмомъ грузинская труппа не получила дней для постановки спектаклей. Новоиспеченное общество отстранилось отъ активнаго участiя въ дѣлахъ труппы и ее принялъ на свое иждивенiе въ качествѣ антрепренера кн. А. Церетели.

Спектакли въ сезонѣ 1880—81 шли уже въ частномъ неблагоустроенномъ театрѣ Арцруни.

Дѣло пошло къ упадку. Въ самой труппѣ начались раздоры. Антреприза переходила изъ рукъ въ руки.

Въ 1884 г. газ. «Новое обозрѣнiе» писало: «Грузинскiй театръ, какъ вообще всякiй театръ, есть одинъ изъ важныхъ воспитывающихъ и цивилизующихъ народную массу факторовъ и въ этомъ отношенiи судьба его не можетъ быть для насъ безразлична. А судьба его не совсѣмъ завидная. Лѣтъ шесть тому назадъ выхлопотали утвержденiе устава грузинскаго драматическаго общества, организовали труппу, положимъ безъ театра, и стали регулярно давать представленiя. Въ грузинскую труппу въ первый же разъ вошли такiе сценическiе таланты самородки, что, поработавъ надъ своимъ усовершенствованiемъ немного, они могли бы быть украшенiемъ любой русской сцены. Театръ сначала охотно посѣщала публика, какъ новинку, но скоро охладѣла и молодой труппѣ пришлось играть передъ пустыми стульями; труппа разстроилась и уже третiй годъ, какъ по два по три человекъ изъ этой, равнодушiемъ общества разбитой армii, страствуя, даютъ спектакли по разнымъ провинциальнымъ городамъ. Театральнiй комитетъ и правленiе драматическаго общества, никогда, впрочемъ, *de facto* не существовавшiе, ничего не

предпринимали для поддержки молодого театра». (Н. О. 1884 г. № 237).

Въ этомъ же году нѣкто Нибіеридзе взялъ на себя антрепризу грузинскаго театра и собралъ разбросанныхъ по захолустьямъ артистовъ.

Но не смотря на всё мытарства, которыя приходилось испытывать грузинскому театру, несмотря на всю необезпеченность грузинскихъ артистовъ, грузинскій національный театръ продолжалъ существовать и развиваться.

Всегда находились лица, которыя брали на себя рискъ антрепренера, а иногда артисты образовывали товарищество и ставили спектакли за свой страхъ.

Грузинское драматическое общество первое время ограничивалось небольшими субсидіями, выдаваемыми трущѣ и только послѣдніе годы оно приняло активное участіе въ дѣлѣ и стало антрепренеромъ.

XXV.

Постоянная армянская группа и Адамянъ.

1879 г. составляетъ начало новой эпохи въ исторіи не только грузинскаго, но и армянскаго театра въ Тифлисѣ. Съ 60-хъ годовъ армянскій театръ лишился нѣсколькихъ даровитыхъ артистовъ, которые были основателями армянской сцены и лучшимъ ея украшеніемъ. Одинъ изъ артистовъ Кеворкъ Абовянъ пропалъ безъ вѣсти, другой—Мигрдать Америкянъ, сдѣлавшись жертвой горькой нищеты и неизлѣчимой болѣзни, покончилъ самоубійствомъ. Театральное дѣло, которое и раньше велось далеко не регулярно, послѣ смерти Америкяна разстроилось совсѣмъ. Труппа, потерявшая своего руководителя, распалась на мелкія группы.

Чтобы объединить распадающееся дѣло и создать хорошій національный театръ, армянская интеллигенція выдѣлила изъ своей среды особый театральный комитетъ *). Въ составъ этого комитета входили: Г. Сундукянцъ, А. А. Іоаннисіани, Ис. Е. Питоевъ, Н. И. Амагуни, Гр. Тумановъ, А. И. Манташевъ.

*) Который впоследствии преобразовался въ армянское драматическое общество.

Я не стану останавливаться на интригах и партийной борьбе, которые возникли вокруг создаваемого вновь армянскаго театра. Укажу лишь на сильно обострившіяся отношенія между комитетомъ и редакторомъ-издателемъ «Мшака» Гр. Арцруни.

Бывшая дружба была нарушена въ виду того, что комитетъ сначала предполагалъ снять подъ армянскіе спектакли специально выстроенный Арцруни въ его каравансарафъ театральный залъ *), но затѣмъ по какимъ-то соображеніямъ передумалъ и заключилъ контрактъ съ антрепенеромъ казеннаго (такъ называемаго лѣтняго) театра А. С. Пальмомъ.

Это показалось Арцруни очень обиднымъ, что онъ и высказалъ на столбцахъ «Мшака».

Когда театральный комитетъ рѣшилъ пополнить труппу артистами, выписанными изъ Константинополя, Арцруни въ передовой статьѣ «Мшака» отъ 21 іюня отнесся къ этому рѣшенію крайне отрицательно.

«Начнемъ съ того, писалъ Арцруни, что константинопольское краснорѣчіе отличается отъ нашего кавказскаго литературнаго языка. Слѣдовательно, трудно согласовать въ одномъ и томъ же театрѣ нашихъ и константинопольскихъ артистовъ. Кромѣ того, общее направленіе константинопольскихъ армянъ, развитіе ихъ слишкомъ слабо и неправильно; ихъ литература создалась подъ вліяніемъ романтической и схоластической французской литературы, ея вредныхъ и ошибочныхъ идей».

Въ другой замѣткѣ «Мшака» (№ 121) выражается еще рѣзче: «Что за необходимость было обращаться въ Константинополь; не лучше ли было бы, если бы такіе-то (слѣдуетъ перечисленіе членовъ комитета) для приглашенія артистовъ и режиссеровъ обратились къ тифлискимъ кинто?» **).

Изъ Константинополя пріѣхали актрисы—сестры Астгикъ и Сирануйшъ и артистъ Адамянъ.

Съ 3 сентября 1897 г. начались спектакли постоянной армянской труппы, въ составъ которой входили слѣдующія лица: г-жи Астгикъ, Сирануйшъ, Сатиникъ-Чимишкянъ, Вардун, Меликянъ, г.г. Адамянъ, Чимишкянъ, Сукіасянъ, Авальянъ, Манденянъ, Теръ-Давтянъ, Адибекъ-Меликянъ, Зардеганъ, Сафра-

*) Нынѣ театръ грузинскаго дворянства.

***) Кинто—уличный торговецъ.

сяницъ, Меликъ-Адамянцъ, Казарянцъ, Сардарянцъ, Матидянцъ и Агаянъ.

Открытію армянскихъ спектаклей газ. «Кавказъ» посвятила большую замѣтку, отрывки изъ которой я привожу здѣсь.

«3 сентября 1879 г. будетъ памятнымъ днемъ въ исторіи армянскаго театра въ Тифлисѣ: съ этого дня для армянскаго театрального дѣла начинается новая жизнь, новое направленіе...

Новая, правильно организованная армянская труппа выступила въ драмѣ «Несчастливая любовь», переводъ съ итальянскаго.

Насколько помнится, никогда армянскіе актеры не пытались еще представлять переводныя пьесы изъ иностранной жизни. Новая труппа... доказала, что армянскій театръ, какъ и европейскій, можетъ расширить свои рамки и выйти изъ узкой сферы національныхъ трагедій или пьесъ изъ мѣстной жизни...

Новая труппа, продолжала газета, состоитъ изъ такихъ талантовъ, которыми могли бы гордиться лучшія благоустроенныя европейскія сцены. Надо было видѣть, какъ бойко, талантливо, естественно, безъ натяжки, выступили двѣ актрисы, приглашенныя въ труппу изъ Константинополя, дѣвицы Сирануйшъ и особенно Астикъ.

Лучшимъ представителемъ мужскаго персонала явился талантливый артистъ г. Адамянъ. Красивый собою, гибкій и необыкновенно подвижный, эластичный и изящный въ манерахъ, полныхъ жизни, чуждыхъ всякаго желанія порисоваться, глаза полные огня, звучный голосъ, тонкое и глубокое пониманіе сценическаго дѣла—все это дѣлаетъ его достойнымъ представителемъ труппы». («Кавк.». 1879 г., № 195).

Нѣсколько болѣе критически отнесся къ новой труппѣ Ив. Евг. Питоевъ, писавшій театральныя рецензіи въ «Тифлис. Вѣстн.». Въ фельетонѣ, напечатанномъ въ № 190 этой газеты, Питоевъ писалъ:

«Играющая въ настоящее время на нашей сценѣ постоянная армянская труппа содержится, какъ извѣстно, на сумму, собранную путемъ частныхъ пожертвованій мѣстнаго армянскаго общества. Сумма эта передана была въ руки комитета, въ составъ котораго избраны были пять лицъ, управляющія нынѣ всѣмъ ходомъ театрального дѣла. Труппа составилась изъ мѣстныхъ любителей и изъ трехъ сюжетовъ приглашенныхъ на тифлисскую сцену изъ Константинополя... Публика, которая переполняетъ театральныя залы, имѣетъ право жаловаться и на актеровъ и на

управляющій ими комитетъ. Что касается до актеровъ, то въ нихъ уже на первыхъ порахъ замѣчается небрежное отношеніе къ дѣлу. Кромѣ г. Адаміана, никто изъ нихъ не знаетъ какъ слѣдуетъ своихъ ролей, а при такихъ условіяхъ понятно невозможны ни правильное созданіе типа, ни продуманная игра; объ ансамблѣ же и говорить нечего. Что же касается до комитета, то на него цѣлкомъ падаетъ отвѣтственность, какъ за постановку пьесъ, неизмѣняющихъ никакого литературнаго значенія, такъ и за распущенность г.г. актеровъ, которыхъ члены комитета имѣютъ право подтянуть».

Явившись въ Тифлисъ молодымъ и почти никому невѣдомымъ актеромъ, Адаміанъ сразу занялъ выдающееся положеніе и пріобрѣлъ всеобщую симпатію публики.

Первый бенефисъ артиста 29 декабря 1879 г. былъ сплошнымъ триумфомъ.

По словамъ газ. «Кавказъ», громы аплодисментовъ сопровождали каждое появленіе на сценѣ артиста и кромѣ того ему поднесены были многочисленные подарки, стоимостью въ 400—600 руб. каждый. Изъ числа этихъ подарковъ заслуживаютъ особаго вниманія два роскошныхъ лавровыхъ вѣнка, одинъ отъ публики, а другой отъ грузинской труппы. Одинъ изъ лучшихъ представителей послѣдней г. Месхи въ антрактѣ вышелъ на сцену съ роскошнымъ лавровымъ вѣнкомъ и, обратившись къ Адаміану, продекламировалъ на грузинскомъ языкѣ стихотвореніе... Необходимо упомянуть и о подаркѣ г. С. Арцруни, поднесшемъ въ началѣ представленія на серебряномъ подносѣ экземпляръ стихотворныхъ произведеній г. Адаміани, напечатанныхъ г. Арцруни въ количествѣ 1000 экземпляровъ въ пользу артиста». («Кавк.» 1880 № 1).

Съ этого сезона положеніе армянскаго театра значительно упрочивается. Съ небольшими перерывами армянская труппа играетъ въ Тифлисъ то въ казенномъ театрѣ, то въ банковскомъ (быв. Арцруни) и наконецъ послѣдніе годы въ театрѣ «Артистическаго общества».

Что же касается Адаміана, то онъ нѣсколько разъ появлялся на тифлисскомъ горизонтѣ уже въ качествѣ гастролера, стяжавшаго себѣ европейскую извѣстность.

Расцвѣтъ его славы относится къ 1886—87, когда онъ гастролировалъ съ небольшою труппой на сценѣ банковскаго театра, встрѣчая восторженный пріемъ публики.

Между прочимъ въ этотъ прїѣздъ Адаміанъ сыгралъ Коррадо въ драмѣ «Семья преступника» на французскомъ языкѣ съ самыми любителями.

Затѣмъ онъ игралъ также съ русскими любителями въ залѣ Ив. Ег. Питоева «Гувернера» Дьяченко.

Умеръ Адаміанъ въ Константинополѣ отъ чахотки въ сильной нуждѣ. Смерть его произвела такое сильное впечатлѣніе въ Тифлисѣ, что армянскій театръ былъ закрытъ, труппа распущена. Только черезъ годъ послѣ смерти Адаміана артистъ Петросянъ образовалъ новую труппу, которая и начала свою дѣятельность въ Тифлисѣ.

XXVI.

Ив. Ег. Питоевъ.

Черезъ годъ послѣ краха А. С. Пальма тифл. театръ былъ сданъ въ аренду молодому коммерсанту-меценату Ив. Ег. Питоеву. Питоевъ въ молодые годы въ семидесятыхъ годахъ принималъ участіе въ антрепризѣ А. А. Яблочкина, затѣмъ онъ былъ членомъ редакціи въ первой частной газетѣ «Тифлисскій Вѣстникъ», издававшейся кн. Бебутовымъ и писалъ театральныя рецензіи подъ псевдонимомъ «Эксъ». Наконецъ, въ 1880 году Питоевъ совмѣстно съ покойнымъ Ив. Тхоржевскимъ издавалъ сатирическій журналъ «Фалангу», имѣвшій громадный успѣхъ и прекратившій свое существованіе по цензурнымъ условіямъ. Снялъ театръ Питоевъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Пальмъ довольно небрежно обращался съ ввѣреннымъ ему театральнымъ имуществомъ, особенно послѣдній годъ антрепризы. Новаго ничего не дѣлалъ, старыя же декорацин, мебель, костюмы etc. износились до крайности. Да и самъ лѣтній театръ (который къ слову сказать съ передѣлками подъ зимній обошелся казнѣ около 100 тыс. рублей) сталъ расплзаться по швамъ. Изъ всѣхъ щелей дуло, печи не грѣли, публика мерзла и совсѣмъ разучилась ходить въ театръ.

Получивъ театръ весной 1882 года (конечно, безъ субсидіи), Ив. Ег. Питоевъ цѣлое лѣто былъ занятъ перестройкой, обновленіемъ декораций, мебели и проч. Еще ничего не видя впереди, Питоевъ затратилъ свыше 12 тыс. р.

Повелъ онъ дѣло широко. Оперная труппа, приглашенная

имъ, была значительно обширѣе, чѣмъ первая оперная труппа С. А. Пальма, въ составъ ея входили 4 сопрано, 3 контраalto, 2 меццо-сопрано, 3 тенора, 3 баритона, 3 баса, балетъ изъ 7 человекъ.

Павловская, приглашенная на Императорскую сцену, сыѣла нѣсколько спектаклей въ качествѣ гастролерши. Гастролировала также Бичурина 2-я (контральто).

Но не смотря на всѣ старанія Питоева, несмотря на постановки новыхъ русскихъ оперъ, несмотря на то, что въ труппѣ были такія выдающіяся силы, какъ Богатыревъ, Михайловъ, Павловскій, Буховецкій, Ляровъ, Толстая, Меньшикова, Плотницкая, тифлисцы выказывали необычайное равнодушіе къ театру.

Для привлеченія публики Питоевъ ставилъ двѣ оперы въ одинъ вечеръ, заставлялъ артистокъ по субботамъ пѣть по-итальянски *), ничто не помогало. Театръ пустовалъ.

Только и наполнялся онъ на опереткахъ, которыя Питоевъ рѣшилъ ставить, чтобы хоть немного заинтересовать публику. Изъ новыхъ русскихъ оперъ Ив. Евг. Питоевъ поставилъ «Демона», «Руслан и Людмилу» и, наконецъ, «Евгенія Онѣгина» раньше, чѣмъ эта опера поставлена была на Императорской сценѣ. Первое представленіе «Онѣгина» состоялось 8 февраля 1883 г. Изъ иностранныхъ оперъ была поставлена «Африканка», а изъ оперетокъ «Боккачіо» и возобновлены «Птички пѣвчія».

Первый сезонъ закончился крупнымъ дефицитомъ.

Второй сезонъ Ив. Евг. Питоевъ рѣшилъ взять публику, какъ быка за рога.—Вамъ по нутру оперетка—пожалуйте! Недурно составленную оперную труппу, въ которую, между прочимъ, входили такія силы, какъ Зарудная, Бичурина 2-я, Михайловъ и Буховецкій, И. Е. Питоевъ пополнилъ спеціальными оперетными артистами, среди которыхъ первое мѣсто занимала Сѣтова, гремѣвшая въ то время по Россіи каскадная пѣвица. Затѣмъ шли комикъ Степановъ, протаскъ Викторовъ и друг. Пѣвучія партіи въ опереткѣ исполняли оперныя пѣвицы. Если прибавить къ этому недурной хоръ и оперный оркестръ, то можно безусловно сказать, что оперетка въ этомъ сезонѣ была выдающаяся на рѣдкость. И публика валомъ валила на оперетку, а на операхъ театръ пустовалъ. И все-таки Питоевъ съ настойчи-

*) Русскіе спектакли подѣ праздники были запрещены въ это время.

востью, явно неблагоприятно отзывавшейся на его бюджет, старался пріохотить публику къ русской оперѣ. «Онѣгина» не дѣлалъ сборовъ. Питоевъ ставитъ «Онѣгина» чуть ли не черезъ день. Среди многочисленныхъ оперетокъ, заполнившихъ репертуаръ, Питоевъ поставилъ еще одну новую русск. оперу (пятую по счету) «Майскую ночь».

Съ 1884 года театръ былъ сданъ Ив. Ег. Питою, но уже съ субсидіей въ 18 тыс. р. Большая часть этой субсидіи пошла на погашеніе долговъ прежнихъ сезоновъ. Питоевъ уже не рѣшался держать оперу и на сезонъ 188—85 г. составилъ драматическую труппу, въ которую входили Свободина-Барышева, Кошева-Лежская, Стрѣльская-Дмитріева, Саблина-Дольская, Никольскій, Ленскій-Петровъ, Черновъ, Степановъ и др.

Но и драма не привлекала въ театръ капризную и своенравную тифлисскую публику. Ив. Ег. Питоевъ пускался на всевозможныя ухищренія. Ставилъ феерію «Дѣти капитана Гранта», устраивалъ литературные вечера съ живыми картинами, ничто не помогало.

Не помогали даже широкофѣщательныя рекламы.

По поводу одной изъ такихъ рекламъ о пьесѣ «Волчья пастъ» (L'assommoire), передѣланной изъ романа Эм. Золя того же названія, «Нов. Обозр.» писало: «Равнодушіе публики къ театру заставляетъ антрепренера прибѣгать къ экстра-ордидарнымъ, чтобы не сказать болѣе, мѣрамъ. Такъ, напр., по всѣмъ корридорамъ расклеены большія объявленія на красной бумагѣ, гласящія, что скоро пойдетъ новая пьеса, гдѣ настоящій человѣкъ будетъ падать съ настоящихъ лѣсовъ и что на сценѣ будутъ имѣться чаны или что-то въ этомъ родѣ съ горячей и холодной водой. Не разберешь, право, что это—приглашеніе въ театръ или въ баню». («Нов. Обозр.» 1884 г. № 305).

Немного поправились дѣла Питоева весной 1885 года, когда въ помощь своимъ актерамъ онъ пригласилъ гастролеровъ О. А. Правдина, А. П. Ленскаго, А. И. Южина и Н. Ф. Сазопова.

Въ сезонъ 1885—86 г. субсидія Ив. Ег. Питою была выдана въ размѣрѣ 34.000 руб. Помимо драмы, режиссеромъ которой онъ пригласилъ стараго тифлискаго знакома А. А. Яблочкина, Ив. Ег. Питоевъ опять сформировалъ оперную труппу, въ составъ которой вошли между прочимъ Зарудная, Смирнова, Лодій, Буховецкій, Алениковъ, Молчановскій и друг. Дирижеромъ былъ приглашенъ директоръ музыкальнаго училища Ипполитовъ-Ивановъ, супругъ пѣвицы Зарудной.

Въ этомъ сезонѣ впервые поставлена «Карменъ», имѣвшая огромный успѣхъ благодаря художественному исполненію Смирновой заглавной партіи. Изъ русскихъ оперъ въ первый разъ шли «Мазепа» и «Рогнеда».

Опера продолжалась и весной 1886 г. въ нѣсколько обновленномъ составѣ. Приглашены были супруги Рядновы *), гастролировалъ баритонъ Борисовъ. Тогда же начиналъ свою карьеру извѣстный баритонъ Яковлевъ. Партію Опѣгина, прославившую впоследствии пѣвца, Яковлевъ пѣлъ въ первый разъ въ жизни 5 іюля 1886 г. въ Тифлисѣ.

Питоевъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы заинтересовать публику. А публика въ театрѣ не шла и обвиняла Питоева въ неумѣннн вести дѣло. И дѣло трещало и расплзалось по швамъ. Свои средства у Питоева давно изсякли, субсидіи не могли покрывать накопившихся на антрепренера долговъ. Сборовъ же еле хватало на вечеровые расходы. Въ концѣ весенняго сезона артисты не получили жалованья за цѣлый мѣсяць.

А тутъ еще Питоевъ лишился двухъ любимыхъ Тифлисѣмъ пѣвицъ: Зарудная получила ангажементъ въ Кіевѣ, а Смирнова принуждена была уѣхать изъ Тифлиса, такъ какъ молва называла ее виновницей самоубійства офицера Корганова. Въ началѣ сезона Питоевъ снова обратился къ дирекціи театра съ просьбой о выдачѣ субсидіи въ 15,000 руб. Но тутъ истомилось терпѣніе дирекціи. Съ согласія главночальствующаго кн. Дондукова-Корсакова, контрактъ съ Питоевымъ былъ расторгнутъ и съ 12 ноября 1886 г. дирекція сама вступила въ управленіе труппой. Что же касается Питоева, то дирекція нашла справедливымъ пригласить его на должность завѣдывающаго личнымъ составомъ труппы. Чтобы поднять интересъ публики къ театру, дирекція пригласила на гастроли Каменскую, Прянишникова и Медвѣдева.

Дѣйствительно сборы поднялись. Какъ видно изъ полуофициальной статьи, напечатанной въ газ. «Кавказъ» за 1887 г. (№ 228), за 2½ мѣсяца питоевской антрепризы взято сборовъ 21.860 руб., тогда какъ за слѣдующіе 3 мѣсяца веденія дѣла самой дирекціей—получилось 46.019 руб. Средній сборъ съ 279

*) Г. Рядновъ нынѣ состоитъ профессоромъ пѣнья въ тифлисскомъ музыкальномъ училищѣ, а супруга его Джубелини-Ряднова скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ростовѣ.

руб. 75 коп. (питоевское время) поднялся до 639 р. 42 к. (время дирекции). Но не надо забывать, что за эти три мѣсяца дирекции пришлось уплатить гастролерамъ 16000 руб. *). Сезонъ былъ законченъ съ дефицитомъ въ 10.324 руб. 37 коп., который погашенъ изъ субсидіи 1887 г.

Слѣдующій сезонъ 1887—88 дирекція продолжала самостоятельно вести дѣло, а Питоевъ оставался на службѣ въ должности завѣдывающаго репертуаромъ и личнымъ составомъ. Такъ изъ хозяина Ив. Ег. Пятеевъ превратился въ простаго работника. Дорого обошлась И. Е. Питоеву его почти 5 лѣтняя антреприза, онъ былъ разоренъ окончательно и единственнымъ ресурсомъ у него оставалась служба въ томъ самомъ театрѣ, который былъ виновникомъ его разоренія. И онъ преслужилъ въ этомъ театрѣ до 1902 г. Изъ стараго театра въ инженерномъ саду онъ перешелъ въ новый на Головинскомъ проспектѣ, оставаясь все время главнымъ вдохновителемъ и руководителемъ всего театрального дѣла. Онъ то именовался завѣдывающимъ репертуаромъ, то режиссеромъ, то, наконецъ, завѣдывающимъ художественной частью и сценой. Должность Питоева стала синекурой. И въ тѣ сезоны, когда казенный театръ сдавался антрепризѣ, не только подъ оперу, но и подъ драму, фамилія Ив. Ег. Питоева неизмѣнно украшала афиши. Питоевъ былъ неотъемлемой частью казеннаго театра въ теченіе 15 лѣтъ. Когда въ 1902 г. въ виду накопившагося дефицита, театръ былъ закрытъ, Питоевъ устроился режиссеромъ въ частную оперу Церетели, которая пріютилась въ театрѣ грузинскаго дворянства.

Послѣдніе годы Ив. Ег. Питоевъ живетъ въ Парижѣ.

Въ заключеніе не могу не отмѣтить особаго сбора въ пользу бѣдныхъ гор. Тифлиса, введеннаго въ казенномъ театрѣ во время антрепризы Ив. Ег. Питоева. Сборъ этотъ—взимался со всѣхъ билетовъ партера и ложъ въ размѣрѣ 5—10 коп. и продержался вплоть до установленія сбора въ пользу вѣдомства Императрицы Маріи. Насколько мнѣ извѣстно, Тифлискій театръ представлялъ единственный примѣръ обложенія зрѣлищъ благотворительнымъ сборомъ. Доходъ въ пользу бѣдныхъ поступалъ изрядный. Такъ, напр., съ 1 марта 1886 г. по 1 марта 1887 г. собрано 4586 р. 55 к.

*) Прянишниковъ получалъ 300 руб. за выходъ, Каменская 200 руб. и Медвѣдева 150 руб.

XXVII.

Г. Н. Федотова и труппа Малаго театра.

Въ очеркахъ, посвященныхъ А. И. Южину и О. А. Правдину *), я уже упоминалъ о первомъ приѣздѣ въ Тифлисъ гастрольной труппы московскаго Малаго театра. Теперь я хочу болѣе подробно остановиться на этомъ знаменательномъ въ исторіи тифлискаго театра событіи.

Труппа приѣхала въ Тифлисъ въ іюнѣ 1883 г. въ составѣ слѣдующихъ артистовъ: Г. Н. Федотова, А. П. Ермолова, Е. Г. Таланова, Л. И. Южина, П. П. Павлова, М. И. Правдина, Н. Е. Вильде, В. А. Макшеевъ, К. Н. Рыбаковъ, О. А. Правдинъ, А. И. Южинъ, Н. Я. Рябовъ, И. А. Александровъ и А. А. Филиновъ.

Спектакли открылись «Каширской стариной» Аверкіева. Нечего и говорить, что театръ былъ переполненъ. Судя по рецензій газ. «Кавказъ», публику, помимо высокохудожественной игры Г. Н. Федотовой, поразили рѣдкій ансамбль и детальность въ постановкѣ, чѣмъ до этого времени тифлисцы не были избалованы.

«Тифлисской публикѣ, писалъ рецензентъ «Кавказа», приходилось видѣть на своей сценѣ представителей лучшихъ драматическихъ силъ провинціи; гастролировали у насъ и артисты Императорскихъ театровъ, пользующіеся громкой извѣстностью. Поэтому Тифлису случалось часто видѣть на своей сценѣ образцовое исполненіе главныхъ ролей, но наслаждаться такимъ ансамблемъ исполненія, получить такое цѣльное художественное впечатлѣніе, какое было получено на первомъ спектаклѣ московск. артистовъ, нашей публикѣ никогда не случалось и потому дѣлается понятно то одушевленіе, вызвавшее громъ рукоплесканій, которое не унималось въ зрительной залѣ въ теченіе всего вечера» («Кав.» 1883 г. № 135).

Спектакли труппы, продолжавшіеся три недѣли, были сплошнымъ триумфомъ артистовъ.

Нечего и говорить, что наибольшее число овацій выпало на долю Г. Н. Федотовой.

*) См. очеркъ XV и XXIII.

То, что творилось на ея бенефисѣ, не было въ Тифлисѣ ни раньше, ни позже.

Отличавшаяся вообще въ тѣ времена особенной экспансивностью тифлисская публика на этотъ разъ превзошла самое себя.

Вотъ какъ описывается это событіе въ газ. «Кавказъ». (Шла «Гроза»).

«Знаменитая бенефициантка при выходѣ была встрѣчена громовыми раскатами аплодисментовъ и общаго восторженнаго крика, которые не умолкали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ это время ей былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ и букетъ. По окончаніи акта, при первомъ же вызовѣ, на г-жу Федотову полился цѣлый дождь маленькихъ букетиковъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, щедро взлелѣянныхъ нашимъ ласковымъ солнцемъ. Букеты сыпались изъ литерныхъ ложъ, изъ оркестра, изъ отдаленныхъ рядовъ партера, изъ ложъ бель-этажа, словомъ, отовсюду и черезъ нѣсколько минутъ вся сцена, какъ дорогимъ разноцвѣтнымъ ковромъ, была покрыта цѣлою массою розъ, незабудокъ, фіалокъ и др. цвѣтовъ. Артистка, видимо, была растрогана такимъ восторженнымъ приемомъ: подбирала и цѣловала брошенные цвѣты и слезы блестѣли на ея глазахъ. Послѣ 2-го акта г-жѣ Федотовой былъ поданъ въ высшей степени цѣнный азіатскій кувшинъ мѣстной работы.

По окончаніи спектакля публика не выходила изъ зала, куда явилась зурна, звонкіе звуки которой слились съ криками толпы. Со сцены черезъ оркестръ положенъ былъ трапъ, по которому г-жа Федотова сошла въ залъ, гдѣ ее посадили въ особо устроенныя для этого случая высокія, роскошно убранныя гирляндами, носилки. При оглушительныхъ, восторженныхъ крикахъ громадной толпы, при звукахъ военнаго оркестра и зурны, артистку торжественно понесли по улицѣ до гост. «Лондонъ», гдѣ она жила. Вся улица была освѣщена разноцвѣтными бенгальскими огнями, по сосѣдству съ театромъ свѣтилъ яркій большой транспарантъ съ вензелемъ г-жи Федотовой. Поистинѣ картинное и величественное зрѣлище представляла эта процессія, эта громадная ярко освѣщенная толпа, воздававшая должную честь первой жрицѣ русскаго драматическаго искусства!... («Кавк». 1883 г. № 146).

Также сердечны были проводы труппы. Послѣ прощальнаго спектакля толпа съ бенгальскими огнями провожала всю труппу

до гостинницы «Лондонъ», откуда съ балкона Г. Н. Федотова благодарила публику отъ лица труппы.

Въ день отъѣзда на вокзалѣ собралась громадная толпа театраловъ. Всѣмъ артисткамъ были поднесены букеты. Труппа уѣхала, а воспоминаніе о ней еще долго жило среди тифлисцевъ и заставляло болѣе критически относиться къ игрѣ сезонныхъ труппъ.

Черезъ пять лѣтъ въ іюлѣ 1888 года Г. Н. Федотова пріѣхала снова почти съ тѣмъ же составомъ артистовъ Малаго театра. Но за этотъ періодъ тифлисская публика уже избаловалась. Она нѣсколько зимнихъ сезоновъ подъ рядъ имѣла хорошую драматическую труппу. Правдинъ, Ленскій, Южинъ, Сазоновъ, Ивановъ-Козельскій пріѣзжали нѣсколько разъ за это время на гастроли. Гастролировала М. Г. Савина, провозвѣстница натурализма на сценѣ. И отношенія къ Г. Н. Федотовой въ этотъ пріѣздъ были уже не прежнія. Были оваціи, аплодисменты, подношенія, но на ряду съ этимъ раздавались и довольно сильно голоса, критикующіе знаменитую артистку. Критически относилась къ гастролершѣ не только публика, но и пресса. Въ обширныхъ и прекрасныхъ обоснованныхъ рецензіяхъ «Новаго Обзорнія» указывалось неоднократно на однообразный тонъ Г. Н. Федотовой. Вообще рецензіи «Нов. Об.» этого періода отличались своей рѣзкостью. Игру артистовъ Малаго театра разбирали, что называется, по косточкамъ. Особенно доставалось за репертуаръ, который, дѣйствительно, въ этотъ періодъ оскудѣнія драматической литературы, не отличался большой художественностью.

Но Тифлисъ все же понравился московскимъ гостямъ, и въ слѣдующее лѣто они снова пріѣхали, но уже безъ Н. Г. Федотовой. Дорога гастрольнымъ труппамъ была проложена и почти каждую весну Тифлисъ посѣщали артисты Императорскихъ театровъ, имѣя во главѣ кого-нибудь изъ премьеровъ.

XXVIII.

А. Н. Островскій въ Тифлисъ.

Осенью 1883 г. министръ государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь Островскій пріѣхалъ на Кавказъ. Въмѣстѣ съ нимъ въ Тифлисъ пріѣхалъ и братъ его драматургъ А. Н. Островскій

Пріѣздъ знаменитаго драматурга, пьесы котораго въ то время составляли ядро репертуара, не могъ пройти безслѣдно въ театральныхъ кругахъ Тифлиса.

Первой отозвалась грузинская драматическая труппа, игравшая въ то время въ театрѣ Арцруни. Она устроила спектакль въ честь Александра Николаевича, на которомъ кромѣ второго акта изъ «Доходнаго мѣста», для ознакомленія Островскаго съ туземной драматической литературой, поставлены были: водевилъ Сундукіянца «Человѣкъ предіолагаетъ, а Богъ располагаетъ» и первый актъ изъ комедіи Цагарелли «Другія нынче времена».

Нечего и говорить, что небольшой театръ Арцруни былъ переполненъ публикой, съѣхавшейся задолго до начала спектакля.

Спектакль былъ обставленъ очень торжественно. У входа былъ устроенъ транспарантъ съ грузинскими инициалами А. Н. Островскаго и надписью на русскомъ языкѣ: «Маститому драматургу привѣтъ, 20 октября 1883 г.». У подъѣзда театра Островскаго встрѣтили оглушительные звуки зурны. Когда онъ вошелъ въ предназначенную для него среднюю ложу, оркестръ заигралъ грузинскій маршъ, а на сценѣ появились въ національныхъ костюмахъ артисты грузинской труппы. Артистъ В. А. Абашидзе прочелъ на русскомъ языкѣ слѣдующій адресъ:

«Дорогой нашъ учитель! Юное товарищество грузинской драматической труппы съ восторгомъ празднуетъ незабвенный день посѣщенія грузинскаго театра творцомъ русской національной драмы. Знакома нашу публику съ вашими бессмертными твореніями, мы постоянно сознавали, что она рукоплещетъ не намъ, не нашей игрѣ, а великому драматургу, сумѣвшему освѣтить и оживить свои дивныя произведенія вѣчною общечеловѣческою идеею гуманности и правды, одинаково дорогою всѣмъ народамъ. Пионеры искусства на востокѣ, мы убѣдились и доказали воочію, что чисто русскія народныя созданія ваши могутъ шевелить сердца и дѣйствовать на умъ не одной только русской публики, что знаменитое имя ваше столь же любимо у насъ среди грузинъ, какъ и у васъ, внутри Россіи. Мы безконечно счастливы, что на нашу скромную долю выпала высокая честь послужить, при помощи вашихъ твореній, однимъ изъ звеньевъ моральной связи между двумя этими народами, имѣющими столько общихъ традицій и стремленій, сколько взаимной любви симпатій» («Кавказъ». 83 № 237).

Послѣ рѣчи Абашидзе прочелъ стихотвореніе на грузинскомъ

языкъ Цагарели. Стихотвореніе заканчивалось «Мравадъ-намі-еръ», которое было подхвачено хоромъ и оркестромъ.

Публика встала со своихъ мѣстъ и, обернувшись къ ложбѣ, аплодировала въ теченіе нѣсколькихъ минутъ...

Спектакль закончился лезгинкой.

Черезъ нѣсколько дней состоялся спектакль въ честь А. Н. Островскаго на русскомъ языкѣ. Въ казенномъ театрѣ въ это время играла оперная труппа и спектакль поставленъ былъ въ «Кружкѣ» при участіи лучшихъ любительскихъ силъ, которыя въ это время подвизались и въ «Кружкѣ» и въ домашнемъ театрѣ Ис. Ег. Питоева. Эти самыя любительскія силы черезъ пять лѣтъ легли въ основу «Арт. о-ва».

Выбрали любители трехъ-актную комедію Александра Николаевича: «Не въ свои сани не садись».

Роли были распределены между Акинфіевой, Брусиловой, Теръ-Степановымъ, Бакулинымъ, Карновичемъ, Пехано, Фрейманомъ и Опочининымъ.

Послѣ спектакля состоялся ужинъ, въ которомъ приняли участіе любители старшины «Кружка» и посторонняя публика. П. А. Опочининымъ произнесенъ былъ тостъ за здоровье А. Н. Островскаго. Затѣмъ говорили Гордзіевскій, Г. Н. Сундукьянцъ и другія лица.

Драматургъ былъ очень растроганъ сердечнымъ приѣмомъ, который ему былъ оказанъ въ Тифлисѣ и отъ души благодарилъ всѣхъ.

XXIX.

Александръ Амфитеатровъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Тризна», въ очеркѣ, посвященномъ памяти художника Реджіо, Александръ Амфитеатровъ довольно подробно останавливается на своей сценической карьерѣ, которая началась и, кажется, закончилась въ Тифлисѣ.

Въ свое время отрывки изъ этихъ воспоминаній были перепечатаны во многихъ газетахъ. Поэтому я не стану возвращаться къ нимъ. У меня подъ рукой другой источникъ, изъ котораго я могу черпать матеріалы о сценической карьерѣ и началѣ литературной дѣятельности А. Амфитеатрова. Источникъ этотъ — современная пресса.

Появился А. Амфитеатровъ на тифлисскомъ горизонтѣ въ сезонѣ 1887—88 гг., когда кончилась антреприза Ив. Ег. Пидурова и театръ взяла въ свои руки дирекція.

Составъ былъ сильный. Достаточно указать на Зарудную, Юзефовичъ, Звягину, Лодія, Медвѣдева, Супруненко, Прянишниковъ, Молчановскаго.

Само собой разумѣется, что среди такихъ крупныхъ пѣвцовъ, молодой начинающій неопытный баритонъ Амфи, вдобавокъ близорукій и не особенно поворотливый, не могъ имѣть большого успѣха. Однако пресса приняла его сначала довольно сочувственно.

По поводу дебюта его въ партіи Амонасро «Кавказъ» писалъ:

«Г. Амфи обладаетъ весьма хорошимъ баритономъ, свѣжимъ, и достаточно сильнымъ, хотя по тембру нѣсколько глуховатымъ. Постановка и обработка голоса весьма удовлетворительныя. Партію свою артистъ исполнилъ вѣрно, хотя мѣстами замѣтно было нѣкоторое замѣшательство, объяснимое непривычкой къ сценѣ. Эта же непривычка выказалась и въ драматическомъ отношеніи». («Кавк.» 1887 г. № 234).

Дальше дѣло пошло уже не такъ ладно. Малоопытнаго Амфи выпускали рѣдко, а послѣ скандала въ «Карменъ», когда онъ за кулисами запѣлъ на цѣлый тонъ выше, совсѣмъ перестали выпускать въ отвѣтственныхъ партіяхъ.

Бенефисъ все же Амфи получилъ и поставилъ «Демона». Товарищи по сценѣ уговаривали его отказаться отъ бенефиса, такъ какъ обязательные расходы по спектаклю составляли 100 руб., а сбора не предвидѣлось, тѣмъ болѣе, что въ этотъ же день было назначено торжественное открытіе банковскаго театра*), заарендованнаго В. Л. Форкатти. Но Амфи заупрямился, спектакль состоялся и ему пришлось доплатить дирекціи изъ своего кармана что-то около 50 р. Занятія открытіемъ драматическаго театра газеты совсѣмъ не отозвались на бенефисъ Амфи и только «Новое Обозрѣніе» посвятило ему нѣсколько строкъ.

«Артистъ, писала газета, повидимому, не мало поработалъ и зналъ свою партію, хотя вокальныя трудности, на которыхъ было сосредоточено вниманіе артиста, отвлекали его отъ игры, страдавшей, поэтому, нѣкоторыми недоточетами». («Н. О.» 1887 г., № 1381).

*) Бывшій театръ Арцруни, нынѣ театръ грузинскаго дворянства.

Великимъ постомъ 1888 г. оперный пѣвецъ Амфи ~~исхотѣ~~ изъ Тифлиса, чтобы снова появиться въ концѣ 1889 г. ~~уже въ Кв.~~ чествѣ газетнаго работника.

Его рѣзкія остроумныя театральныя рецензіи и злободневныя замѣтки за подписью: «Сюрпризь и «S. F.», обратили на себя вниманіе публики.

Почти въ самомъ началѣ своей новой литературной карьеры Амфитеатровъ не угодилъ рецензіей оперной пѣвицы Латернеръ, которая обрушилась на него письмомъ въ редакцію, находя, что онъ и придирается и ничего въ искусствѣ не понимаетъ и т. д.

Амфитеатровъ далъ пѣвицѣ хорошую отвѣдь.

Затѣмъ у него произошли столкновенія на той же почвѣ съ Лодіемъ, который, покинувъ сцену, занимался преподаваніемъ пѣнія въ музыкальномъ училищѣ, съ Ив. Ег. Питоевымъ и, наконецъ, съ пѣвцомъ-любителемъ г. Эни.

Всѣ эти лица бывали страшно обижены остроумными, хотя подчасъ и очень рѣзкими, отзывами рецензента «Сюрприза» и каждый въ своемъ письмѣ непремѣнно указывалъ, что и самъ «Сюрпризь» пѣлъ на сценѣ и пѣлъ очень скверно.

Отвѣчая г. Эни Сюрпризь-Амфи, между прочимъ, писалъ по этому поводу:

«Г. Эни интересуется, почему г. Сюрпризь не раздиралъ одеждъ своихъ, когда «знаменитый» (?) пѣвецъ Амфи, хорошо знакомый г. «Сюрпризу» etc, etc, etc?... Прежде всего потому, что тогда «Сюрпризь» въ «Новомъ Обозрѣніи» не писалъ, а писали другіе, спуска г. Амфи отнюдь не давашіе. Пиши въ тѣ времена Сюрпризь—вѣроятно, г-ну Ами отъ него здорово бы подчасъ доставалось. Г. Амфи, какъ пѣвецъ, умеръ и въ землю зарытъ! Миръ его праху! Не тревожьте его, милыя дѣти, своими благоглупостями. Плохой пѣвецъ былъ покойникъ, надо отдать ему полную справедливость... Но разъ онъ ушелъ со сцены, развѣ это резонъ, чтобы лѣзли на нее новыя артистическія безталантности... (Н. О.) 1891 г. № 2436).

Постомъ 1891 г. Амфитеатровъ окончательно уѣхалъ изъ Тифлиса. Дальнѣйшая его литературная карьера достаточно известна.

Антреприза „Артистическаго о-ва“.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ въ Тифлисѣ образовался небольшой кружокъ любителей драматическаго искусства. Любители устраивали спектакли въ «Тифлисскомъ кружкѣ» и въ домашнемъ театрѣ мецената-коммерсанта Ис. Ег. Питоева, женатаго на драматической артисткѣ О. С. Марксъ (см. очеркъ II). Будучи страстнымъ любителемъ театра, Ис. Ег. Питоевъ собралъ вокругъ себя все, что было талантливаго въ Тифлисѣ. Спектакли въ питоевскомъ театрѣ, литературные и музыкальные вечера привлекали всегда самую избранную публику и пользовались большимъ успѣхомъ. Изъ этого-то кружка и возникло въ 1888 году «Артистическое о-во». Открытіе общества состоялось 28 января 1888 г. въ казенномъ театрѣ, а съ осени этого же года общество приняло на себя антрепризу этого театра, который послѣ краха Ив. Ег. Питоева два года управлялся самой дирекціей. Первый сезонъ 1888—89 г. общество продолжало держать оперу, причѣмъ воспользовалось почти тѣмъ же составомъ, который гдѣ въ предыдущемъ сезонѣ при дирекціи: Пѣли Лубковская, Зарудная, Юзефовичъ, Звягина, Медвѣдевъ, Супруненко, Прянишниковъ, Тартаковъ, Молчановскій и др. Словомъ, былъ составъ такой, что теперь старые театралы вспоминаютъ и вздыхаютъ, а въ тѣ времена публика относилась къ театру довольно равнодушно. Зато бѣшеный успѣхъ имѣла приглашенная «Арт. о-вомъ» весной французская оперетка Лассалья и Шарле. Жадная до всякихъ новинокъ публика буквально ломилась въ театръ.

Въ слѣдующій сезонъ оперная труппа оказалась значительно слабѣе и публика совсѣмъ перестала ходить въ театръ. Сезонъ закончился крупнымъ дефицитомъ, который могло выдержать только «Арт. о-во», имѣвшее во главѣ такого мецената, какъ Ис. Е. Питоева, не жалѣвшаго на дѣло своихъ собственныхъ средствъ.

Чтобы поправить свои дѣла въ сезонѣ 1890—91 г. «Арт. о-во» рѣшило какъ новинку дать Тифлису французскую оперную труппу, которая играла бы параллельно съ русской.

Мысль эта на практикѣ оказалась неудачной. Составленіе труппы поручено парижск. театральному агенту г. Раберваль, который и постарался сбыть въ отдаленный азіатскій Тифлисъ всякую заваль.

Первый дебютъ французской труппы былъ ея полиглотомъ и отбилъ всякую охоту у публики посѣщать этой труппы. А такъ какъ составъ русской оперной труппы былъ очень не великъ, чтобы нести весь оперный репертуаръ, то «Арт-о-ву» пришлось прибѣгнуть къ смѣшенію языковъ французскаго и русскаго. Когда же на гастроли пригласили итальянскаго баритона Рубирато и чету Перкуоко, то получилось полное столпотвореніе вавилонское.

И такая постановка дѣла отбила у публики всякую охоту ходить въ театръ. Вотъ что писалъ по этому поводу Сюриризь (Амфитеатровъ):

«—Помилуйте!—хохоталъ одинъ зритель.—Какъ я пойду слушать «Вильгельма Телля», гдѣ Телль (Рубирато) поетъ по-итальянски, жена его Гедвига (Маттеи) по-французски, а сынъ Джемми (Бичурина)—по-русски. Вотъ такъ семейка, могу сказать!...

— Вотъ то, что я говорилъ одному театралу,—вы отлично понимаете по-итальянски, говорите по-французски... Отчего бы вамъ не слушать хоть бы смѣшаннаго Фауста.

— Батюшка мой! Да вѣдь у меня всякій разъ, какъ я прихожу изъ оперы, отъ этой путаницы языковъ, какъ будто маховое колесо въ головѣ вертится... Она ему «tu m'ami?», онъ ей: «je t'aime!», а соперникъ въ это время: «о, проклятіе!» («Н. О.» 1891 г. № 2468).

Вообще къ дѣятельности «Арт. о-ва» въ сезонъ 1890—91 г. Амфитеатровъ относился отрицательно. Подводя итоги сезона, онъ писалъ:

«42.000 руб. даются правительствомъ антрепризѣ тифл. театра въ видахъ просвѣщенія края сценическимъ искусствомъ, преимущественно русскимъ. Взамѣнъ исполненія такой высокой цѣли, на мѣстной субсидированной сценѣ мы видимъ или пародію на оперное дѣло въ видѣ вавилонскаго смѣшенія языковъ, свирѣпствующаго среди артистовъ, коихъ двѣ трети набрано съ бору да еосенки, или скандалезную пропаганду непристойной для каз. театра франц. оперетки, никому въ Тифлисѣ не нужной. Такое веденіе дѣла носить характеръ небрежн. со стороны антрепризы къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ. 42.000 руб.—кушъ достаточно крупный, чтобы возлагать на тѣхъ, въ чьи руки онъ достается, серьезную нравственную отвѣтственность. Пуб-

лика, — писалъ дальше Сюрипризь-Амфитеатровъ, — платить театру такія же деньги, что при Ив. Питоевъ и Прянишниковъ, тогда ей преподносили чудесный репертуаръ и 10-тысячные персоналы, а теперь, послѣ того, какъ она воспитала свои зрѣніе и слухъ, ей преподносятъ трехъ-четырехъ порядочныхъ артистовъ съ антуражемъ повальной безголосицы и бездарности, обветшалыя постановки, скучнѣйшій репертуаръ, несмыслящего сцены режиссера, дрянной оркестръ и хоръ чуть не въ 10 человекъ!...».

«Съ ничтожнымъ, малоопытнымъ хоромъ и оркестромъ нельзя стало давать оперъ прежняго, прянишниковскаго репертуара: даже «Гугеноты» сдѣлались смѣшными! Года три-четыре тому назадъ, не пришлось бы давать «Лоэнгина» съ упрощеніями, а въ прошломъ сезонѣ г. Ипполитовъ-Ивановъ, въ интересахъ Глинки, долженъ былъ протестовать противъ постановки «Руслана», въ нынѣшнемъ же П. И. Чайковскій сокъ сказалъ автору этихъ строкъ, что считаетъ абсолютно невозможнымъ въ Тифлисѣ при настоящихъ оперныхъ условіяхъ дать антрепризъ свою «Шиковую даму»...

Раскритиковавъ въ пухъ и прахъ французскую труппу, Сюрипризь добавляетъ:

«...Среди французской труппы, какъ нѣчто совсѣмъ ей чуждое, на нѣсколько головъ выше не только ея, но и всего нашего артистическаго міра, выдавалась, совсѣмъ непонятнымъ случаемъ попавшая къ намъ въ Тифлисъ, г-жа Флаша-Вандерикъ. Это пѣвица, ангажементъ которой даетъ право антрепризъ сбросить сорокъ грѣховъ, со своей совѣсти... Такія пѣвицы вообще рѣдкость, въ Россіи особенно, а ужъ на Кавказѣ и совсѣмъ небывальщина». («Н. О.» 1891. № 2467).

Дѣйствительно, я помню хорошо и г-жу Флаша, и ея мужа Вандерикъ. Оба они пользовались необычайной любовью публики. Вандерикъ, пѣвшій въ Тифлисѣ два сезона, подъ конецъ заболѣлъ, хрипѣлъ, пускалъ пѣтуховъ, но ему все прощалось за то наслажденіе, которое онъ доставлялъ публикѣ, когда бывалъ въ голосѣ.

Измѣнчива и плачевна судьба артиста. Спустя нѣсколько лѣтъ супруги Вандерикъ потеряли голоса и теперь влачатъ жалкое существованіе хористовъ въ какомъ-то маленькомъ городкѣ Франціи. Чтобы хоть немного поднять сборы, «Артистическое о-во», воспользовавшись пребываніемъ въ Тифлисѣ французской

опереточной пѣвицы г-жи Лассаль, стало ставить французскія оперетки.

Слѣдующій послѣдній сезонъ антрепризы 1891—92 гг. «Арт. о-во», отказавшееся отъ дорого стоящей оперы, пригласило драматическую труппу и чтобы парализовать конкуренцію извѣстнаго антрепренера В. Л. Форкатти, который все время отвлекалъ публику отъ казеннаго театра въ банковскій, гдѣ онъ то ставилъ фееріи, то привозилъ хорошую оперетку, общество предложило Форкатти должность режиссера. вмѣстѣ съ тѣмъ общество арендовало также и банковскій театръ, гдѣ изрѣдка ставились обстановочныя пьесы, такъ какъ въ то время сцена банковскаго театра была больше приспособлена для крупныхъ постановокъ, чѣмъ сцена казеннаго.

Такъ въ банковскомъ театрѣ въ первый разъ была поставлена «Снѣгурочка».

Но и драма, хорошо и умѣло подобранная, сборовъ не дѣлала. По этому поводу корреспондентъ журнала «Артистъ» писалъ слѣдующее:

...«Какъ завлечь публику въ театръ, какъ угодить ея вкусамъ? Въ прошломъ году, когда мы имѣли русскую и итальянскую оперу, французскую и русскую оперетку, малороссовъ, тифлисцы кричали: «Не надо намъ этихъ актеровъ національныхъ труппъ, дайте намъ хорошую русскую драму». Артистическое общество составило при помощи г. Форкатти *хорошую* драматическую труппу... поставлены были всѣ болѣе или менѣе выдающіяся новинки столичныхъ театровъ, ничего не помогало.

«На ряду съ драматической труппой подвизается въ Тифлисѣ «оперное товарищество». Это товарищество ставитъ разъ въ недѣлю оперы, ставитъ безъ хора, безъ обстановки и дѣлаетъ сборы, доходящіе каждый разъ до 800—850 руб. Такое сопоставленіе фактовъ наводитъ на печальныя размышленія». Арт. 1892 № 201.

Тотъ же корреспондентъ, обсуждая неуспѣхъ театральнаго предприятия «Артистическаго общества», довольно вѣрно характеризуетъ тифлискую публику. Характеристика эта, хотя и написанная болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, можетъ быть прекрасно применена и къ современной тифлисской публикѣ:

«Въ другихъ городахъ, хотя бы въ Москвѣ, чѣмъ больше играетъ актеръ, чѣмъ чаще привыкли видѣть его въ какой-нибудь излюбленной роли, тѣмъ имъ болѣе дорожатъ... У насъ совершенно наоборотъ: не было примѣра, чтобы какой-нибудь артистъ

или цѣлая труппа могли бы выступать съ одинаковымъ успѣхомъ два сезона подрядъ. Г-жа Лассаль, удостоившаяся невѣроятныхъ овацій, доходившихъ подчасъ до смѣшного, въ первый сезонъ, не имѣла никакого успѣха въ настоящемъ году... тоже г. Тартаковъ, г. Вандерикъ; даже высокоталантливая Г. Н. Ѳедотова, очарованная приѣмомъ тифлисской публики въ первый приѣздъ, была весьма неприятно поражена, встрѣтивъ болѣе холодный приѣмъ въ 1889 г.

«Словомъ, всё хорошо у насъ, но только одинъ разъ. Для того, чтобы дѣлать въ Тифлисѣ дѣла, надо театръ обратить въ нѣкое подобіе панорамы и закидывать публику цѣлымъ рядомъ быстро смѣняющихся, возможно разнообразныхъ и, главное, новыхъ зрѣлищъ, держа постоянно въ напряженномъ состояніи и не давая ей, такъ сказать, опомниться... Привезите намъ японскую оперетку, китайскій балетъ или американскую драму,—успѣхъ будетъ безусловный, невѣроятный, потому что все это въ Тифлисѣ еще невидано и возбуждаетъ интересъ и любопытство всякаго... *Мода и новость*—вотъ въ двухъ словахъ характеристика какъ самой публики Тифлиса, такъ и ея желаній». (Арт. 1891 г. № 14).

Послѣ 1892 г. «Артистическое общество» прекратило свою антрепренерскую дѣятельность и театръ перешелъ къ В. Л. Форкати. Что же касается дѣятельности «Артистическаго о-ва» какъ кружка любителей, то эта дѣятельность въ концѣ восьмидесятыхъ и въ девяностыхъ годахъ отличалась большой продуктивностью.

Стройная, сыгравшаяся любительская труппа, интересный репертуаръ, тщательная постановка, искренняя любовь къ дѣлу всѣхъ безъ исключенія членовъ любительскаго кружка и неутомимость Ис. Ег. Питоева, который былъ все время душой общества, его вдохновителемъ—все это способствовало популярности Артистическаго общества. Домашніе вечера—«среды» посѣщались очень охотно. Пополняя пробѣлъ—отсутствіе драматической труппы въ Тифлисѣ, артистическое общество, кромѣ «средъ», носившихъ болѣе или менѣе замкнутый характеръ, устраивала время отъ времени общедоступные спектакли, на которыхъ исполнялись лучшія пьесы репертуара. Когда оперу въ казенномъ театрѣ смѣнила драма, Артистическое общество начало ставить на своей маленькой сценѣ оперы. Оркестръ составленъ былъ изъ любителей и дирижировалъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ. Въ «среду» Ис. Ег. Питоева въ январѣ 1892 г. впервые въ Тифлисѣ поставлена «Cavaleria rusticana» («Сельская честь»). Въ театральномъ

залѣ Артистическаго общества устраивались симфоническіе вечера и квартетныя собранія Музыкальнаго о-ва.

Для учащихя Артистическое общество, соединившись съ обществомъ учительницъ, устраивало литературно-музыкальныя утра, «посвященныя классикамъ»: Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Тургеневу, Шекспиру и др.

Въ Артистическомъ обществѣ гастролировали Е. Н. Горева, В. Ф. Коммиссаржевская и др.

«Власть тьмы» впервые въ Тифлисѣ поставлена на сценѣ Артистическаго общества и поставлена съ такимъ ансамблемъ, который долго будетъ памятенъ тифлисцамъ.

Когда помѣщеніе оказалось тѣснымъ, рѣшено было построить новое зданіе, которое и было открыто 8 февраля 1901 г. О дѣятельности Артистическаго общества въ новомъ помѣщеніи см. очеркъ XXXVIII.

XXXI.

М. М. Ипполитовъ-Ивановъ.

М. М. Ипполитовъ-Ивановъ хорошо знаетъ Тифлисѣ и старый Тифлисѣ хорошо зналъ Ипполитова-Иванова. Здѣсь зарождался, здѣсь крѣпнѣ и развивался его композиторскій талантъ. Въ восточныхъ напѣвахъ, звучавшихъ вокругъ него, молодой композиторъ и педагогъ черпалъ свое вдохновеніе.

Въ 1883 г. пріѣхалъ г. Ипполитовъ-Ивановъ въ Тифлисѣ въ качествѣ преподавателя музыкальнаго училища и почти тотчасъ же по пріѣздѣ былъ назначенъ директоромъ этого училища. Жена его, извѣстная въ то время въ провинціи пѣвица, г-жа Зарудная, вступила въ составъ оперной труппы Ив. Ег. Питоева и это обстоятельство сразу установило тѣсную связь между казеннымъ театромъ и М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ. Въ февралѣ 1884 г. исполнено было въ бенефисъ хора аріозо изъ ораторіи Ипполитова-Иванова «Св. Нина».

Слѣдующій сезонъ въ Тифлисѣ была драма, а когда съ сентября 1885 г. Ив. Питоевъ снова собралъ оперную труппу, во главѣ оркестра сталъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, продолжая оставаться директоромъ музыкальнаго училища.

Въ статьѣ «Итоги сезона» газ. «Новое Обозрѣніе» такъ характеризуетъ новаго дирижера.

«Капельмейстеръ г. Ивановъ-Ипполитовъ, безъ всякаго мнѣнія, музыкантъ интеллигентный и весьма трудолюбивый. Обладая похвальнымъ терпѣніемъ, любовью къ труду и солиднымъ музыкальнымъ образованіемъ, онъ, однако, лишень способности горячо воодушевляться и сообщать свое воодушевленіе руководимымъ массамъ—оркестру и артистамъ. У него оркестръ всегда точенъ, исправенъ и аккуратенъ, но почти никогда не одушевленъ, а иногда даже вялъ. Оживленный оркестръ обуславливается темпераментомъ и увлеченіемъ капельмейстера. Такимъ увлекающимъ, оживляющимъ темпераментомъ, воздѣйствующимъ на музыкантовъ г. Ивановъ-Ипполитовъ не обладаетъ. Зато онъ не отстываетъ никогда отъ требованій партитуры и указаній автора и всегда пунктуаленъ и строго ритмиченъ».

(«Н. О.» 86 г. № 782. Оперные итоги).

Въ апрѣлѣ 1886 г. Ипполитовъ-Ивановъ удостоился дирижировать оперой «Мазена» въ присутствіи самого П. И. Чайковскаго, который въ это время пріѣзжалъ въ Тифлисъ *).

Въ слѣдующемъ сезонѣ 1886—87 поставлена была первая опера М. М. Ипполитова-Иванова «Руѣ» и кромѣ того въ день 50-лѣтія оперы «Жизнь за Царя»—спеціально написанная имъ къ этому случаю кантата.

По поводу оперы «Руѣ» нѣсколько лѣтъ поздиѣ Амфитеатровъ, писавшій въ «Нов. Обзор.» подъ псевдонимомъ Сюрпризъ, далъ такой отзывъ:

«Руѣ» совершенно ошибочно названа «оперой»: «Это ораторія, лирическія сцены, три вокальныхъ *intermezzo*, соединенныхъ вмѣстѣ, — все что угодно, но только не опера. Въ «Руѣ» г. Ипполитовъ-Ивановъ явился музыкантомъ до мозга костей; «Руѣ» типичное дитя искусства для искусства. Никакой уступки вкусамъ современной толпы: ничего остраго, пикантнаго, вычурнаго, бьющаго на эффектъ; строгость, простота — задача «Руѣ»... Рѣдкій композиторъ пренебрегъ вкусомъ публики въ большей мѣрѣ, чѣмъ г. Ипполитовъ-Ивановъ въ «Руѣ»: онъ словно совсѣмъ позабылъ, что три четверти театра ходитъ *смотреть* оперу, а не *слушать* ее... Поэтому «Руѣ» всегда будетъ почтеннымъ,

*) П. И. Чайковскій былъ въ Тифлисъ 2 раза въ 1886 г. и въ 1890 г. Въ послѣдній его пріѣздъ тифлисское отд. Имп. Рус. Муз. Общ. устроило симфорическій вечеръ, при чемъ оркестромъ дирижировала сама П. И.

заслуживающимъ всякаго вниманія орус'омъ въ глазахъ ея и ея листвоѣ музыкальнаго дѣла, но врядь-ли скоро раскусить масса ея недюжинныя красоты». («Н. Обзор.». 1890 г. № 2387).

Энергичный, любящій искусство М. М. Ипполитовъ-Ивановъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ музыкальнаго общества, привлекая къ работѣ въ училищѣ лучшія педагогическія силы. Находясь въ близкой дружбѣ съ Ис. Ег. Пятосымъ, который стоялъ во главѣ музыкальнаго о-ва, Ипполитовъ-Ивановъ явился однимъ изъ учредителей возникшаго въ 1887 г. «Арт. о-ва».

Ко дню открытія имъ была написана торжественная кантата, исподненная 28 января 1888 года.

Когда опера въ казенномъ театрѣ перешла въ руки молодого «Артистическаго о-ва», М. М. Ипполитовъ-Ивановъ продолжалъ руководить оркестромъ.

Въ сезонѣ 1890—91—поставлена была на тифлисской сценѣ вторая опера Ипполитова-Иванова «Азра», болѣе сценическое произведеніе, чѣмъ «Руѣ».

Привожу отзывъ объ этой оперѣ корреспондента журнала «Артистъ» В. П. (Пахомова):

«Громадное и неотъемлемое достоинство оперы—сохраненіе и выдержка восточ. колорита въ теченіе всѣхъ 4-хъ актовъ и роскошная богатая оркестровка. Послѣдняя положительно завоевываетъ все вниманіе слушателей, иногда даже въ ущербъ вокальной сторонѣ и можетъ считаться образцовой въ своемъ родѣ». Отмѣчая достоинство оперы, В. П. къ числу недостатковъ относитъ то, что въ «музыкѣ «Азры» мало самобытности, самостоятельности и оригинальности». («Арт.» 1890 г. № 11).

Въ 1892 г. Ипполитовъ-Ивановъ выѣзжалъ въ Москву дирижировать своими произведеніями въ симфоническомъ концертѣ московск. отд. музык. о-ва, а въ 1893 г. покинулъ окончательно Тифлисъ, вступивъ въ ряды профессоровъ московской консерваторіи. Послѣ отъѣзда въ Америку директора консерваторіи Сафоновъ, этотъ постъ занялъ М. М. Ипполитовъ-Ивановъ.

XXXII.

Малороссы.

Было бы крайне несправедливо, если бы я въ своихъ очеркахъ не упомянулъ о малороссійскихъ спектакляхъ, сыгравшихъ немаловажную роль въ исторіи тифлискаго театра.

Съ пьесами на малорусскомъ языкѣ тифлисская публика знако-
 милилась на зарѣ тифлискаго театра. Въ первые же годы ея существованія здѣсь русской труппы въ скудный водевильный ре-
 пертуаръ вошли и «Наталка-полтавка» и «Москаль-Чарывникъ»
 и «Кумъ мирошникъ» и другія немногочисленныя пьесы Квитки-
 Основьяненко и Котляревскаго, единственныхъ малорусскихъ
 драматурговъ того времени.

Въ 70 годахъ прїѣзжала на нѣсколько спектаклей настоящая
 малорусская труппа Любимова-Деркача.

Но самымъ интереснымъ является прїѣздъ въ Тифлисъ пре-
 красной труппы М. П. Старицкаго въ 1889 г.

Въ составѣ этой труппы были такія крупныя величины, какъ
 Боярская, Карпинская-Затыркевичъ, Грицай, Манько, Касиненко,
 Ванченко, самъ Старицкій, выступавшій, впрочемъ, очень рѣдко.

Дивный ансамбль, простота и естественность игры актеровъ,
 натурализмъ обстановки и, главное, паробки и дивчата, которые
 чувствовали себя на сценѣ какъ у себя дома и, исполняя хоровыя
 номера, не выстраивались по ранжиру, какъ это дѣлалось въ оперѣ—все это плѣнило тифлисскую публику и привело въ восторгъ
 прессу, посвящавшую малороссамъ огромныя рецензїи.

Успѣхъ труппа имѣла колоссальный. Особенно Боярская и
 Манько.

Труппа Старицкаго проложила путь въ Тифлисъ малороссій-
 скимъ труппамъ.

Не проходило года, чтобы Тифлисъ не посѣтила какая нибудь
 изъ малороссійскихъ труппъ. Прїѣзжалъ самъ батько Кропив-
 ницкій съ Заньковецкой, прїѣзжалъ Саксаганскій, Садовскій.
 Играли большею частью въ банковскомъ театрѣ.

И на тифлисскую публику малороссы пожаловаться не
 могли. Малорусскіе спектакли посѣщались очень охотно и артисты
 пользовались теплымъ прїемомъ.

Въ самое послѣднее время въ Тифлисъ завелась постоянная
 любительская малороссійская труппа. Спектакли труппа эта
 сначала ставила въ желѣзнодорожномъ театрѣ, а послѣдніе
 два года труппа играетъ въ народномъ домѣ.

В. Л. Форкати и первый частный театр.

Впервые на тифлисскомъ горизонтѣ В. Л. Форкати появился весной 1887 г. Прекрасный актеръ, опытный антрепренеръ отвезъ сильную драматическую труппу. Въ составъ ея входили Мейерова, Анненская, Сахарова, Максимовъ, Ленекий (Оболенекій), Мартыновъ, Ильинскій и др. Не довольствуясь этимъ, Форкати пригласилъ на гастроли Л. И. Градова-Соколова, а затѣмъ А. И. Южина и М. Г. Савину, которая пріѣхала въ Тифлисъ впервые. За два мѣсяца Форкати взялъ валовыхъ 33,000 руб. Для театра, полный сборъ въ которомъ еле достигалъ 700 руб. по возвышеннымъ цѣнамъ, такіа дѣла можно было считать блестящими. Труппа обошлась антрепренеру въ 9,600 руб. Тогда еще артистамъ не платили бѣшеныхъ окладовъ. Савина за гастроли взяла 6,000 руб., Южину заплатилъ Форкати 1,100 р., Градовъ-Соколовъ обошелся въ 1,800 руб. Дорога, вечеровые расходы, бенефисы, плата за театръ—на все это пошло 12,000 руб. Въ результатѣ Форкати заработалъ около 3,000 руб. и рѣшилъ окончательно бросить якорь въ Тифлисъ.

Вниманіе его остановилось на театрѣ въ каравансарай Арцруни, который незадолго передъ этимъ оставался за тифлисскимъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ. Театръ этотъ влчилъ довольно жалкое существованіе. Помимо грузинской труппы, игравшей тамъ разъ-два въ недѣлю, въ театрѣ изрѣдка играли забзжія труппы. Удобствъ въ театрѣ не было никакихъ. Ни ложъ, ни фойэ. Въ антрактахъ публика должна была толкаться на открытыхъ галереяхъ каравансарая.

По указанію и подъ руководствомъ Форкати банкъ приступилъ къ перестройкѣ театра. Устроены были ложы, обширная галерея, появилось фойэ. Сцену перестроили по новѣйшимъ требованіямъ театральной техники, написали новыя декораціи, а главное устроили электрическое освѣщеніе, что для Тифлиса въ то время было новостью. Перестройка затянулась на столько, что лишь 15 декабря 1887 г. открылись двери новаго театра. Первое время было холодно, дуло изъ всѣхъ щелей, электричество пошаливало и на помощь ему пришлось взять старый испытанный газъ. Весной получена была новая электрическая

машина, и Форкатти, прекрасно усвоивший психологию тифлисской публики, занялся постановкой феерій. Этого рода зрѣлища, на которыя Форкатти былъ большой мастеръ, пришлось въ 1889 г. тифлисамъ, и феерія «Вокругъ свѣта въ 80 дней» прошла 11 разъ при переполненныхъ сборахъ. На слѣд. сезонъ Форкатти снова привезъ драматическую труппу, въ составъ которой между прочимъ входили Людвигъ, Яблочкина, Рощина, Журинъ. Снова центральное мѣсто въ репертуарѣ занимали фееріи вродѣ «Лѣсного бродяги» и «Нела-Санба». Публика шла, сборы были хорошіе и частный театръ, не имѣвшій никакой субсидіи, успѣшно конкурировалъ съ казеннымъ театромъ *).

Сезонъ 1889—90 г.—оперетка. Оперетка сильная, какой до того Тифлисъ и не видывалъ. Троцкая, Милютинна, Ратмірова, Клементьевъ, Лодій, Макасовъ, Фатѣевъ, Мейерсонъ, Біазі. Эти имена многое говорятъ старымъ театраламъ.

Весной Форкатти доставилъ тифлисамъ рѣдкое эстетическое наслажденіе. Онъ привезъ трагика Эрнесто Росси.

Что творилось на спектакляхъ великаго артиста, описать трудно.

Вотъ что писалъ хроникеръ «Новаго Обозрѣнія» по поводу бенефиса Росси.

«Бенефисъ Эрнесто Росси ознаменовался оваціями примѣчательными даже для тифл. публики, весьма восторженной и склонной даже къ преувеличенному энтузіазму. Что дѣлалось въ театрѣ послѣ «Людовика ХІ», трудно вообразить: крикъ, рукоплесканія, топотъ, стукъ стульями—слитнымъ, неумолкаемымъ гуломъ висѣли въ воздухѣ добрые полчаса, во всѣхъ ярусахъ театра развѣвались дамскіе платки и взлетали мужекія фуражки въ видѣ салюта артисту.

Послѣ спектакля въ галлерей театра собралась толпа чловѣкъ въ 500, ожидавшая выхода бенефицианта. Въ непродолжительномъ времени галлерей озарилась бенгальскими огнями и толпа молодежи вынесла Росси изъ-за кулисъ на рукахъ при громѣ апплодисментовъ и крикахъ «viva!» Такъ Росси несли до самой его квартиры, въ «Дворцовыхъ номерахъ». Толпа съ полчаса стояла на площади. Порою артистъ подходилъ къ окну и раскла-

*) Между прочимъ Форкатти первый ввелъ въ своемъ театрѣ заимствованный изъ столицъ способъ доплаты за содержаніе платья при покупкѣ билета. Послѣ него система эта введена даже и въ казенномъ театрѣ.

швался; тогда въ воздухъ летѣли шляпы, раздавались крики виваты и ура, аплодисменты, пѣніе хоромъ «мрава!» и т. д. Уличныя оваціи были еще энергичнѣе театральныя.

Система гастролей пришлась по вкусу Форкатти и тифлисской публикѣ, жаждущей новинокъ, новинокъ и новинокъ.

И не одинъ антрепренеръ не могъ такъ угодить публикѣ въ этомъ отношеніи, какъ Форкатти. Послѣдовательно одна за другой появлялись въ банковскомъ театрѣ Анна Жюдикъ, Е. Н. Горева и, наконецъ, М. Н. Ермолова, успѣхъ которой равнялся успѣху Эрнесто Росси.

Нельзя сказать, чтобы Форкатти былъ аккуратнымъ плательщикомъ. Не проходило сезона, чтобы у него не было какихъ либо недоразумѣній съ труппой. Обиженные актеры писали письма въ редакціи. Форкатти возражалъ. Доходило иногда дѣло до мирового, но все же къ Форкатти шли служить даже обиженные.

Гастроли М. Н. Ермоловой имѣли колоссальный успѣхъ. Оваціи послѣ бенефиса отличались такою же восторженностью, какъ и оваціи на бенефисѣ Эрнесто Росси.

«По окончаніи спектакля вся масса публики размѣстилась по лѣстницамъ, въ корридорахъ, у входа изъ уборной, на улицѣ и на дворѣ. Тутъ же по инициативѣ публики помѣстился и оркестръ. Какъ только показалась изъ своей уборной дорогая именинница, толпа загудѣла, зарукоплексала, путь освѣтился бенгальскими огнями, взвилась дирижерская палочка и М. Н., сопровождаемая оглушительными аплодисментами, восторженными возгласами и звуками оркестра, прослѣдовала на улицу, а оттуда въ свою гостиницу, но и на улицѣ и подлѣ гостиницы вездѣ былъ народъ. Когда М. Н. скрылась въ дверяхъ гостиницы, толпа избрала депутацію, поручивши ей отправиться къ М. Н., поблагодарить ее и просить выйти на балконъ.

Растроганная такимъ радушіемъ, такой встрѣчей, М. Н. не замедлила исполнить просьбу толпы и вышла на балконъ. Вновь загудѣла толпа, вновь загремѣлъ оркестръ. Когда же бенефициантка съ высоты балкона осыпала толпу цвѣтами, восторгамъ не было конца. (Т. II. 91 г. № 127).

Гастролями Ермоловой банковскій періодъ Форкатти закончился. Онъ временно прекратилъ антрепренерскую дѣятельность и поступилъ на службу къ «Артистическому обществу», которое въ то время арендовало казенный театръ. Въмѣсто оперы «Арт. о-во» сформировало драматическую труппу. Чтобы убить

конкуренцію банковскаго театра, о-во заарендовало также и его, и ставило тамъ изрѣдко обстановочныя пьесы. Форкатти являлся полнымъ хозяиномъ дѣла. Между прочимъ, въ банковскомъ театрѣ онъ поставилъ «Снѣгурочку». Въ этомъ же сезонѣ шли въ первый разъ «Плоды просвѣщенія».

Начиная съ сезона 1892—93 г. и до открытія новаго зданія, Форкатти является антрепренеромъ казеннаго театра. Театръ былъ снятъ имъ безъ субсидій, такъ какъ въ это время вся субсидія за исключеніемъ 10 т. р. перечислялась на достройку новаго театра.

Форкатти первый сезонъ держалъ драму, пригласивъ на гастролы П. А. Стрепетову.

Затѣмъ у него гастролировала французская опереточная дива—Монбазонъ.

Слѣдующіе сезоны была опера, причемъ Форкатти то держалъ ее самъ, то сдавалъ театръ опернымъ антрепренерамъ и товариществамъ.

Владѣя четыре года казеннымъ театромъ, Форкатти наглядно доказалъ, что умѣлый антрепренеръ можетъ прекрасно обходиться и безъ субсидій.

Въ 1896 г. открылись, наконецъ, двери новаго театра, и Форкатти, конечно, былъ приглашенъ въ качествѣ главнаго режиссера.

Дирекціи съ первыхъ же шаговъ такъ повела дѣло, что закончила сезонъ съ дефицитомъ въ 25,000 руб.

Не рискуя долѣе вести дѣло самостоятельно и желая погасить хоть часть этого дефицита, дирекція передала театръ Форкатти за вечеровую плату въ 125 руб. Форкатти собрали труппу на товарищескихъ началахъ. Труппа была довольно таки слабая и особеннымъ успѣхомъ не пользовалась. Заработало товарищество по 50 к. на рубль.

Это былъ послѣдній сезонъ Форкатти въ Тифлисѣ.

Дальнѣйшая его дѣятельность въ качествѣ антрепренера протекала въ Кишиневѣ и Кисловодскѣ.

Скончался В. Л. Форкатти 14 сентября 1906 г.

8 января 1896 г. Форкатти довольно скромно отпраздновалъ 25-лѣтіе своей сценической дѣятельности.

Послѣ ухода Форкатти изъ театра дворянскаго земельного банка, начинается періодъ упадка этого театра. Форкатти хозяйничалъ въ театрѣ пять лѣтъ. И хозяйничанье было хищническое.

Скудный инвентарь театра приведенъ былъ почти въ ^{100%} ~~полноту~~ ^{100%} ~~полноту~~ Декораціи и бутафорія, изготовленныя самимъ Форкатти для ^{100%} ~~театра~~ ^{100%} ~~театра~~ рій, онъ забралъ съ собою.

Послѣ Форкатти театръ сняла грузинская драматическая актриса г-жа Сапарова подъ русскую оперетку. Прогорѣла. Въ 1894—95 г. охотниковъ арендовать театръ не нашлось. Шли только грузинскіе спектакли.

Въ 1895 г. театръ дворянскаго земельного банка перешелъ въ собственность грузинскаго дворянства. Но и это обстоятельство не подняло значенія театра. И онъ продолжалъ пустовать. Попытка Шумилина въ 1896 г. водворить въ театрѣ драму закончилась неудачей: среди сезона спектакли прекратились за отсутствіемъ сборовъ. Наконецъ въ театрѣ основалась и довольно прочно оперетка, продержавшаяся до 1901 г.

Съ открытіемъ новаго театра «Артистическаго о-ва» театръ грузинскаго дворянства пришелъ окончательно въ упадокъ. Только одинъ сезонъ 1902—1903 г., когда по распоряженію администраціи былъ закрытъ казенный театръ, театръ дворянства немного ожилъ.

Въ немъ поселилась оперная труппа кн. Церетели. Но избалованная удобствами казеннаго театра, публика неохотно шла въ холодный, тѣсный, неудобный театръ дворянства.

Кн. Церетели прогорѣлъ.

Остатки его труппы составили товарищество и кое какъ дотянули сезонъ.

А въ концѣ сезона приѣхала на гастроли В. Ф. Комиссаржевская и какъ гастролерша сдѣлала блестящія дѣла.

Въ 1896 г. рѣшено было театръ перестроить. Перестройка длилась 2 года. Въмѣсто ассигнованныхъ 80,000 руб. онъ обошелся въ 250,000 руб.

Открытіе состоялось 14 декабря 1908 г. Театръ былъ снятъ на 3 года Л. Б. Яворской. Но она прогорѣла въ первый же годъ и контрактъ съ нею былъ расторгнутъ.

Остальные сезоны въ перестроенномъ театрѣ играла грузинская труппа, да устраивались изрѣдка случайные спектакли.

XXXIV.

Шалапинъ.

Началомъ своей сценической карьеры *О. И. Шалапинъ* считаетъ 14 сентября 1890 г., когда онъ впервые выступилъ въ качествѣ хориста въ опереткѣ г. Семенова-Самарскаго въ Уфѣ. А въ Тифлисъ онъ уже появился лѣтомъ 1892 г. Исторія его появленія такова. Брошенный въ Баку на произволъ судьбы прогорѣвшимъ антрепренеромъ малорусской труппы г. Любимовымъ-Дергачемъ, Шалапинъ встрѣтился здѣсь съ Семеновымъ-Самарскимъ, который формировалъ оперную труппу для француза г. Лассалья. Шалапинъ поступилъ въ эту труппу и цѣлую зиму и пость 1892 г. разъѣзжалъ по городамъ Закавказья, получая въ качествѣ комприморія 60, а потомъ и 75 руб. Отъ Лассалья труппа перешла въ руки сына тифлискаго нотаріуса Ключарева, который, получивъ по смерти отца наслѣдство, рѣшилъ стать антрепренеромъ и принять гордую и звучную фамилію Риганье. Это однако не помѣшало ему прогорѣть и *Одея Шалапинъ* очутился въ Тифлисъ. Полуголодный, безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ обратился за помощью къ оперной хористкѣ Крендовской (нынѣ уже покойной), которая приняла въ немъ участіе и стала хлопотать, чтобы устроить въ его пользу спектакль. Помогъ ей въ этомъ г. Алешковъ, бывшій помощникъ режиссера оперы. Онъ въ это время бросилъ сцену и поступилъ на службу въ главную бухгалтерію закавказскихъ жел. дорогъ. Общими силами соорудили спектакль въ нѣмецкомъ саду (гдѣ теперь синематографъ «Аполло»). Поставили малороссійскую оперетку «Наталка-Полтавка». Шалапинъ игралъ Петра. Отъ этого спектакля въ пользу Шалапина осталось рублей 30. Денегъ этихъ, конечно, хватило не надолго. И Шалапинъ снова обратился за помощью, на этотъ разъ къ самому Алешкову. Алешковъ направилъ молодого пѣвца къ главному бухгалтеру Рябинину, который, самъ бывшій оперный пѣвецъ, отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ безвыходному положенію Шалапина и принялъ его на службу конторщикомъ съ окладомъ въ 40 руб.

Но недолго прослужилъ Шалапинъ. Слава о конторщикѣ-пѣвцѣ съ хорошимъ голосомъ достигла преподавателя пѣнія Усатова, который, выслушавъ Шалапина, сразу почувалъ въ немъ крупное дарованье. Усатовъ въ это время состоялъ преподава-

телемъ пѣнія въ школѣ «Тифлискаго музыкальнаго кружка». Опъ не только предложилъ Шалаянину бесплатно обучать и даже взялъ его на полное свое иждивеніе.

Шалаянинъ дѣлалъ поразительно большіе успѣхи и уже въ февралѣ 1893 г. выступилъ въ ученическомъ спектаклѣ въ отрывкахъ изъ оперы «Робертъ Дьяволъ».

Впервые фамилія Шалаянина появляется на столбцахъ газетъ въ объявленіи о бенефисѣ дирижера оркестра Розенталя, который состоялся 23 февраля 1893 г.

Съ этого концерта Шалаянинъ въ Тифлисѣ пошелъ въ ходъ. Его приглашаютъ на благотворительные концерты. А въ газетахъ благосклонно упоминаютъ среди другихъ выступавшихъ «съ успѣхомъ» также и фамилію Шалаянина.

Помимо участія въ концертахъ, Шалаянинъ продолжалъ выступать и въ ученическихъ спектакляхъ Усатова въ «Музыкальномъ Кружкѣ». Такъ 19 марта 93 г. онъ пѣлъ партію дона Базиліо въ Севильскомъ цирюльничѣ.

Солидный музыкальный критикъ В. Д. Каргаювъ (авторъ монографій о Моцартѣ и Бетховенѣ), писавшій въ то время рецензій въ газ. «Кавказъ», писалъ о Шалаянинѣ слѣдующее:

«Г. Шалаянинъ былъ бы очень хорошимъ донъ Базиліо, если бы отказался отъ своего излюбленнаго мѣфистофельскаго злорадства, въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстнаго и отъ такой же рѣзкой и грубой мимики. Въ общемъ свою роль онъ провель безъ того балаганнаго шаржа, которымъ нѣкоторые исполнители срываютъ апплодисменты райка» (Кав. 93 г. № 77).

Объ исполненіи партіи мельника въ Русалкѣ тотъ же г. Каргановъ отзывался съ большою похвалою.

Изъ остальныхъ исполнителей обращали на себя вниманіе г. Санинъ въ роли князя и г. Шалаянинъ въ роли мельника (въ III актѣ).

Игра и пѣніе его не оставляли желать лучшаго, соответствующій тембръ голоса, прекрасная мимика, обычное злорадство въ манерѣ пѣнія—все это способствовало ему представить такого озлобленнаго сумасшедшаго мельника, какого трудно найти на лучшихъ оперныхъ сценахъ (К. 93 г. № 104).

Когда «Музыкальный кружокъ» перешелъ въ лѣтнее помѣщеніе, гдѣ теперь помѣщается кафешантанъ «Мимоза», у Шалаянина была уже устоявшаяся репутация и цѣлая армія поклонниковъ и поклонницъ.

Ни одинъ домашній вечеръ «Музыкальнаго кружка» не обошелся безъ Шалаяпина. Онъ съ большимъ успѣхомъ выступалъ въ концертныхъ отдѣленіяхъ, получая за это отъ «Кружка», кажется, по пяти рублей.

Между прочимъ однажды Шалаяпинъ участвовалъ и въ драматическомъ спектаклѣ. Было это 20 августа 1893 г. Шла пьеса «Бѣдность не порокъ» и режиссеръ любительской труппы «Кружка», не найдя среди любителей подходящаго исполнителя для роли Разлюбаява, предложилъ сыграть ее Шалаяпину. Тотъ согласился, но почему то пожелалъ скрыться подъ псевдонимомъ. Такъ, на программахъ онъ и значился: *Θ. И. Федоровъ*. Въ спектаклѣ этомъ принимали, между прочимъ, участие: начинавшій также свою карьеру *Н. Г. Сѣверскій* (теперь извѣстный опереточный пѣвецъ), и пишущій эти строки. Помню,—большой фуроръ произвелъ Шалаяпинъ исполненіемъ въ этой роли русскихъ пѣсень-частушекъ.

Этимъ же лѣтомъ Шалаяпинъ и пѣвица Соболева (де-Вось) устроили въ казенномъ театрѣ концертъ.

Наконецъ, 8 сентября Шалаяпинъ въ награду за свое участіе въ концертахъ «Музыкальнаго кружка» получилъ бенефисъ.

«Тифл. Листокъ», сообщая о предстоящемъ бенефисѣ, писалъ: «Молодой бенефициантъ, какъ извѣстно, подготовлялся у г. Усатова для поступленія въ консерваторію. Съ его богатыми голосовыми средствами члены «Кружка» хорошо знакомы по тѣмъ многочисленнымъ концертамъ, въ которыхъ выступалъ г. Шалаяпинъ. Сегодняшній спектакль дается съ исключительною цѣлью помочь молодому человѣку, такъ какъ онъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію не имѣетъ. Для своего бенефиса г. Шалаяпинъ ставитъ 1-й актъ изъ оперы «Фаустъ», 3-ю картину изъ оперы «Русалка» и концертное отдѣленіе». («Т. Л.» 93 г. № 206).

Рецензія о бенефисѣ, появившаяся въ томъ же «Т. Листкѣ», была очень благоприятна. По словамъ рецензента, голосъ бенефицианта «звучалъ превосходно, производя на зрителей пріятное впечатлѣніе своею свѣжестью и легкостью тоновъ, при значительной силѣ и хорошей фразировкѣ. Играетъ молодой артистъ неувѣренно, порывисто, нервно, но держитъ себя на сценѣ достаточно свободно. Видѣвшіе г. Шалаяпина зимой были пріятно поражены тѣми успѣхами, которые сдѣлалъ онъ за это короткое время. Нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшей-его работѣ

надъ своимъ голосомъ, изъ г. Шаляпина выработается очень недурной исполнитель оперныхъ ролей; для этого ладаеть всѣми данными: звучнымъ и сильнымъ голосомъ, музыкальнымъ ухомъ, хорошими зачатками драматическаго таланта и, что всего важнѣе, молодостью». («Т. Л.» 93 г. № 207).

Этимъ бенефисомъ закончился первый, такъ сказать, подготовительный періодъ пребыванія Шаляпина въ Тифлисъ.

Въ консерваторію онъ не поѣхалъ.

В. Л. Форкатти, державшій въ старомъ казенномъ театрѣ оперу, пригласилъ въ составъ своей труппы двухъ учениковъ Усатова: баритона Агнивцева и Шаляпина. Составъ труппы былъ довольно сильный. Служили у Форкатти: Папаянъ, Снарская, Каминеръ, Картавіна (сопрано), Капланъ, Ангертъ, Фишертъ, Петрова (меццо сопрано), Давыдовъ *), Любимовъ, Девиклеръ **), Агулинь (тенора), тычинскій, Агнивцевъ, Феррари (баритоны), Шаляпинъ и Сангурскій (басы).

Съ мѣста въ карьерѣ Шаляпинъ выступилъ въ партіяхъ жреца («Аида») и Мефистофеля. Повидимому, начало было не изъ удачныхъ, потому что рецензентъ «Кавказа» В. Каргановъ, бравшій подъ свое покровительство Шаляпина—ученика, долгое время совершенно игнорировалъ Шаляпина—артиста. Въ подробныхъ рецензіяхъ объ «Андѣ» и «Фаустѣ» онъ совершенно умалчиваетъ о Рамфисѣ и Мефистофелѣ, точно этихъ партій не существовало вовсе.

Дѣйствительно, кто видѣлъ первое исполненіе Шаляпинымъ роли Мефистофеля, тотъ никакъ не могъ бы подозрѣвать, что черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же Шаляпинъ создастъ яркій, оригинальный и сильный образъ Мефистофеля и что послѣ него всѣ басы начнутъ пѣть эту партію «по Шаляпину», какъ прежніе пѣвцы пѣли ее «по Уэтану».

Первая половина сезона протекла для Шаляпина довольно блѣдно. Пѣлъ онъ не особенно часто и все больше Рамфиса и Мефистофеля.

Замалчивавшій Шаляпина В. Каргановъ какъ-то обмолвился по поводу выступленія Сангурскаго въ партіи мельника («Русалка»): «Тѣмъ не менѣе въ роли мельника мы предпочли бы видѣть г. Шаляпина, игра и пѣнье котораго въ этой партіи

*) Теперь извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ.

***) Скончался въ прошломъ году въ Харбинѣ.

производить болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ даже многихъ извѣстныхъ выдающихся мельниковъ и которому, кстати, съ вало бы показать себя въ этой благодарной для него роли, чѣмъ выступать Мефистофелемъ, жрецомъ Изиды и т. д.». (Кавк. 93 г. № 266).

Мельника таки сгѣлъ Шаялиниъ въ концѣ сезона. Но раньше онъ произвелъ громадное впечатлѣніе удивительно яркимъ исполненіемъ роли Тоніо въ новой оперѣ «Паяцы».

Въ этой партіи Шаялиниъ имѣлъ громадный успѣхъ. Его исполненіе осталось на долго въ памяти тифлисцевъ.

4 февраля 1894 г. Шаялиниъ получилъ первый настоящій бенефисъ. Онъ поставилъ «Паяцы» и «Фаустъ».

Вотъ что писалъ «Тифл. Лист.» объ этомъ спектаклѣ: «Бенефициантъ выступилъ въ роляхъ Тоніо и Мефистофеля. Исполняя много разъ раньше тѣ же роли, г. Шаялиниъ и на этотъ разъ доказалъ свою музыкальность, мощь голоса и умѣнье владѣть имъ. Игра его, какъ и всегда, была безукоризненна. Артистъ былъ въ голосѣ и многія выдающіяся аріи по требованію публики были имъ повторены. Во время антрактовъ бенефицианту было поднесено нѣсколько цѣнныхъ подарковъ, въ томъ числѣ выигранный билетъ 1-го займа («Отъ друзей, поклонниковъ и товарищей по классу»), золотые часы, серебряный подстаканникъ, вѣнокъ, еще какая-то вещца въ футлярѣ и проч.». («Т. Л. 94 г. № 29).

По окончаніи сезона Шаялиниъ оставался еще цѣлымъ постъ въ Тифлисѣ, охотно выступая въ различныхъ концертахъ.

Во время пребыванія Шаялина въ Тифлисѣ росла и крѣпла его дружба съ Максимомъ Горькимъ, который въ то время еще никому неизвѣстный, «подмастерье малярнаго цеха», А. Пѣшковъ работалъ въ главныхъ мастерскихъ закавказскихъ жел. дорогъ *).

Одинъ изъ бывшихъ мировыхъ судей рассказывалъ мнѣ, какъ ему приходилось не разъ судить Горькаго и Шаялина за нарушеніе общественной тишины. Онъ приговаривалъ ихъ обыкновенно къ ничтожному штрафу и оба уходили довольные.—«Милостивый судья!»—говорилъ, обыкновенно, Шаялиниъ, уплачивая тутъ же наложенный на него штрафъ.

*) Какъ извѣстно, первый рассказъ М. Горькаго „Макаръ Чудра“ появился въ газ. „Кавказъ“, а именно въ № 242, отъ 12 сентября 1892 г.

Вторично появился Шаяпинъ въ Тифлисѣ уже прѣездивъ въ Тифлисъ въ первый разъ, великимъ постомъ 1900 г. Въ этомъ году дирекція казеннаго театра рѣшила побаловать тифлискую публику, пригласивъ на гастроли, кромѣ двухъ итальянокъ Звихеръ и Миккучи, еще и артистовъ Императорскихъ театровъ Клементьева, Яковлева и Шаяпина. Въ то время уже знаменитый Шаяпинъ еще не такъ высоко котировался на театральнй биржѣ и потому тифлискы могли его слушать не въ концертѣ, а въ оперѣ за сравнительно доступную цѣну: первый рядъ 6 руб., амфитеатръ 2 руб., галлерей 60 и 50 коп. и т. д. Выступилъ Шаяпинъ всего въ пяти спектакляхъ: «Фаустъ» (2 раза), «Русалка», «Борисъ Годуновъ», «Моцартъ и Сальери».

Публика и пресса принимала Шаяпина восторженно.

Его исполненіе «Мефистофеля», «Бориса Годунова», до сихъ поръ свѣжи въ памяти тѣхъ, кто его видѣлъ въ то время. Къ сожалѣнію въ этотъ прїездъ Шаяпинъ заболѣлъ и пѣлъ почти безъ голоса.

XXXV.

Карьера Сѣверскаго.

Извѣстный опереточный пѣвецъ Н. Г. Сѣверскій началъ свою сценическую карьеру въ Тифлисѣ. Это было въ 1892 г. Не окончивъ гимназіи, онъ среди года вышелъ изъ пятаго класса и дебютировалъ на любительской сценѣ «Музыкальнаго Кружка» въ роли гимназиста въ водевилѣ «Школьная пара». Безспорно даровитый юноша былъ сразу замѣченъ и оцѣненъ публикой. Любительскими спектаклями «Музыкальнаго Кружка» въ то время режиссировалъ артистъ Я. В. Самаринъ-Быховецъ, который сталъ выдвигать Сѣверскаго, давать ему значительныя роли.

Рѣшеніе Сѣверскаго идти на сцену было непоколебимо, но въ то время онъ готовилъ себя къ карьерѣ драматическаго артиста и никто изъ окружавшихъ его и не думалъ, что Коля Сѣверскій черезъ нѣсколько лѣтъ прїѣдетъ въ Тифлисъ опереточнымъ премьеромъ.

Весной 1892 г. послѣ окончанія сезона въ «Музыкальномъ Кружкѣ» Сѣверскаго вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми взялъ къ себѣ. Онъ лѣтомъ держалъ въ Тифлисѣ два увеселительныхъ сада. Въ одномъ «Пушкинскомъ» была

оперетка, въ другомъ «Антеѣ» *) ставились легкія комедіи, фарсы и дивертисменты.

Сѣверскій игралъ въ «Антеѣ» и главнымъ образомъ «Ивель-ную пару». Роль гимназиста въ то время была хорошей ролью Сѣверскаго.

Зимой 1892—93 г. Сѣверскій поступилъ въ труппу В. Д. Форкатти въ казенный театръ.

Онъ игралъ небольшія роли главнымъ образомъ въ водевиляхъ. Но его уже тогда замѣтила и оцѣнила публика и время отъ времени отмѣчала и пресса. А сезонъ былъ гастрольный. Гастролировала Стрепетова, потомъ Томсонъ, наконецъ опереточная дива Монбазанъ.

Лѣтомъ Сѣверскій снова выступалъ въ любительскихъ спектакляхъ Музыкальнаго Кружка. Получалъ ли онъ за это участие плату или нѣтъ, сказать не могу, но въ концѣ сезона старшины устроили ему бенефисъ. Онъ поставилъ «Вторую молодость» и игралъ Виталія.

Слѣдующей зимой Сѣверскій уже въ Баку служить въ антрепризѣ Васильева-Вятскаго, занимая амплу второго любовника.

А дѣломъ, подговоривъ какого-то бакинскаго торговца, ничего общаго съ театромъ не имѣющаго, Сѣверскій организовалъ поѣздку по городамъ Закавказья. Намѣчены были Эривань, Александрополь и Карсъ.

При этомъ Сѣверскій уже именовался главнымъ режиссеромъ.

Впрочемъ дѣло это скоро лошнуло.

Уже въ Эривани дѣла пошли настолько плохо, что Сѣверскій черезъ мѣсяцъ счелъ благоразумнымъ уѣхать.

Труппа, оставшись безъ премьера и режиссера, кое-какъ сыгравъ нѣсколько спектаклей, перебралась въ Александрополь.

Здѣсь антрепренеръ объявилъ себя несостоятельнымъ. Дѣло распалось и актеры чуть не по шаламъ добрались до Тифлиса.

Черезъ нѣсколько лѣтъ близкіе знакомые Сѣверскаго были удивлены, когда онъ появился въ Тифлисѣ въ опереточной труппѣ Дагмаровой въ качествѣ перваго баритона.

*) гдѣ теперь лѣтнее помѣщеніе Артистическаго О ва.

В. Ф. Коммиссаржевская.

Въ девятинахъ годахъ отецъ В. Ф. Коммиссаржевской состоялъ преподавателемъ пѣнія въ тифлисской музыкальной школѣ Императорскаго музыкальнаго общества.

Не удивительно, конечно, что по окончаніи своего перваго сезона въ Новочеркасскѣ, отмѣченная прессой какъ восходящая звѣзда, В. Ф. великимъ постомъ 1894 г. пріѣхала къ отцу погостить.

Конечно, «артистическое общество», воспользовавшись пребываніемъ въ Тифлисѣ молодой артистки, пригласило ее участвовать въ любительскихъ спектакляхъ общества.

Первый разъ В. Ф. Коммиссаржевская появилась на сценѣ артистическаго общества въ общедоступномъ спектаклѣ 15 марта 1894 г. Шла комедія «Сорванецъ». Успѣхъ былъ полный. Вотъ что писалъ по поводу этого спектакля рецензентъ газ. «Новое Обозрѣніе».

«Избранная гастролершей пьеса заключаетъ въ себѣ очень мало матеріала для характеристики личности героини комедіи и что скудныя данныя, какія имѣются въ ней, смутно и неопредѣленно обрисовываютъ образъ Любы. Обыкновенно ее изображаютъ на сценѣ наивной, искренней дѣвочкой, въ рѣзвыхъ и шаловливыхъ поступкахъ которой нѣтъ обдуманности и сознательности. Г-жа Коммиссаржевская придала роли Любы больше серьезности; Люба въ исполненіи артистки дѣйствуетъ по плану, поступаетъ обдуманно и подобно своимъ сестрамъ, старающимся плѣнить молодого князя ученостью (Вѣра) и домовитостью (Надя), старается побѣдить его своею живостью, рѣзвостью и кокетствомъ. Неопредѣленность образа Любы затрудняетъ безспорное рѣшеніе вопроса: какое изъ двухъ изображеній правильное; мы думаемъ, что правда на сторонѣ г-жи Коммиссаржевской и находимъ, что въ ея исполненіи больше вдумчивости, тогда какъ другое изображеніе Любы было бы слишкомъ шаблонно. О самомъ исполненіи г-жи Коммиссаржевской можно отозваться лишь съ большою похвалой. Въ ея ровной и выдержанной до конца игрѣ, исполненной чувства мѣры и тонкаго артистическаго чутья, было много правды и той интеллигентности, которая такъ

дорога для любителя истинного искусства, но къ сожалѣнью такъ рѣдка на провинціальныхъ сценахъ.

Комедія «Сорванецъ» въ виду ея успѣха повторена была 18 марта на сценѣ казеннаго театра благотворительнымъ спектаклемъ.

Въ пьесѣ, помимо любителей артистическаго общества принималъ участіе самъ отецъ молодой артистки, который, по словамъ газ. «Кавказъ», былъ очень забавенъ въ роли отца трехъ невестъ.

Затѣмъ В. Ф. Коммиссаржевская выступила въ трехъ домашнихъ вечерахъ артистическаго общества.

Въ прощальномъ спектаклѣ В. Ф. играла въ трехъ одноактныхъ пьесахъ: «Я играю большую роль», «Горячія письма» и «Лѣтняя картинка».

Второй разъ появилась В. Ф. Коммиссаржевская въ Тифлисѣ въ расцвѣтъ своего таланта и славы.

Это было въ концѣ сезона 1902—1903.

Пріѣхала артистка со своей группой, совершая турнэ по Россіи и, такъ какъ и казенный театръ и театръ артистическаго общества были заняты, то ей пришлось довольствоваться убогимъ театрикомъ грузинскаго дворянства, который въ то время почти окончательно пришелъ въ упадокъ.

Успѣхъ артистки былъ громаднй. Она сыграла 13 спектаклей и всѣ при переполненномъ театрѣ.

Репертуаръ артистки состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Волшебная сказка», «Бой бабочекъ», «Безприданница», «Вѣчная любовь», «Родина», «Дикарка», «Дядя Ваня», «Вопросъ», «Жаворонокъ», «Горнозаводчикъ», «Пережитое», «Гибель Содома» и «Золотое руно».

На слѣдующій сезонъ В. Ф. Коммиссаржевская пріѣхала снова, но уже одна и сыграла четыре спектакля въ труппѣ Н. Д. Красова: «Волшебная сказка», «Искушеніе», «Сказка», «Цѣна жизни».

Наконецъ послѣдній разъ В. Ф. Коммиссаржевская была въ Тифлисѣ въ декабрѣ 1910 г.

Это была ея Лебединая пьесъ...

Сыграла В. Ф. девять спектаклей: «Родина», «Дикарка», «Нора», «Хозяйка гостинницы», «Безпредашница», «Пиръ Жизни», «Огни Ивановой ночи» и «Нора».

Я позволю себѣ сдѣлать выписку изъ статьи А. Дьяконова

«Послѣдній путь», напечатанной въ «Сборникѣ памяти В. Ф. Комиссаржевской».

«Тифлисъ 6—14 декабря. Какъ чудесный самоцвѣтный камень уналъ городъ среди зеленѣющихъ вершинъ *) и горитъ красотою...

Краса еѣ юга съ соблазнительной улыбкой, съ яркостью и пестротой наряда... Еще нѣтъ здѣсь прямого востока, но уже нахнуло жгучей страстностью души, своеобразіемъ жизни... Русскому здѣсь многое въ диковину... Немудрено, что вся труппа съ утра до вечера исчезаетъ изъ гостинницъ. Кто на прогулки въ городъ, кто на восточные базары—майданъ, въ ботаническіе сады **), на берегъ клокочущей Куры, къ князю Орбеліани ***). Смотрятъ, восхищаются, любятъ, безъ конца придумываютъ всякія удовольствія... Съ Варшавы не было такого оживленія. Даже больше: пріѣздъ сюда—праздничное красивое гулянье... Какъ только всё успѣваютъ играть и не опаздываютъ въ театр!

«В. Ф. хорошо знаетъ Тифлисъ. Съ этимъ городомъ ее связываютъ воспоминанія не только о своихъ пріѣздахъ сюда, но и воспоминанія болѣе раннія—объ отцѣ... И каждый разъ она вновь ихъ переживаетъ своею впечатлительной душой...

«Въ прекрасномъ казенномъ театрѣ идутъ гастроли. Первые спектакли «Родина», «Дикарка», видимо, хорошо знакомы мѣстной публикѣ, и театръ не полонъ. Кромѣ того объявленъ трауръ по случаю кончины вел. кн. Михаила Николаевича и третій спектакль долженъ быть отмѣненъ... Впечатлѣніе неудачи. Но это только моментъ: послѣдующія гастроли вернули Вѣрѣ Федоровнѣ тотъ успѣхъ, который постоянно и всюду ее сопровождаетъ... Сыгравъ свои 8 спектаклей, В. Ф. съ благотворительной цѣлью еще играетъ «Дикарку» въ Народномъ Домѣ ****)...

«Здѣсь много газетъ и много о гастрояхъ пишутъ. За исключеніемъ пьесы Пшибышевскаго, надъ которой недоумѣваютъ,—почти вся пресса привѣтствуетъ В. Ф. и хвалитъ ея Лариссу,

*) Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ немного увлекся. Никакихъ зеленѣющихъ вершинъ кругомъ Тифлиса нѣтъ. Окружающія городъ горы безлѣсны и унылы.

**) Въ Тифлисѣ одинъ-единственный ботаническій садъ. Ю. К.

***) Сѣрные бани кн. Орбеліани.

****) Спектакль шелъ въ воскресенье утромъ по народнымъ цѣнамъ (отъ 5 до 50 коп.). Ю. К.

Магду, Марикку, Розу, Мирандолину, Нору... Кажется, таланты артистки выше каких-либо сомнений, и уже давно имя ея—синонимъ славы и благороднаго успѣха... Но бивность чудачки, которые уѣрно не вѣрятъ «собственнымъ глазамъ»,—какъ будто родились слѣпыми. И вотъ впервые за всю поѣздку является возможность прочитать рецензіи этого «оригинала»: въ одной изъ газетъ постоянно «ругань». Съ ухарствомъ и хлесткостью кто-то отчаянно отчитывается, въ надеждѣ перекричать всѣхъ. Рецензіи—образецъ мѣщанства, какъ молю издѣнныя театральщиной во вкусѣ уличныхъ листовъ. Судить, конечно, трудно, какъ относится къ нимъ общество, если ихъ все-таки печатаютъ,—но вся трушпа просто съ отвращеніемъ. Впрочемъ, это болѣе досадный курьезъ, смѣшная нелѣпность, чѣмъ фактъ, достойный какого-либо вниманія... Но все-таки случайно Вѣрѣ Федоровнѣ сказали, какъ здѣсь пинуть...

«— Это кто? Въ какой газетѣ?..—Ахъ, такъ это онъ, онъ—и В. Ф. громко разсмѣялись.

«Оказывается,—старинные «счеты». Еще ея отецъ, Ф. П. Коммиссаржевскій, будучи здѣсь виднымъ музыкальнымъ дѣятелемъ, какъ-то не похвалилъ «таланта» бывшаго пѣвца и нынѣшняго рецензента—и вотъ до сихъ поръ онъ этого не можетъ забыть, и съ наглостью бездарности мстить дочери» (Сбор. пам. Коммиссаржевской, стр. 342—344).

Я не знаю насколько точно передалъ г. Дьяконовъ заявленіе В. Ф. Коммиссаржевской, но, мнѣ кажется, покойная артистка была кѣмъ-либо введена въ заблужденіе. Ни въ то время, ни раньше ни одинъ «бывшій пѣвецъ» не писалъ рецензій объ оперныхъ спектакляхъ. Идущія въ разрѣзъ съ общимъ тономъ прессы, рецензіи одной изъ газетъ писались лицомъ ничего общаго къ музыкѣ и пѣнію не имѣющимъ и который, вдобавокъ, пріѣхалъ въ Тифлисъ послѣ отъѣзда Ф. П. Коммиссаржевскаго.

XXXVII.

Постройка новаго театра.

Вопросъ о возобновленіи сгорѣвшаго въ 1874 г. театра гдѣ каравансараѣ Тамамшевыхъ былъ поднятъ тотчасъ же послѣ пожара.

Но Тамашевы категорически отказались опять устраивать театр въ здании своего каранвансарая и предпочли выкупъ за землю въ суммѣ 150.000 руб.

Рѣшено было построить специальное театральное здание на средства казны, причѣмъ въ основу фонда на постройку театра положены были и внесенные Тамашевыми 150.000 рублей.

Въ поискахъ подходящаго мѣста для будущаго театра дирекція намѣтила слѣдующіе пункты: 1) городской домъ на Эриванской площади, 2) инженерный домъ на углу Барятинской и Водовозной ул. (рядомъ съ лѣтнимъ театромъ); 3) площадку нижняго Александровскаго сада; 4) площадку верхняго Александровскаго сада и наконецъ 5) участокъ Зубалова, Читахова и Эминова на Головинскомъ преспектѣ.

Выборъ мѣста не былъ еще окончательно рѣшенъ, когда въ газ. «Кавказъ» (№ 55 за 1876 г.) была объявлена программа конкурса на постройку театра. Назначены были три преміи: первая въ 1,500 руб. и двѣ по 750 р. каждая.

Для разсмотрѣнія проектовъ конкурса образована коммисія подъ предѣлательствомъ кн. Д. И. Святополкъ-Мирскаго въ составѣ архитекторовъ Зальцмана, Алхазова, Комбіаджію и Чиждова.

Срокъ представленія конкурсныхъ проектовъ назначенъ былъ 1-го января 1877 г.

Изъ четырехъ проектовъ, представленныхъ въ коммисію, первая премія досталась архитектору-академику В. А. Штреттеру изъ С.-Петербурга (девизъ «Не вперьязе»). Вторыя преміи выданы: архитектору Симонсону (девизъ «Фениксъ») и военнымъ инженерамъ Туманову и Лявдапскому (девизъ «Попытка»).

«Тифлисскій Вѣстникъ», привѣтствуя начатыя работы, высказывалъ надежду, что черезъ три года Тифлисъ будетъ имѣть прекрасный театръ.

По первоначальному проекту, внутреннее расположеніе мѣстъ было слѣдующее:

Партеръ: 8 рядовъ кресель—236 мѣстъ и 5 рядовъ стульевъ—188 мѣстъ.

По боковымъ стѣнамъ расположенныя въ яруса неширокія галлерей, имѣющія по 1 ряду въ 19 стульевъ.

3 яруса ложъ. Въ 1-мъ ярусѣ 14 ложъ бенуара по семи ложъ съ каждой стороны входа въ партеръ; во 2-мъ ярусѣ 12 ложъ бельэтажа по 6 ложъ съ каждой стороны парадной царской ложи,

занимающей по длинѣ фасада ширину 3-хъ ложъ; въ 3-мъ ярусѣ 15 ложъ. Надъ верхнимъ рядомъ ложъ—раекъ, вмѣщающій до 400 мѣстъ. По подсчету газ. «Обзоръ» полный сборъ въ театръ по цѣнамъ отъ 4 руб. (1-й рядъ креселъ) до 40 коп. (раекъ) долженъ былъ составить 1,428 руб.

Освѣщеніе проектировалось посредствомъ 6 газовыхъ солнць, какъ въ Михайловскомъ театръ въ С.-Петербургѣ.

Проектъ этотъ однако потерпѣлъ значительныя измѣненія. Самъ авторъ проекта академикъ Штреттеръ прїѣзжалъ въ Тифлисъ и дважды передѣлывалъ проектъ по указаніямъ строительной комисіи.

18-го февраля 1880 г. проектъ окончательно былъ утвержденъ Великимъ Княземъ намѣстникомъ, а въ іюлѣ того же года приступлено было къ возведенію фундамента на мѣстѣ, купленномъ у Читахова и другихъ на Головинскомъ проспектѣ.

Съ самыхъ первыхъ дней постройки театра его начали преслѣдовать неудачи. Кирпичъ, поставленный для постройки нѣкимъ г. Соловцовымъ, оказался негоднымъ; пришлось искать новаго поставщика.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, заботливо относившійся къ судьбѣ новаго театра, покинулъ Кавказъ.

Смѣнившій его кн. Дондуковъ-Корсаковъ проявилъ къ строителькѣ очень мало интереса.

Руководившій работами изъ Петербурга (sic!) акад. Штреттеръ призналъ такое руководство неудобнымъ.

Вмѣсто него назначенъ былъ Симонсонъ, а затѣмъ Зальцманъ.

Средства, отпущенныя на постройку, изсякли, а въ театръ не было даже крыши и стѣны не доведены были до необходимой высоты.

Въ 1884 г. работы были приостановлены и главпочальствующимъ было возбуждено ходатайство объ оказаніи содѣйствія со стороны государственнаго казначейства въ суммѣ 342.345 руб. 34 коп., которая по расчету архитекторовъ необходима была для завершения постройки.

Государственный совѣтъ нашель, что व्यполненіе такого расхода не должно бы вовсе относиться на средства государственнаго казначейства, но во избѣжаніе разрушенія возведенныхъ уже стѣнъ, разрѣшилъ ассигнованіе 110.000 руб. на доведеніе постройки до настоящей высоты и покрытіе его кровлей.

Что же касается до суммы, потребной на отдѣлку театрального зданія, то Государственный Совѣтъ нашелъ, что, за сдѣланными уже государственнымъ казначействомъ значительными затратами на постройку тифлискаго театра въ виду многихъ общегосударственныхъ потребностей, остающихся не удовлетворенными по недостатку средствъ, принятіе на счетъ казны дальѣйшихъ расходовъ по сооружеію театра представляется невозможнымъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Государственный совѣтъ нашелъ, что, при изясненномъ положеніи дѣла, если окончаніе театрального зданія признается настоятельно необходимымъ, отъ городского общественаго управленія будетъ зависѣть изыскать потребныя для сего средства или путемъ новаго займа и при помощи соглашенія съ частными предпринимателями или же новымъ способомъ (Кавк. 1886 г. № 301).

На ассигнованные 110.000 р. подъ руководствомъ архитека Зальцмана приступлено было къ продолженію работъ и къ концу 1886 г. театръ былъ покрытъ кровлей. Но внутри не было ни половъ ни лѣстницъ. О сценѣ и говорить нечего.

Былъ одинъ моментъ въ исторіи по постройкѣ театра, когда, не находя никакихъ источниковъ для окончанія постройки, предполагалось передать недостроенное зданіе военно-инженерному вѣдомству съ тѣмъ, чтобы обратить его въ хлѣбный складъ (!!).

Къ счастью проектъ этотъ не нашелъ поддержки въ высшихъ сферахъ.

Вопросъ о принятіи на себя городомъ внутренней отдѣлки театра по распоряженію главноначальствующаго былъ внесенъ въ думу, которая разсматривала этотъ вопросъ около двухъ лѣтъ.

Дѣло о постройкѣ театра находилось и въ управѣ, и въ особой комиссіи. Представлено было нѣсколько предложеній, сущность которыхъ главнымъ образомъ свѣдилась къ тому, чтобы правительство выдало ссуду въ размѣрѣ 232,345 руб., необходимыхъ на достройку театра съ тѣмъ, чтобы городъ являлся полнымъ хозяиномъ театра, а ссуда погашалась изъ субсидій. Разница отдѣльныхъ предложеній была лишь въ деталяхъ.

Любопытно предложеніе гл. Ис. Е. Питоева. Онъ находилъ возможнымъ городу самому изыскать средства на постройку театра путемъ займа хотя бы и изъ 10⁰/. Расчетъ Ис. Е. Питоева былъ слѣдующій: расходы по содержанію самого театрального зданія онъ исчислилъ въ 14.000 руб. (6.000 руб. страховка, 5.000

женіе работъ по постройкѣ театра. А въ слѣдующемъ 1895 г. еще 132,345 руб.

Но работа подвигалась крайне медленно. По городу циркулировалъ слухъ, что производителю работъ инженеру Симонсону страхъ какъ не хочется разставаться съ казеннымъ домомъ, который былъ построенъ рядомъ съ строящимся театромъ.

Когда въ началѣ 1896 г. вмѣсто Симонсона строителемъ былъ назначенъ архит. Шимкевичъ, домъ былъ сломанъ и работа закипѣла.

И все же театръ едва поспѣлъ къ ноябрю 1896 г. и то далеко не въ законченномъ видѣ. Прежде всего онъ не былъ оштукатуренъ и такъ неоштукатуренный простоялъ лѣтъ восемь или девять. Затѣмъ въ ложахъ и на балконахъ не было мебели. Для храненія декораций устроенъ былъ во дворѣ легкій деревянный навѣсъ, плохо защищавшій ихъ отъ непогоды.

Недостатокъ средствъ не позволилъ осуществить первоначальный проектъ лѣпныхъ рельефныхъ украшеній стѣнъ и потолка зрительнаго зала, фойе и вестибюля; пришлось ихъ замѣнить декоративной живописью, отчего внутренней видъ много потерялъ.

Оборудованіе сцены поручено было извѣстному машинисту и декоратору Императорскихъ театровъ Вальцу. Имъ же были написаны многія декорации.

Въ общей сложности постройка театра обошлась 870,000 руб.

Но пополненіе послѣдней отпущенной государственнымъ казначействомъ суммы 232,345 руб. рѣшено было на срокъ ближайшаго 20-лѣтія, считая съ 1 января 1896 г., вычитать нѣкоторую сумму изъ субсидіи, а именно: на содержаніе театра стали отпускатъ 30,595 руб.; вмѣсто отпуславшихся 42,195 руб.

XXXVIII.

Въ новомъ театрѣ.

3 ноября 1896 г. открылись, наконецъ, двери новаго казеннаго театра.

Какъ водится, съ открытіемъ запоздали. Вопреки обѣщанію строительной комиссіи сдать театръ къ 1-му сентября, къ сроку онъ готовъ не былъ.

Приглашенная съ 1-го октября дирекціей оперная труппа

бездѣйствовала цѣлый мѣсяць. Кромѣ того театръ былъ станъ дирекціи далеко не оборудованнымъ. Въ ложахъ, и на балконахъ не было мебели, для декораціи имѣлся одинъ деревянный навѣсъ плохо защищавшій ихъ отъ непогоды; отсутствовали самыя необходимыя предметы театрального хозяйства.

Декорацій, приготовленныхъ художникомъ императорскихъ театровъ Вальцемъ, оказалось недостаточно. Пришлось старыя декораціи увеличивать до размѣровъ новой сцены. Понадобились также новыя костюмы, мебель, бутафорія.

Новый театръ, превышая вдвое старый по своей величинѣ, потребовалъ, конечно, двойныхъ расходовъ на содержаніе.

А между тѣмъ, субсидія оставалась прежней. Попржепему изъ 42,000 руб., назначенныхъ правительствомъ, удерживалось 11,600 руб. на погашеніе долга по постройкѣ театра.

Мало считаясь, повидимому, съ этимъ обстоятельствомъ, и расчитывая, вѣроятно, на блестящіе по новизнѣ театра сборы, директоръ театра П. А. Опочининъ съ перваго-же сезона широко повелъ дѣло. Въ новомъ театрѣ появился цѣлый сонмъ администраторовъ и штатныхъ служащихъ, получавшихъ жалованіе круглый годъ.

Вотъ списокъ администраціи и служащихъ казеннаго театра первыхъ сезоновъ:

Смотритель театра Н. П. Александровъ, помощникъ его Я. С. Смановъ, главный режиссеръ В. Л. Фэркагги, режиссеръ Ив. Е. Пятовъ, помощникъ режиссера Г. А. Аргутинскій-Долгоруковъ и А. Бѣльскій, бухгалтеръ Г. И. Сургуновъ, машинисты Ф. В. Ленцкій и А. Д. Дубченко, электротехникъ, Т. В. Пушь, декораторъ І. А. Новакъ, бутафоръ В. Ф. Дубровскій, завѣдывающій монтировочной частью П. П. Марышевъ, костюмерша Ю. К. Ковенская, костюмеръ Л. Гаврющенко, завѣдывающій гардеробомъ П. П. Домбровскій, кассиръ А. М. Миримановъ.

Кромѣ того плотники, стѣрожа, капельдшеры, и т. д.

Весь этотъ штатъ, конечно, поглощалъ не малую часть субсидій.

Составъ оперной труппы подобранъ былъ далеко неудачно и у публики, которая отъ новаго театра ждала гораздо большаго, успѣха не имѣла *).

*) Въ составъ труппы перваго сезона вошли: *сопрано*: Пинцагали, Джаквистъ, Маршадъ, Сушкова. *Меццо-сопрано*: Сюпенбергъ, Свѣтлова,

3-го ноября 1896 года состоялся спектакль-gala для особъ приглашенныхъ лицъ, а 4 ноября, театръ открылся для публики.

Оба раза шла опера «Жизнь за Царя».

Въ первый сезонъ въ новомъ театрѣ поставлено было 28 оперъ, въ томъ числѣ три новинки: «Гензель и Гретель»—Гумпердинка «Алеко», Юома *) и «Манонъ Леско» Пуччини.

Первый сезонъ окончился дефицитомъ въ 25000 руб.

Великимъ постомъ 1897 г. театръ пональ въ руки начинающаго антрепренера, Н. Р. Фарина владѣльца музыкальнаго магазина. Онъ сформировалъ отличную итальянскую труппу. Сезонъ былъ блестящій. Полные сборы и большой успѣхъ. Особенно выдавались артистки Муниосъ, и Пиццигали, баянъ Чиротто и первоклассный артистъ баритонъ Дельфино-Менотти.

Такихъ яркихъ цѣльныхъ образовъ Риголетто, Тонио (Паяцы) Яго, Барнабы (Джюкконда), Гамлета, какіе создалъ Дельфино-Менотти, тифлисской публикѣ не приходилось видѣть, ни раньше, ни позже.

Еще въ старомъ казенномъ театрѣ за послѣдніе годы установился такой порядокъ, что зимой и постомъ въ театрѣ была опера, а весной прѣзжали на гастроли драматическія труппы.

Такой порядокъ сохранился и въ новомъ казенномъ театрѣ. Объ этихъ весеннихъ наѣздахъ я поговорю въ своемъ мѣстѣ.

Во второмъ сезонѣ (1897—98 г.) дирекція уже не рѣшилась держать труппу самостоятельно — и сдала театръ товариществу оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ В. Л. Форкати за вечеровую плату 125 руб.

Труппа была ни чуть не лучше, чѣмъ въ первомъ сезонѣ. Успѣхомъ пользовалась одна лишь Н. Д. Папаянъ (дѣйствительно прекрасная пѣвица), да баритонъ Каміонскій.

Сборы были слабые, и товарищество заработало всего по полтиннику на рублевую марку.

За сезонъ поставлено 31 опера, изъ которыхъ русскихъ восемь. Новинки: «Снѣгурочка», «Дубровский» и «Андре-Шенье» (Джюрдано).

Контральто: Гинкулова-Каренина. *Тенора:* Пересъ, Любинъ, Сербинъ, Рубинштейнъ, Агулинъ, *Баритоны:* Максаковъ, Джакомелло, Образцовъ. *Басы:* Молчановскій, Горди, Глазуновъ, Гецевичъ. *Дирижеры:* Труффи и Палицынъ.

*) Молодого композитора, использовавшаго Пушкинскую тему раѣе Рахманинова.

Постомъ Форкатти нѣсколько поправилъ дѣла, привлекая на гастроли знаменитую колоратурную пѣвицу Угетъ, и доплативъ нѣтъ труппу нѣсколькими итальянскими пѣвцами.

На слѣдующій сезонъ 1898—99 театръ былъ сданъ И. Р. Фарина. Послѣ удачнаго опыта постомъ 1897 г., Фарина смѣло взялся за дѣло. Отсутствие личныхъ средствъ мало смущало предпринимателя. Имѣя обширное знакомство, онъ организовалъ новое товарищество.

Фарина повелъ дѣло довольно широко, увеличилъ хоръ и оркестръ, собралъ очень недурную русско-итальянскую труппу, въ составъ которой между прочимъ вошли сопрано: Каллигарисъ, Ольгина (Иозефовичъ), Мортелони, Маршадъ. *Тенора*: Борисенко, Пересъ, *баритоны*: Максаковъ, Каміонскій, *басы*: Трубинъ, Чиротто и друг.

Въ этомъ сезонѣ впервые поставлены: «Князь Игорь», «Опричникъ», «Богема» и «Саба Аравитянка» (царица Савская) Гольдмарка.

Послѣдняя опера, поставленная въ бенефисъ главнаго режиссера Ив. Е. Питоева, потребовала большихъ затратъ на декорации и костюмы, но успѣха не имѣла никакого и снята съ репертуара послѣ двухъ-трехъ представлений.

Великимъ постомъ дирекція сдала театръ подъ оперетку г-жѣ Дагмаровой, что вызвало взрывъ негодованія со стороны мѣстной прессы.

Сезонъ 1899—900 г. оказался для Фарина роковымъ. И предшествующій сезонъ, не смотря на довольно-сильную труппу, Фарина закончилъ съ дефицитомъ. Въ сезонъ же 1899—90 съ самаго начала сборы были нѣсколько слабѣе, и уже въ ноябрѣ Фарина прекратилъ платежи. Его компаньоны отъ дальнѣйшей денежной помощи отказались. Мало того, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ пайщиковъ и друзей Фарина сумѣлъ перевести музыкальный магазинъ Фарина на свое имя. Фарина былъ разоренъ окончательно. Но все это происходило въ тишинѣ и тайнѣ. Чтобы не осрамить репутацію казеннаго театра крахомъ, дирекція по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, устранивъ Фарина, довела дѣло до конца сезона. При этомъ боязнь скандала была настолько велика, что до самаго конца сезона фирма Фарина красовалась на афишѣ.

Въ этомъ сезонѣ впервые поставлены: «Юланта», «Садко» и «Борисъ Годуновъ».

Въ конечномъ результатѣ сезонъ 1899—900 г. увеличилъ дефицитъ дирекціи еще на 25,000 руб.

А тутъ еще оказалось необходимымъ построить сарай для декораций, который обошелся въ 16,000 руб. да еще 8,000 руб. истрачено на аккумуляторъ, приобретение котораго потребовалъ губернской технической надзоръ.

Блестящій великопостный сезонъ 1900 г. поправилъ немного дѣла театра. Сезонъ былъ на рѣдкость. На гастроли приглашены были итальянки: Звигеръ и Миккучи и наши отечественные пѣвцы: Клементьевъ, Яковлевъ и Шалаевъ.

Два послѣдующіе зимніе сезона—господство дирекціи—были періодомъ окончательнаго упадка театра. Неумѣлый, невѣтересный подборъ труппы, масса дебютовъ и неудачныя гастроли среди сезона *) отбили охоту у публики посѣщать театръ. Особенно не нравился публикѣ женскій персоналъ, среди котораго въ 1900—09 г. была лишь одна неизмѣнная любимица Панаева, а въ слѣдующемъ сезонѣ пѣкоторый успѣхъ имѣла приглашенная въ концѣ сезона г-жа Бронская, въ то время еще начинающая пѣвица. Для нея поставили «Лакмэ», единственную новую оперу въ сезонѣ.

Чтобы расшевелить немного публику, совсѣмъ отбившуюся отъ театра, Ив. Ег. Питоевъ сталъ прибѣгать къ средству, испытанному имъ, когда онъ еще самъ былъ антрепренеромъ: сталъ ставить оперетки.

Великимъ постомъ, опять гастролеры: Тетрацини, Большка, Дюкъ, (теноръ) и Яковлевъ (постомъ 1901 г.) Паоли, Феррари, Пачини и Н. Н. Фигнеръ (постомъ 1902). Но ни Бронская, ни оперетки, ни Тетрацини съ Фигнеромъ не спасли дѣла. Нароставшій съ самаго открытія театра дефицитъ къ веснѣ 1902 г. достигъ цифры 69,000 руб. и по распоряженію главноначальствующаго князя Галицына казенный театръ былъ закрытъ, впродъ до разрѣшенія вопроса о покрытіи этого дефицита.

Дирекція въ лицѣ директора П. А. Опочинина и его помощника подполковника Акимова была упразднена. Изъ многочисленнаго состава служащихъ оставлены на службѣ: смотритель

*) Въ сезонѣ 1900—01 дебютировали: Гушина, Лукина, Морева (сопрано), Михайлова (меццо-сопрано) Орѣшквичъ (теноръ). Гастролировали, но безъ всякаго успѣха тенора итальянцы: Пиккалуга Монтеккуи и Марки.

театра Смановъ, бутафоръ (?) Дубровскій и гардеробмейстеръ Домбровскій, остальные были уволены.

Назначена была ревизія. Результаты этой ревизіи не вышли изъ нѣдръ канцелярской переписки. Между прочимъ ревизію производили и члены контрольной палаты, которые нашли нужнымъ поставить на дирекцію начеть въ размѣрѣ 55,710 руб. Начеть этотъ слагался изъ слѣдующихъ суммъ:

9,700 руб.—не записано вовсе на приходъ.

27,000 руб. переплачено и нераціонально израсходовано.

19,000 руб.—составляло штрафъ за отсутствіе герб. марокъ на договорахъ.

Мы такъ и не удалось выяснитъ, былъ ли этотъ начеть исполненъ и кѣмъ.

Такъ печально закончился первый періодъ новаго казеннаго театра. Хроническіе дефициты, преслѣдовавшіе тифлискій театръ съ самаго его основанія, переселились и въ новое роскошное зданіе. На погашеніе дефицита главноначальствующей кн. Голицынь испросилъ у Государственнаго Совѣта 71,800 руб.

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ въ январѣ 1903 г. Тогда же была выдана субсидія на 1903 г., но не смотря на это, театръ по какимъ-то соображеніямъ простоялъ заключеннымъ до осени 1903 г., хотя находились желающіе снять театръ и постомъ и весной.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію втораго періода въ исторіи новаго казеннаго театра я позволю себѣ сдѣлать краткій обзоръ весеннихъ сезоновъ, которые до 1901 г., т. е. до открытія театра Артистическаго общества, имѣли большое значеніе. Довольствуясь въ теченіе зимы и великаго поста оперой, тифлисская публика только въ короткій весенній срокъ имѣла возможность знакомиться съ новинками драматической литературы.

Въ первый же весенній сезонъ 1897 г. въ новый казенный театръ пріѣхала труппа Л. К. Людвигова, который уже третью весну посѣщалъ Тифлисъ. Въ составъ труппы входили: г-жи Юрьева, Тираспольская, Мартынова, Волгина, Гг. Людвиговъ, Багровъ, Петровскій, Смирновъ, Бѣжинъ, Форкати.

Безъ «гвоздя» не обходился ни одинъ весенній сезонъ и въ 1897 г. такимъ гвоздемъ оказалась «Трильби», благодаря главнымъ образомъ превосходному исполненію роли Свенгали самимъ Людвиговымъ.

Весной 1898 г. въ Тифлисъ прїѣхала труппа Ф. А. Корша — тогда блиставшая своими старыми силами. Служили тогда: Шашева, Шаровьева, Романовская, изъ молодыхъ выдвигались Азагарова, Миронова, Музиль-Бороздина. Въ мужскомъ персоналѣ: Трубецкой, Свѣтловъ, Вяговскій, Сашинъ, Грековъ.

Труппа имѣла громадный успѣхъ и дѣлала превосходные сборы.

Наиболѣе интереснымъ въ художественномъ отношеніи слѣдуетъ считать весенній сезонъ 1899 г.

Антрепренеръ Соловьевъ привезъ очень сильную труппу. Достаточно назвать такія имена, какъ Шуваловъ, М. М. Петина, Днѣпровъ, Велизарій, Строева-Сокольская, Смирновъ I-й и Смирновъ II-й, Бѣжинъ.

Въ этомъ сезонѣ тифлискыя впервые увидѣли трилогію А. Толстого въ прекрасномъ исполненіи, и очень недурно поставленную. Шли также «Король Лиръ», «Царь Эдипъ», «Гамлетъ», «Кингъ» «Потонувшій колоколъ», «Графъ де-Ризооръ», «Сирано де-Бержеракъ», «Джентльменъ».

Труппа Степанова, прїѣхавшая весной 1900 г., была уже значительно слабѣе. Первенствующее положеніе занимала г-жа Пасхалова, которая одна и имѣла заслуженный успѣхъ. Хорошіе сборы дѣлалъ нашумѣвшій въ то время «Измаилъ». Начавшіеся 10 апрѣля спектакли труппы Степанова были 21-го внезапно прерваны гастролями М. Г. Савиной. По этому поводу въ журналѣ «Театръ и Искусство» было напечатано слѣдующее: «Исторія появленія М. Г. Савиной въ казенномъ театрѣ весьма интересна и поучительна. Еще до отъѣзда изъ Петербурга распорядитель труппы г. Долиновъ снялъ театръ грузинскаго дворянства: разрѣшеніе на постановку было получено, какъ вдругъ уже во Владикавказѣ г. Долиновъ получаетъ извѣстіе, что «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ спектакли въ театрѣ груз. двор. запрещены, и почти одновременно съ этимъ М. Г. Савина получила предложеніе отъ дирекціи казеннаго театра прїѣхать одной на гастроли на очень выгодныхъ условіяхъ. Не желая бросать своей труппы, М. Г. отъ предложенія отказалась и г. Долинову оставалось или миновать Тифлисъ или войти въ соглашеніе съ дирекціей. Г. Долиновъ рѣшился на послѣднее и въ результатѣ явилось увольненіе труппы казеннаго театра за двѣ недѣли до конца сезона и бѣшенная плата за театръ (600 р. отъ спектакля).

Такой некорректный, чтобы не сказать больше, поступок дирекции по отношению къ труппѣ Степанова взволновалъ и возмущилъ тифлисскую публику, и это не могло не отразиться на спектакляхъ М. Г. Савиной. И сборы были слабые и не было тѣхъ бурныхъ овацій, которыя сопровождали прежнія появленія М. Г. въ Тифлисѣ.

Вслѣдъ за Савиной пріѣхали артисты московскаго Малаго-театра во главѣ съ Лешковской и Правдинымъ. Труппа состояла главнымъ образомъ изъ молодежи. Строгий репертуаръ и прекрасный ансамбль способствовали успѣху труппы.

Послѣдній весенній сезонъ 1901 г. была труппа Людвигова съ Пасхаловой, Мартыновой, Дара-Владиміровымъ, Ленковскимъ, Глюске-Добровольскимъ, Бѣжинымъ и друг.

Въ этомъ сезонѣ впервые поставлены «Три сестры», еще не по *mise en scène* Художественнаго театра, какъ они шли годъ спустя, но удивительно стройно и съ настроеніемъ.

Послѣ Людвигова снова пріѣзжалъ Правдинъ съ москвичами, но на этотъ разъ вмѣсто Лешковской привезъ Яблочкину.

Весной 1902 г. театръ уже былъ закрытъ, а когда онъ снова сталъ функционировать, весенніе сезоны потеряли свое значеніе.

Въ это время уже открылся театръ Артистич. общества, въ которомъ зимой играла драматическая труппа и, конечно, потребность въ весеннихъ наѣздахъ почти миновала.

Весной 1903, 1904, 1905 г.г. казенный театръ пустовалъ.

Въ 1906 г. онъ былъ данъ и то лишь съ 7-го мая подъ оперетку Шульца. Точно также царилъ оперетка и весной 1907 г., а послѣ нея пріѣхалъ на десять спектаклей Петербургскій Императорскій балетъ съ Преображенской во главѣ.

Только съ весны 1908 г. уже при третьемъ составѣ дирекціи (см. ниже) снова появляются драматическія труппы. Послѣдовательно играли труппы: Гришина и Боура (1908—1909 г.), Мартова (1910) и Лебедева (1911 г.).

Покончивъ съ весенними сезонами я перехожу къ зимнимъ сезонамъ второго періода.

Съ 1903 года дирекція театра была опять возстановлена, но въ количествѣ не одного, а трехъ директоровъ. Въ составъ коллегіи вошелъ между прочимъ и подполковникъ Акимовъ, бывший помощникъ директора. Онъ принялъ въ свое завѣдываніе сцену и внесъ въ нее казарменную атмосферу и солдатскую субординацію. Извѣстный опереточный артистъ А. Э. Блюменталь-

Тамаринъ, игравшій въ казенномъ театрѣ, спросилъ Акимова:—А что у васъ репетиціи по барабану начинаются?

Г. Акимовъ состоялъ въ должности директора до 1907 г. когда снова произошла смѣна правленія.

Остальные директора мѣнялись довольно часто, и общее число ихъ доходило иногда до четырехъ. Все это были люди занятые своей службой, имѣющие возможность очень мало времени удѣлять дѣламъ театра. Впрочемъ одинъ изъ нихъ генер. Ерофѣевъ занялся виѣшнимъ украшеніемъ театра. За его время зданіе театра было оштукатурено и положено основаніе театральнымъ скверамъ.

На сезонъ 1903—04 г. театръ былъ сданъ Н. Н. Фигнеру. Труппу собралъ онъ громадную (однѣхъ сопрано было одиннадцать), но далеко не сильную. Не смотря на усиленную поддержку, которую оказывала Н. Н. Фигнеру мѣстная пресса (главн. обр. газ. Кавказъ), публика довольно слабо посѣщала театръ, не наполняя его даже въ тѣ вечера, когда пѣлъ самъ Н. Н. Увеличивъ балетъ до 30 челов., Фигнеръ время отъ времени ставилъ цѣлыя балеты. Новыхъ оперъ поставлено всего три: «Франческа да Римини» Направника, «Каморра» Эспозито и «Тоска» Пуччини.

На масляной для привлеченія публики Н. Н. устроилъ маскарадъ.

Великимъ постомъ у него гастролировали: Дубровская, Боброва-Пфейферъ, Турчанинова, Давыдовъ, Каржевнѣвъ, Тартаковъ, Каміонскій, Брагинъ, Бухтояровъ.

Этотъ сезонъ прошелъ оживленнѣе.

Слѣдующіе два сезона (1904—1906) театръ былъ въ рукахъ артиста Императорск. театровъ А. Д. Донского.

Событія 1905 г. сильно подорвали дѣла театра, и антреприза Донского преобразовалась въ «соединенное товарищество артистовъ, оркестра, хора и балета». Сезонъ кое-какъ дотянули, постомъ поправили дѣла, пригласивъ на гастроли Ермоленко и Южина.

Послѣдній сезонъ второго періода (1906—08 г.г.) былъ самымъ неудачнымъ. Дирекція сдала театръ опереточной пѣвицѣ Ризѣ Нордштремъ, которая повела дѣла настолько неумѣло, что въ началѣ февраля труппа забастовала вслѣдствіе систематическаго неплатежа денегъ. Несмотря на хорошіе сборы, которые

дѣлали гастроль Ванъ-Брандъ, большинству артистовъ не заплачено было за цѣлый мѣсяць.

Исторія кончилась тѣмъ, что Риза Нордштремъ сбѣжала изъ Тифлиса, а оставшіеся на мели образовали товарищество. Вскорѣ начались извѣстные разоблаченія одного изъ директоровъ г. Мирзоева, которыя завершились «освобожденіемъ отъ должностей» не только Мирзоева, но и остальныхъ трехъ директоровъ: полковника Акимова, генерала Роде и князя Грузинскаго.

Я не стану здѣсь касаться подробностей этого инцидента, въ свое время вызвавшаго не мало статей на столбцахъ и мѣстной и столичной періодической печати, не стану потому, что время исторической оцѣнки этого директорскаго coup d'etat еще не наступило.

Во главѣ новой дирекціи сталъ полковникъ В. М. Тамамшевъ, въ помощники которому назначили В. А. Валькевича и архитектора А. С. Рогойскаго.

За время управленія театромъ В. М. Тамамшевымъ, казенный театръ находился въ рукахъ М. М. Бородая (1907—1908 г.) и А. А. Эйхенвальда (три послѣднихъ сезона 1908—1911 г.).

Этихъ сезоновъ, какъ слишкомъ близкихъ, я въ своихъ очеркахъ касаться не буду.

Теперь немного статистики.

За 15 лѣтъ (14 сезоновъ зимнихъ и 8 великопостныхъ) поставлено 73 иностранныхъ оперы, 35 русскихъ, 16 оперетокъ (въ исполненіи оперныхъ артистовъ) и 1 феерія. Кромѣ того нѣсколько балетовъ и балетныхъ отрывковъ. Поставленные оперы принадлежатъ перу 38 иностранныхъ и 18 русскихъ композиторовъ.

По количеству поставленныхъ оперъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, Верди (18 оперъ), затѣмъ идетъ Мейерберъ (15 оперъ), Массне (5), Доницетти и Пуччини (по 4).

Изъ русскихъ композиторовъ больше всего поставлено оперъ Чайковскаго (7), затѣмъ Римскаго - Корсакова (5), Рубинштейна (4).

Не смотря на такое большое количество постановокъ, репертуаръ казеннаго театра все время вращался вокругъ небольшого числа, излюбленныхъ и заграничныхъ оперъ.

Вотъ ихъ списокъ съ указаніемъ количества зимнихъ и великопостныхъ сезоновъ, когда онѣ ставились.

	Зимній сезонъ	Весенній сезонъ
Кармень	14	8
Фаустъ	14	7
Риголетто	14	7
Паяцы	14	7
Евгеній Онегинъ	14	6
Травиата	14	5
Никова я дама	14	5
Демонъ	14	4
Русалка	14	2
Гугеноты	13	7
Аида	13	5
Дубровскій	13	5
Севиляск. цирюльникъ	12	5
Сельская честь	12	4
Жизнь за Царя	12	
Ромео и Джульетта	12	3
Африканка	11	3
Жидовка	10	1
Баль-Маскарадъ	9	2

Новыхъ оперъ въ казенномъ театрѣ поставлено 44, но изъ нихъ въ репертуарѣ удержалось очень немного.

Списокъ новыхъ оперъ съ указаніемъ сезона, когда онѣ поставлены и количества сезоновъ, въ которые они шли, привожу ниже.

Гумпердингъ	Гензель и Гретель	(1896—97)	6
Лоомъ	Алеко	(1896—97)	1
Пуччини	Мамонтъ Леско	(1896—97)	1
Тома	Гамлетъ	(1896—97)	4—3
Маснэ	Король Лагерскій	(постъ 1897)	1
Джордано	Андре Шенье	(1897—98)	2
Римскій-Корсаковъ	Снѣгурочка	(1897—98)	8
Направникъ	Дубровскій	(1897—98)	13—5
Бойто	Мефистофель	(постъ 1898)	2—1
Бородинъ	Князь Игорь	(1898—99)	7
Пуччини	Богема	(1898—99)	8—1
Чайковскій	Опричникъ	(1898—99)	4
Гольдмаркъ	Саби-Аравитянка	(1898—99)	1
Чайковскій	Юланта	(1898—99)	9

Мусоргскій	Борисъ Годуновъ	(1899—900)	3—1
Римскій-Корсаковъ	Садко	(1899—900)	3—1
Барбини	Горный соколъ	(1899—900)	3—1
Римскій-Корсаковъ	Моцартъ и Сальери	(послѣ 1900 г.)	1—1
Кюи	Кавказскій плѣнникъ	(1900—01)	2
Маснэ	Элушка	(1900—01)	2
Делибъ	Лакмэ	(1901—02)	7—2
Направникъ	Франческа да Римини	(1903—04)	1
Эспозито	Каморра	(1903—04)	2
Пуччини	Тоска	(1903—04)	2—2
Маснэ	Вертеръ	(1904—05)	4
Рубинштейнъ	Неронъ	(1904—05)	5
Кюи	М-Не Фифф	(1904—05)	1
Маснэ	Манонъ	(1904—05)	3
Кюи	Сынъ Мандарина	(1904—05)	1
Леонковалло	Заза	(1905—06)	4
Чайковскій	Черевички	(1905—06)	3
Гринелли	Анна Каренина	(1907—08)	1
Делибъ	Такъ сказалъ король	(1907—08)	1
Лортцикъ	Царь плотникъ	(1907—08)	1
Сень-Сансъ	Фрина	(1908—09)	2
Оффенбахъ	Сказки Гофмана	(1908—09)	2
Ребиковъ	Елка	(1908—09)	3
Чилеа	Адриена Лекувреръ	(1909—10)	1
Пуччини	M-me Баттерфлей	(1909—10)	2
Масне	Тансъ	(1909—10)	2
Сокольскій	Рѣпка	(1909—10)	1
Яновскій	Сестра Беатриса	(1909—10)	1
Остроглазевъ	Неотвратимая	(1909—10)	1
Славянскій	Бояринъ Орша	(1909—10)	1

XXXIX.

Театръ „Артистическое 0-во“

Въ февралѣ 1901 г., на масляной, состоялось торжественное открытiе новаго роскошнаго театра и зданiя «Артистическаго общества».

Общество это возникло изъ домашнихъ спектаклей у Ис. Бг.

Питоева и официальное открытіе его состоялось 6 ноября 1888 г. Болѣ десяти лѣтъ ютилось «Артистическое общество» въ помещеніи шомъ наемномъ помещеніи на улицѣ Паскевича. Здѣсь оно развилось, здѣсь переживало самый блестящій періодъ своей дѣятельности *).

Но къ концу перваго десятилѣтія, помещеніе показалось тѣснымъ. Рѣшено было воздвигнуть новое роскошное зданіе.

Эта идея могла быть осуществлена только при помощи Ис. Ег. Питоева, который не жалѣлъ ничего для своего дѣтища.

Постройку зданія принялъ на себя торговый домъ Ис. Ег. Питоевъ и К^о, куплено было мѣсто у Рейтера на Головинскомъ проспектѣ, гдѣ до того времени находились ветхіе одноэтажные домишки и заѣзжіе извозчичьи дворы.

Въ день десятилѣтія «Артистическаго общества», 6 ноября 1898 г., состоялось торжественная закладка новаго дома, а черезъ два года, онъ уже былъ готовъ.

Строителями новаго театра и клуба явились архитекторъ Шимкевичъ и Татищевъ, которые вложили много труда и художественнаго вкуса въ свое произведеніе. Я не стану подробно описывать театра, который хорошо знаетъ вся тифлисская публика. Укажу лишь, что сцена снабжена была всеми новѣйшими техническими усовершенствованіями. Она сдѣлана вращающеюся, что даетъ возможность сокращать антракты до минимума. Кроме театра въ новомъ зданіи имѣется прекрасный концертный залъ, зеркальная столовая, гостиная. Все эти помещенія въ первый годъ существованія новаго зданія «Артистическаго о-ва», находились въ пользованіи театральной публики. Для самаго же клуба было отведено помещеніе въ верхнемъ этажѣ.

На открытіе новаго зданія «Артистическаго о-ва» поставили съ любительскими силами «Горе отъ ума». Затѣмъ послѣдоваль цѣлый рядъ общедоступныхъ любительскихъ спектаклей.

Но, конечно, такъ продолжаться дальше не могло. Любители, безъ труда обслуживавшіе среды и рѣдкіе общедоступные спектакли въ старомъ помещеніи, теперь, конечно, не могли, своими силами содержать дорого стояющій новый театръ.

Пришлось подумать о другомъ способѣ эксплуатаціи прекрасно оборудованнаго театра. Конечно, единственнымъ способомъ могла быть сдача этого театра антрепренеру.

*) См. Очеркъ XXX.

И вотъ, въ исторіи тифлискаго театра наступаетъ новая эпоха.

Въ послѣдніе годы, въ зимніе сезоны, въ Тифлисъ господство вала опера въ «Казенномъ театрѣ», да случайная оперетка въ «Банковскомъ театрѣ». Сезонъ драмы наступалъ весной послѣ Пасхи, когда въ Тифлисъ на мѣсяць, на два пріѣзжала драматическая труппа знакомить публику съ новинками минувшаго сезона.

Теперь, рядомъ съ опернымъ театромъ, появился постоянный драматическій. Съ субсидированнымъ казеннымъ театромъ вступило въ конкуренцію частное предпріятіе.

Первый драматическій сезонъ оказался неудачнымъ. Первая антрепренерша, С. П. Волгина, привезла въ Тифлисъ очень слабую труппу. Публика ходила въ театръ неохотно и въ началѣ ноября Волгина прекратила платежи. Дѣлу грозилъ крахъ, если бы не Ис. Ег. Питоевъ, который не пожелалъ допустить крушеніе антрепризы въ первый же сезонъ новаго театра и оказалъ С. П. Волгиной матеріальную поддержку. Помогли сильно гастролеры бр. Адельгеймъ, которые впервые пріѣзжали въ Тифлисъ и тифлисской публикѣ пришлись по вкусу.

Больше всего, конечно, сборовъ дѣлала пресловутая «Казнь», которая прошла что-то разъ шесть.

Потомъ театръ пустовалъ, а весной была сдѣлана не совсѣмъ удачная попытка гастролей А. А. Пасхаловой, съ труппой любителей.

Занятые службой и личными дѣлами любители не могли удѣлять много времени для репетицій и спектакли носили характеръ наскоро поставленныхъ и не срепетованныхъ.

Затѣмъ пріѣзжали фарсъ Сабурова и оперетка Левицкаго. Этимъ закончился первый годъ новаго театра.

Сезоны 1902 03— и 1903—04 г.г. театръ «Артистическаго о-ва» находился въ рукахъ Н. Д. Красова.

Это былъ опытный антрепренеръ, отлично умѣвшій угождать публикѣ. Труппу оба сезона онъ держалъ недорогую, но подобранную недурно. Къ нему, какъ къ артисту, публика относилась весьма равнодушно и, поступившись личнымъ самолюбіемъ актера, передъ интересами дѣла, Красовъ почти совершенно не выступалъ на сценѣ.

Сборы Красовъ дѣлалъ хорошіе, особенно въ первый сезонъ, когда казенный театръ былъ, по волѣ главноначальствующаго,

закрѣтъ; а частная опера кв. Церетели, пріютившаяся въ Банковскомъ театрѣ, публики не привлекала вовсе. Такимъ образомъ, Н. Д. Красовъ былъ хозяиномъ положенія.

Второй сезонъ Красовъ составилъ труппу сильнѣе и успѣшнѣе конкурентовъ съ Н. Н. Фигнеромъ, арендовавшимъ казенный театръ.

Тифлисская публика, вѣроятно, не забыла артистокъ, какъ г-жи Шателенъ, Гондатти, Тереква, Эмская и артистовъ, какъ г.г. Смирновъ, Гордінъ, Рассатовъ, Блюменталь-Тамаринъ.

Изъ постановокъ этихъ двухъ сезонъ особый успѣхъ имѣли «Дѣти Ванюшина», «Три сестры» (по mise en scène Художественнаго театра), «На днѣ» и «Измѣна». Въ сезонѣ 1903—04 г.г. Красова состоялось нѣсколько гастролей В. Ф. Комиссаржевской.

Весенніе сезоны опять отдавались подъ спектакли гастрольныхъ труппъ. Весной 1903 г. въ первый разъ пріѣхала Л. Б. Яворская, которая съ тѣхъ поръ каждую весну появлялась на тифлискомъ горизонтѣ и имѣла всегда большой успѣхъ, пока въ 1907 г. злой демонъ не внушилъ ей укрѣпиться въ Тифлисъ на зиму.

Съ этого времени звѣзда Л. Б. Яворской померкла въ Тифлисъ.

Пріѣхала весной 1903 г. также труппа Императорскаго Малаго театра, во главѣ съ Лешковской.

Была и оперетка.

За эти три сезона опредѣлились довольно сложныя взаимоотношенія между цѣлой группой юридическихъ лицъ, стоявшихъ вокругъ театра «Артистическаго о-ва».

На первомъ мѣстѣ стоялъ владѣлецъ театральнаго зданія, «Торговый домъ Ис. Ег. Питоевъ и К^о», который театръ и клубное помѣщеніе сдавалъ «Тифлисскому Артистическому о-ву». Въ свою очередь, «Артистическое о-во» эксплуатировало театръ, сдавая его въ аренду антрепренерамъ и армянскому драматическому обществу. Сзади, скромно и незамѣтно для широкой публики, видѣлась сѣрая невысокая фигура Ис. Ег. Питоева, создателя и вдохновителя всего дѣла, главы торговаго дома, председателя совѣта старшинъ о-ва и фактическаго владѣльца всѣхъ декораций и театральнаго инвентаря, который всегда готовъ былъ своими личными средствами прійти на помощь те-

атральному підприємтю, поддержать его въ нуждѣ, уберечь отъ краха.

Но вотъ 22 апрѣля 1904 г., Исая Егоровичъ скончался. Порвалась связь великая между «Арт. о-вомъ», торговымъ домомъ и театромъ.

Первое время, сторяча, отсутствіе этой связи какъ будто и не было замѣтно. Поставленное на рельсы дѣло продолжало идти.

И «Арт. о-во» продолжало оставаться хозяиномъ театра.

Сезонъ 1904—05 г.г. долге останется въ памяти у любителей театра: играло т-во «Новой драмы» подъ управленіемъ В. Э. Мейерхольда.

Въ то время, Мейерхольдъ, только что разставшійся съ художественнымъ театромъ, искалъ новыхъ путей къ искусству, но въ своихъ поискахъ еще не забрелъ въ тѣ непроходимыя дебри символизма и отрицанія быта, которые погубили въ его рукахъ театръ В. Ф. Комиссаржевской.

Въ то время, напротивъ, онъ не чуждъ былъ и реализма, не отказывался отъ мелкихъ деталей, создававшихъ тонъ, настроеніе пьесы. Вотъ это-то настроеніе въ нѣкоторыхъ постановкахъ В. Э. Мейерхольдъ умѣлъ удивительно схватывать.

И онъ, и его сотрудники къ искусству относились съ громаднымъ уваженіемъ, почти съ благоговѣніемъ. И умѣли такое же чувство внушить публикѣ.

Изъ наиболѣ цѣнныхъ, интересныхъ постановокъ, напому, слѣдующія: «Докторъ Штокманъ», «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Акробаты», «Смерть Іоанна Грознаго», «Три сестры», «Вишневый садъ», «Сибгурочка», «Весенній потокъ».

Умѣя прекрасно проникнуться духомъ и настроеніемъ пьесъ Ибсена, Гауптмана, Чехова, труппа новой драмы совершенно не умѣла играть легкой комедіи. И когда случайно имъ пришлось ставить такія пьесы, исполненіе было очень слабо. Точно другіе актеры.

Публика оцѣнила дружную и художественную работу труппы и въ концѣ сезона на прощальномъ спектаклѣ поднесла адресъ—случай еще не бывалый—адресъ не антрепренеру, а именно труппѣ.

Весной, послѣ неизмѣнной Л. Б. Яворской, гастролировали бр. Адельгеймъ уже со своей собственной труппой и прежнимъ

репертуаромъ. Новинкой явилась постановка «Доля Душана» Ал. Толстого, который успѣха не имѣлъ.

Слѣдующій сезонъ театръ попалъ въ руки г. Кручинина, который не разбирался въ средствахъ привлеченія публики въ театръ.

Въ репертуарѣ на-ряду съ интересными пьесами въ родѣ «Ивана Мироновича» мелькали фарсы: «Незрѣлый плодъ», «Брачные мостки» и т. д.

Скоро начались октябрьскія событія, потомъ армяно-татарская рѣзня. Публика совсѣмъ перестала ходить въ театръ и 20 ноября 1905 г. Кручининъ прикрылъ дѣло и поспѣшилъ какъ выбраться изъ Тифлиса.

Съ 1 января 1906 г. въ судьбѣ театра произошла перемѣна.

Окончился контрактъ торговаго дома Ис. Ег. Питоевъ и К^о съ «Арт. о-вомъ» и на дальнѣйшій срокъ торговый домъ соглашался сдать о-ву только помѣщеніе клуба и концертный залъ. Театръ же сняла въ аренду дочь покойнаго Ис. Ег. Питоева— М. И. Питоева-Бѣлецкая, съ условіемъ по средамъ предоставлять театръ за особую плату подъ домашніе вечера о-ва.

И прежній театръ «Арт. о-ва» сталъ уже именоваться театръ «Артистическое о-во» (въ к^лвычкахъ).

Потомъ снова появилось товарищество «Новой Драмы» почти въ томъ же составѣ.

И на зимній сезонъ 1906—07 гг. театръ остался за товариществомъ, только на этотъ разъ вмѣсто В. Э. Мейерхольда, во главѣ стоялъ бар. Унгернъ.

На этотъ разъ труппа уже прежняго успѣха не имѣла. Чувствовались пробѣлы и въ составѣ исполнителей и въ постановкѣ. Новшества бар. Унгерна вродѣ упраздненія «съ» въ программахъ, вызывали насмѣшки и съ легкой руки одного изъ старыхъ рецензентовъ Н. М., труппу прозвали «беззерниками».

Впрочемъ, надо отдать справедливость, и въ этой труппѣ были интересныя, художественныя постановки, напр., «Эросъ и Психея», «Вечерняя зоря», «Въ городѣ», «Эльза». Какъ дань времени, большой успѣхъ у публики имѣлъ «Шерлокъ Холмсъ».

Великимъ постомъ 1907 г. довольно неудачно дебютировала въ качествѣ антрепренерши С. М. Михайловская.

Въ сезонѣ 1907—08 гг., прїѣзжавшая каждую весну на гастроли, Л. Б. Яворская рѣшила попытать счастья зимой.

Нельзя сказать, чтобы ей очень повезло. Своенравная и капризная тифлисская публика, наполнявшая театр на дачных сезонах Л. Б. Яворской, очень равнодушно отнеслась к ее сезону. Труппа составлена была с большими проблемами, особенно в женском персонале. Антрепренерша-премьерша не желала ни с кем делить свои лавры. Не повезло Л. Б. Яворской и с репертуаром. Две «хлебные» — пьесы «Черные вороны» и «Пробуждение весны» были сняты с репертуара по обстоятельствам, от Л. Б. Яворской не зависящим. В конце концов вывозили испытанные гастрольные пьесы, вроде «Заза», «M-me Sans Gène», «Пляска жизни» и т. д.

Два сезона 1908—09 и 1909—10 гг. труппу держала сама М. Н. Питоева-Бълецкая и, наконец, последний сезон театр «Арт. о-во» оказался в руках В. И. Никулина, внесшего много нововведений в театральное дело.

В течение 10 лет роль театра «Арт. о-во» достаточно определилась. По своей вместимости, устройству сцены и декорациям он пригоден почти исключительно для драмы.

Условия эксплуатации его, с обязательством среды уступать под домашние любительские вечера, а понедельники — под армянские спектакли, ставить антрепренеров в довольно тяжелое положение. Имья всего пять дней в неделю, антрепренер все же несет полностью расходы по содержанию труппы. И ему приходится или сокращать бюджет, что не может не отразиться на качестве труппы, или же изыскивать дополнительные источники дохода, вроде поезда в другие города.

Отсутствие какой бы то ни было субсидии от казны или города драматическому театру дѣлает очень тяжелой конкуренцию с оперой, поставленной в несравненно более выгодных условиях.

Кроме того, антрепризм театра «Арт. о-во» приходится считаться с любительскими средами, на которых очень часто ставятся пьесы, уже намеченные в репертуар труппы.

XI.

Какъ возникъ въ Тифлисе народный театр.

Идея постановки спектаклей для народа впервые возникла среди группы лиц, составлявших так называемую комиссию народных чтений, впоследствии преобразовавшуюся в «Об-

щество для устройства народных чтений въ Тифлисѣ и Тифлисской губ.»

Коммисія эта устраивала бесплатныя народныя чтенія въ Авчальской аудиторіи.

И вотъ 11 февраля 1895 г. поставленъ былъ здѣсь первый спектакль для народа на грузинскомъ языкѣ.

Шла пьеса «Что увидѣлъ не увидишь». Тѣсная маленькая аудиторія, вмѣщающая 200 человекъ, была, конечно, переполнена и успѣхъ спектакль имѣлъ громадный.

Первый удачный опытъ постановки народнаго спектакля повлекъ за собой постановку еще нѣсколькихъ спектаклей.

30 апрѣля шла пьеса на армянскомъ языкѣ «Разоренная семья», а 8 мая состоялся первый русскій спектакль: «Не въ свои сани не садись».

Но первое время спектакли въ Авчальской аудиторіи носили характеръ случайный; дѣло было не организовано.

Въ апрѣлѣ 1896 г. поставленъ былъ всего лишь одинъ спектакль на русскомъ языкѣ: «Не такъ живи, какъ хочется».

Въ 1896—97 г. трое членовъ коммисіи народныхъ чтений Э. И. Покотилловъ, Е. П. Сафроновъ и пишущій настоящія строки, взяли за регулярную постановку русскихъ драматическихъ спектаклей въ Авчальской аудиторіи.

Въ теченіе сезона поставлено было уже 7 спектаклей на русскомъ языкѣ. Аудиторія была расширена, написаны декорации, устроены кое-какія приспособленія на примитивной крошечной сценѣ.

Въ слѣдующій сезонъ коммисія народныхъ чтений взяла спектакли въ свои руки, выдѣливъ изъ среды своихъ членовъ три театральныя секціи: русскую, грузинскую и армянскую.

Наиболѣе дѣятельной оказалась секція русская, которая въ теченіе сезона поставила 19 спектаклей въ аудиторіи и два на сторонѣ (на усиленіе средствъ секціи).

За этотъ періодъ грузинскихъ спектаклей поставлено было 5 и армянскій 1.

Начало народнымъ спектаклямъ положено было прочное и дѣло стало развиваться и расширяться съ каждымъ годомъ.

Вокругъ театральныя секціи сгруппировались мѣстныя любительскія силы, образовавшія постоянныя труппы.

Трудно было играть первое время въ совершенно не приспособленной для спектаклей Авчальской аудиторіи. Холодные сквозняки, тѣсныя уборныя, отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ.

Много нужно было любви къ дѣлу, чтобы играть при такихъ условіяхъ.

А народъ жадно шелъ на спектакли, съ нетерпѣніемъ ожидая праздничныхъ дней, когда эти спектакли ставились. Билеты, стоившіе первое время 5 коп., брались нарасхватъ.

Шли въ «Авчалку» не только жители Авчальской и Молоканской улицъ. Приходили съ Песковъ, отъ Дидубэ, изъ Нахаловки. Бывало много солдатъ.

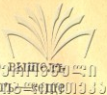
Съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ слѣдили зрители за спектаклемъ.

Вотъ что писалъ объ этомъ театрѣ С. Теречанинъ въ «Тифлисскомъ листкѣ» (1890 г. № 110).

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ посѣщенія Авчальскаго театра, и глубоко-отрадное и въ то же время угнетающе-грустное.

Еще задолго до перваго звонка (спектакль начинается въ 6 час. вечера) было объявлено, что мѣстъ нѣтъ, что мѣста все проданы, а народъ все подходилъ, все спрашивалъ билеты и съ явными признаками раздраженія и недовольства отходилъ отъ дверей сарайчика, именуемаго «аудиторіей народныхъ чтеній», когда раздавалась обычная фраза: «мѣстъ нѣтъ, билеты все проданы». Особенно жалки при произнесеніи этихъ расхолаживающихъ фразъ были дѣти-подростки и молодухи съ грудными ребятишками на рукахъ, которыхъ даже не пускали и съ билетами въ театръ: «ребенокъ будетъ кричать». — «Да онъ у меня, дяденька, очень тихонькій, и зачѣмъ ему кричать: сытый, здоровый»... Зато сіяли восторгомъ тѣ, кто имѣлъ въ рукахъ завѣтный билетъ, и съ какимъ-то особымъ шикомъ и задоромъ расталкивали, много не церемонясь, безбилетныхъ, толпящихся у входа въ сарайчикъ.

Ограниченность входныхъ билетовъ, происходящая благодаря слишкомъ малымъ размѣрамъ зрительной «залы», породила тутъ же у входа въ нѣкоторомъ родѣ торгъ. — «Продай билетъ, семь копѣекъ дамъ!» (билетъ стоитъ 5 коп.) — предлагаетъ одинъ другому. — «А я съ чѣмъ войду?» — «А ты съ мячекъ куши, да лущи». Съмячки, повидимому, начинаютъ соблазнять владельца билета. — «Хочешь, — одне дѣйствіе поемтрю, а потомъ

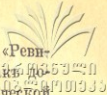
за семь копѣекъ продамъ». На этомъ и согласились, но паренъ въ антрактѣ и билета все же продать не хочетъ, одно дѣйствіе, тогда продамъ».—«Что же ты, чортъ корявый, обманываешь! Тутъ на вѣтру стой, а ты...—«Не хочешь и не надо»... Однако и «корявый чортъ», и покупатель соглашаются еще ждать «одно дѣйствіе»...

Раздался первый звонокъ, вошелъ и я—и вошелъ, казалось, не въ театръ, а въ пурню, во время выпечки хлѣба, такъ тутъ было тяжело, душно, жарко, невыносимо-потно: вѣдь, авчальскій театраль забирается на свое мѣсто—какъ только двери откроются: «а то еще пропустишь»... «Заль» переполненъ, счастливцы сидятъ и съ нескрываемой гордостью посматриваютъ на сзади сидящихъ. Нѣсколько отверстій въ потолокъ вмѣсто вентиляціи, далеко не даютъ достаточнаго притока воздуха. «Публика» то и дѣло, что подносить руки ко лбу, вытирая потъ платками, а то стряхивая его прямо пятерней. Пробыть въ такой атмосферѣ полчаса—въ своемъ родѣ геройство: въ глазахъ темнѣетъ, появляется звонъ въ ушахъ, голова кружится, а они сидятъ, ждуть, ловятъ съ жадностью фразы со сцены, слѣдятъ за выходами. Слишкомъ, повидимому, для этой публики рѣдки такія удовольствія и очень, надо полагать, нравятся имъ ихъ театръ,—въ противномъ случаѣ едва ли можно было удержать толпу такъ долго (пять часовъ) въ этой банѣ, гдѣ вмѣсто воздуха приходится дышать человѣческими испареніями. Я не выдерживаю и выхожу на улицу (ни о какихъ корридорахъ, фойе, садикахъ и проч. тутъ и помину нѣтъ: прямо изъ потницы на улицу, на вѣтеръ). Наступилъ антрактъ, но народу выходитъ сравнительно мало—«еще мѣсто потеряешь».—«А здорово онъ (Хлестаковъ) ихъ обмшудилъ!»—восторгается одинъ изъ зрителей.—«Да-а-а! И какъ только не видятъ, что стрикулисть, а еще городничій, еще генераль!»—«Ну, какой тамъ генераль! Далекое генерала!»

— Это ужъ Богъ наказаль, затменіе наслаль. Такъ и слѣдуетъ,—не обиждай, не бери взятокъ, а то гнилой черносливъ, даже и собакъ беретъ.

— Вѣрно. Вотъ ты обиждалъ, такъ тебѣ и нужно.—«А поймають его (Хлестакова), или нѣтъ?»—интересуется одинъ.—«Да, дочь и поймають, что съ него: деньги пропустилъ, позору надѣлаль, ну, какъ кинтошка какой»...

Такіе разговоры раздавались въ антрактѣ, и разговоры эти

вполнѣ устанавливали тотъ фактъ, что основная мысль «Ревизора» понятна для народа, что имъ доступенъ Гоголь, какъ до-
ступны и Островскій и другіе корифеи нашей драматической литературы, что народъ интересуется ихъ произведеніями, жаждетъ ихъ и выводитъ подчасъ очень мѣткія заключенія.

Съ каждымъ антрактомъ духота въ «залѣ» увеличивалась, стало просто несносно и я зашелъ за кулисы, думая хоть тамъ отдохнуть отъ невозможно сгущенной атмосферы зрительнаго зала, но тамъ оказалось еще хуже. Сцена съ крошечными уборными представляетъ изъ себя какую-то съ трехъ сторонъ закрытую коробку, а такъ какъ она приподнята—духота и жара даютъ знать о себѣ еще чувствительнѣе, чѣмъ въ «партерѣ». Артисты-любители, потные, изнуренные, усталые, не имѣютъ даже возможности въ антрактѣ присѣсть, покурить, отдохнуть... Парикмахерскіе баки, бороды и брови отъ пота сваливаются, гримъ ползетъ въ глаза, въ ротъ и они то и дѣло, что отплеиваются... На пространствѣ какихъ-нибудь трехъ квадратныхъ саженей сцены они разыгрываютъ «Ревизора», и становится очень удивительнымъ, какъ размѣщаются, какъ не сталкиваются лбами другъ съ другомъ!..

Если нужно геройство, чтобы высидѣть пять часовъ въ авчальскомъ театрѣ, то не менѣе требуется геройства, чтобы выстучить играть на сценѣ этого театра.

Теперь полагаю, для читателей ясно, почему свое впечатлѣніе отъ спектакля 9 мая я назвалъ и отраднымъ и въ то же время грустнымъ. Отрадно видѣть толпу народа, вниманіемъ которой всецѣло завладѣлъ великій Гоголь; отрадно видѣть, что среди насъ имѣются еще живые люди, которые, не обращая вниманія ни на что, даютъ этому народу того-же Гоголя, знакомятъ его съ лучшими завѣтами лучшихъ русскихъ людей... А грустно, очень грустно, что до сихъ поръ и эту жаждущую разумныхъ развлеченій толпу и этихъ живыхъ людей, желающихъ подѣлиться съ народомъ своими знаніями, держать въ какомъ-то трюмѣ, въ какомъ-то каменномъ мѣшкѣ безъ воздуха и свѣта...

Тифлису нуженъ обширный народный театръ, нужны нѣсколько театровъ,—и благое дѣло исполнить тотъ, кто поспособствуетъ скорѣйшему ихъ возведенію, кто утолитъ нескрываемую духовную жажду населенія.

С. Теречанинъ,

Любопытны цифры прихода и расхода народного театра в первые годы его существованія.

Полный сборъ авчальской аудиторіи составлялъ 15 руб. (300 мѣстъ по 5 коп.). Главными статьями расхода были: парикмахеръ 3 руб., костюмеръ 4—6 руб., афиши и расклейка ихъ 4 руб., прислуга на сценѣ, освѣщеніе, реквизитъ и др. мелкіе расходы 3—4 руб. Всего 13—17 руб. Дефицитъ покрывался устройствомъ одного двухъ спектаклей «на сторонѣ» — въ казенномъ, большомъ театрѣ. Спектакли эти давали обыкновенно такой солидный остатокъ, что за покрытіемъ сезоннаго дефицита русская секція имѣла возможность обновлять и писать заново декорации, приобретать мебель, реквизитъ и т. д.

Въ концѣ 1897 г. начало свою дѣятельность о-во трезвости. Идея этого общества зародилась среди желѣзнодорожныхъ служащихъ, преимущественно служащихъ депо и главныхъ мастерскихъ. Контингентъ членовъ общества составлялся почти исключительно изъ желѣзнодорожниковъ. Начальникъ Закавказскихъ жел. дорогъ, Е. Л. Веденѣевъ сочувственно отнесся къ молодому обществу и предоставилъ въ его пользованіе помѣщеніе бывшей столовой при главныхъ мастерскихъ, которой и было обращено въ театръ, читальню и чайную.

Такъ возникло желѣзнодорожное отдѣленіе о-ва трезвости. Этимъ отдѣленіемъ въ сущности и ограничивалась вся дѣятельность о-ва, которое не дѣлало никакихъ попытокъ проявить себя въ другихъ частяхъ города.

Душой о-ва и главнымъ образомъ желѣзнодорожнаго театра, былъ все тотъ же Е. П. Сафроновъ, который принималъ участіе въ созданіи театра въ авчальской аудиторіи.

Въ первые полтора года (съ 14 декабря 1897 по 1 мая 1899 г.) поставлено было 13 спектаклей на русскомъ языкѣ и 6 концертовъ, въ которыхъ исполнялись отрывки изъ оперъ. Впослѣдствіи стали ставить цѣлыя оперы и кромѣ русскихъ спектаклей, ставились спектакли на грузинскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Театръ о-ва трезвости и по составу публики и по цѣнамъ отличался отъ авчальской аудиторіи. Въ то время какъ въ авчальской аудиторіи всѣ мѣста стоили 5 коп. и только нѣсколько позже установили градацію: первые ряды 20 коп. остальные 15, 10 и 5 коп., въ желѣзнодорожномъ театрѣ первый рядъ стоилъ 1 руб., а послѣдніе 10 коп. И публика въ театрѣ о-ва трезвости состояла

почти исключительно из железнодорожных служащих и их семейств.

Вскорѣ послѣ открытія о-ва трезвости, среди членовъ его, а также членовъ комисіи народныхъ чтеній возникла мысль собрать средства для постройки болѣе обширнаго помѣщенія для народныхъ спектаклей.

Сборъ пожертвованій начался при энергичномъ участіи председателя комисіи народныхъ чтеній д-ра Худадова и скоро удалось собрать свыше 16.000 руб.

Городъ, идя на встрѣчу идеѣ постройки народнаго театра, отвѣлъ для него участокъ на берегу Куры около Верійскаго мѣста, тамъ гдѣ на Святой устраиваются балаганы и карусели.

Дѣло близилось къ осуществленію. Но тутъ скончался К. Я. Зубаловъ, завѣщавшій на народный домъ 100.000 руб. и вопросъ о народномъ театрѣ принялъ иное направленіе. Сборъ пожертвованій прекратился. Собранныя суммы остались лежать въ банкѣ мертвымъ капиталомъ *). Руководители о-ва трезвости и комисіи народныхъ чтеній приняли участіе въ разработкѣ проекта народнаго дома.

Конецъ 890-хъ и начало 900 годовъ является самымъ интенсивнымъ періодомъ въ исторіи тифлискаго народнаго театра. Спектакли на трехъ языкахъ шли и въ авчальской аудиторіи и въ железнодорожномъ театрѣ. Въ 1902 году открылось авлабарское отдѣленіе о-ва трезвости въ театрикѣ Н. Н. Мурашко.

Впрочемъ здѣсь о-во не принимало никакого фактическаго участія. Спектакли шли подъ флагомъ о-ва, но руководить ими совершенно самостоятельно Н. Н. Мурашко на его страхъ и рискъ **)

И авчальская аудиторія и железнодорожный театръ очень горячо отзывались на всякіе юбилеи и чествованія. Такъ въ 1900 г. только въ этихъ театрахъ подобающимъ образомъ былъ отпразднованъ 150-лѣтній юбилей русскаго театра. Изготовлены были особыя программы съ портретами Волкова, Гоголя и Островскаго. Передъ спектаклемъ прочитанъ былъ краткій историческій очеркъ возникновенія и развитія русскаго театра, а

*) И лежать и по нынѣ, такъ какъ фактически прекратившее существованіе О-во трезвости не ликвидировало своихъ дѣлъ и теперь нѣтъ въ наличіи юридическаго лица, которое могло бы распорядиться этими деньгами.

***) Въ настоящее время театръ Мурашко закрытъ.

послѣ спектакля устроили апоѳеозъ: возложеніе вѣнокъ на бюстъ Волкова.

Поставленный 6 мая въ авчальской аудиторіи спектакль этотъ (шель «Ревизоръ») былъ повторенъ 9 и 18 мая въ театрѣ о-ва трезвости.

А между тѣмъ гостившая въ это время въ казенномъ театрѣ драматическая труппа Степанова такъ увлеклась «Измаиломъ», что совсѣмъ проморгала Волковскія торжества.

Въ 1902 г. такъ же торжественно чествовали оба народныхъ театра пятидесятилѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя.

1905 годъ оказался роковымъ для народныхъ театровъ. Захваченной движеніемъ толпѣ было уже не до спектаклей и авчальская аудиторія обратилась въ арену для сходовъ и митинговъ.

Когда началась желѣзнодорожная декабрьская забастовка, театрѣ о-ва трезвости былъ закрытъ и его помѣщеніе, по распоряженію ген. Нейгебауера, обратили въ казармы. Съ этого момента дѣятельность о-ва трезвости прекращается. Всѣ дальнѣйшія попытки возобновить ее оказались тщетными. Спектакли въ авчальской аудиторіи послѣ невольнаго перерыва возобновились. Но вотъ убили З. П. Покотилова, главнаго руководителя народныхъ спектаклей въ аудиторіи. И дѣло безъ вдохновителя пришло въ упадокъ. А тутъ открылся народный домъ. Большинство любителей аудиторіи перекочевали туда, гдѣ и уборныя просторіе и вообще условія сцены неизмѣримо лучше. Тѣмъ не менѣе спектакли въ авчальской аудиторіи продолжаютъ идти и понынѣ. У этого крошечнаго неудобнаго театрика своя публика, сѣрая неприхотливая. Публика, для которой народный домъ съ его швейцаромъ, капельдинерами и дополнительными расходами за вѣшалку и программы слишкомъ роскошенъ.

Въ 1906 г. возникло общество народныхъ развлеченій. Цѣль и задача этого новаго общества была дать разумныя развлеченія обывателямъ Веры, Сабуртало и Ваке, которымъ слишкомъ далеко ходить въ авчальскую аудиторію.

Въ частномъ домѣ на Ольгинской улицѣ общество приспособило квартиру подъ театральныя заль вмѣстимостью въ 150 человекъ съ крохотной сценкой. И тутъ въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ шли спектакли и литературныя вечера. Здѣсь же пріютилась крохотная библіотека и читальня. Вскорѣ послѣ от-

крытія Народнаго дома дѣятельность о-ва народныхъ развлеченій прекратилась.

25 апрѣля 1909 г. состоялось открытіе Народнаго дома имени Зубалова.

За два года своего существованія организациа народнаго дома успѣла вылиться въ опредѣленныя формы. Не только въ Россіи, но врядь-ли гдѣ либо на земномъ шарѣ найдется такой театр, гдѣ подь одной кровлей шли бы спектакли на столькихъ различныхъ языкахъ, какъ въ народномъ домѣ. Кромѣ главныхъ драматическихъ кружковъ: русскаго, армянскаго и грузинскаго, здѣсь подвизаются малороссы, татары, евреи, осетины, а послѣднее время, айсоры. Кромѣ драматическихъ спектаклей на русскомъ языкѣ ставятся также и оперы.

Публика въ народномъ домѣ, особенно на русскихъ спектакляхъ, нѣсколько чище, чѣмъ въ авчальской аудиторіи. Народъ, сбывая масса пока еще чуждается наряднаго народнаго дома съ его швейцаромъ, капельдинерами и накладными расходами за сохраненіе платя и за программы.

XLI.

Краткая хронологія тифлискаго театра.

I-й періодъ. Кн. М. С. Воронцовъ.

- 1845 20 сентября. Открытіе спектаклей въ манежѣ.
 1845—1851. Русская водевильная труппа. Дирекція.
 1851 1 января. Назначена субсидія 12.000 руб.
 > 2 января. Открытіе грузинскихъ спектаклей.
 > 8 ноября. Открытіе «тамамшевскаго» театра.
 > 9 ноября. Открытіе итальянской оперы.
 1851—1852. Русская драматическая труппа; итальянская опера; грузинская труппа. Дирекція.
 1852—1855. Тоже и балетъ. Дирекція.

II-й періодъ. Ген. Н. Н. Муравьевъ.

- 1855—1856. Русская труппа. Антреприза Маркса, Мухина и Иванова.
 1856—1857. Русская труппа. Антреприза Шадинова.

III-й періодъ Кн. А. И. Барятинскій.

1857—1858. Субсидія увеличена до 30.000 руб. Первый спектакль на армянскомъ языкѣ.

1857—1859. Итальянская опера. Дирекція.

1859—1863. > Антреприза А. Торозелли.

1863—1867. > Дирекція.

IV-й періодъ. Великій Князь Михайлъ Николаевичъ.

1866—1867. Первая частная русская труппа Нёмова.

1867—1872. Русская труппа. Итальянская опера. Дирекція.

1870 5 июля. Открытіе лѣтняго театра въ инженерномъ саду.

1872—1873. Русская драма. Антреприза Надлера.

1873—1874 Русская драма. Антреприза Яблочкина.

1874 11 октября. Пожаръ «тамамшевскаго» театра.

V-й періодъ.

1874. Послѣ пожара спектакли въ залѣ музыкальнаго общества. Дирекція.

1874 26 декабря. Открытіе спектаклей въ приспособленномъ лѣтнемъ театрѣ.

1875—1878. Итальянская опера, Антреприза Туролла и Сиени.

1877 Весна. Община драматическихъ актеровъ подъ управленіемъ С. А. Пальма.

1878— 80. Драма и оперетка. Антреприза С. А. Пальма.

1879. Возрожденіе грузинскаго театра.

> Открытіе первого частнаго театра Арцруни.

> Постоянная армянская труппа.

VI періодъ.

1880 5 апрѣля. Открытіе русской оперы.

1880—1881. Русская опера. Антреприза С. А. Пальма.

1880 12 августа. Первое представленіе «Русалки».

> 26 ноября. Первое представленіе «Жизнь за Царя».

> ?? Закладка новаго театра.

- 1881 *Весна*. Русская драма. Антреприза Пальма.
1881—1882. Русская драма. Антреприза Пальма. Самъ Пальма
съ оперой въ Одессѣ.
1881 *декабрь*. Крахъ антрепризы Пальма.
» » Труппа Кумшана.
1882. *Весна*. Драматическая и опереточная труппа Кумшана.

VII періодъ.

- 1882 1883. Оперная труппа. Антреприза Ив. Ег. Питоева.
1883 *8 февраля*. Первая постановка «Евгенія Онѣгина»
1883 *лѣто*. Гастроли Г. Н. Федотовой съ труппой Малаго театра.
1883—1884. Опера и оперетка. Антреприза Ив. Питоева.
1883 *Осень*. А. Н. Островскій въ Тифлисѣ.
1884 *Весна*. Драма. Антреприза Ив. Питоева. Гастроли Иванова-Козельскаго.
1885 *Весна*. Тоже. Гастроли Правдина, Ленскаго Южина и Сазонова. Въ театрѣ Арциуни гастроли Иванова-Козельскаго.
1885—1886. Опера и драма. Антреприза Ив. Питоева.
1886. *Весна*. Опера. Тоже.
1886—1887. Опера. Антреприза Ив. Питоева.
1886. *12 ноября*. Крахъ Ив. Питоева. Дѣло переходитъ въ руки дирекціи.

VIII періодъ.

1887. *Весна*. Драма В. Л. Форкати. Гастроли Савиной и Южина.
1887—1888. Опера. Дирекція. Открытіе перестроеннаго театра дворянскаго земельного банка. Драма В. Л. Форкати.
1888. *Лѣто*. Гастроли труппы Малаго театра съ Г. Н. Федотовой.
1888 *6 ноября*. Открытіе Артистическаго общества.
1888—1891. Опера. Антреприза Артистическаго общества.
1888. *Весна*. Первый пріѣздъ французской оперетки.
1890. *Весна*. Банковскій театръ. Гастроли Э. Росси (антреприза В. Л. Форкати).

1891. Постъ. Банковый театръ. Гастроли М. Н. Ермоловой.
1891—1892. Драма. Атреприза Артистическаго о-ва. Арен-
довано оба театра: Казенный и Банковскій.

Періодъ IX.

- 1892—1893. Драма. Атреприза Форкатти. Гастроли П. А.
Стрепетовой.
1893—1906. Опера. Атреприза Форкатти.

Періодъ X.

- 1896 3 ноября. Открытіе Новаго зданія казеннаго театра.
Опера.
1901 8 февраля. Открытіе Новаго театра Артистическаго
О-ва. Драма.
1902. Весна. Казенный театръ закрытъ.
1902. Казенный театръ вновь открытъ.
1908 14 декабря. Открытіе перестроеннаго театра гру-
зинскаго дворянства.
1909 25 апреля. Официальное открытіе Народнаго дома
имени В. Я. Зубалова.

Конецъ.

1731 ✓

პარლამენტის პრინციპული ბიბლიოთეკა

R 110.304/3 0

პარლამენტული
ბიბლიოთეკა